

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

БЛИЖНИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ВОСТОК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит 4 раза в год

**№ 3 (3)
2023**

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакция

Аватков В.А. – главный редактор, д-р полит. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ

Крылов Д.С. – заместитель главного редактора, ИНИОН РАН, Москва, РФ

Останин-Головня В.Д. – заместитель главного редактора, ИНИОН РАН, Москва, РФ

Редакционная коллегия

Андропова И.В. – д-р экон. наук, РУДН, Москва, РФ

Асанканов А.А. – д-р ист. наук, академик НАН КР, Бишкек, Киргизская Республика

Воробьев С.В. – д-р ист. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ

Долгов Б.В. – д-р ист. наук, ИВ РАН, Москва, РФ

Ирхин А.А. – д-р полит. наук, Севастопольский государственный университет, Севастополь, РФ

Каширина Т.В. – д-р ист. наук, МГЛУ, Москва, РФ

Койчуманова Ч.У. – д-р ист. наук, член-корреспондент НАН КР, Бишкек, Киргизская Республика

Курьлёв К.П. – д-р ист. наук, РУДН, Москва, РФ

Лункин Р.Н. – д-р полит. наук, ИЕ РАН, Москва, РФ

Макаров О.С. – д-р юрид. наук, Белорусский институт стратегических исследований, Минск, Республика Беларусь

Малышева Д.Б. – д-р полит. наук, ИМЭМО РАН, Москва, РФ

Мигранян А.А. – д-р экон. наук, ИЭ РАН, Москва, РФ

Панин В.Н. – д-р полит. наук, Институт международных отношений Пятигорского государственного университета, Пятигорск, РФ

Пономарева Е.Г. – д-р полит. наук, МГИМО МИД России, Москва, РФ

Сафрастьян Р.А. – д-р ист. наук, ИВ НАН РА, Ереван, Республика Армения

Сейдуманов С.Т. – д-р социол. наук, академик НАН РК, Алматы, Республика Казахстан

Феофанов К.А. – д-р полит. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ

Штоль В.В. – д-р полит. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ

Журнал «Ближний и Постсоветский Восток» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-85544 от 27 июня 2023 г.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.00

ISSN 2949-2408

© ИНИОН РАН, 2023

**INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

MIDDLE & POST-SOVIET EAST

ACADEMIC JOURNAL

4 issues per year

**N 3 (3)
2023**

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorials

Vladimir A. Avatkov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Danila S. Krylov – Deputy Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vasily D. Ostanin-Golovnya – Deputy Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial board

Inna V. Andronova – RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abylabek A. Asankanov – Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic

Sergey V. Vorobyov – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Boris V. Dolgov – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexander A. Irkhin – Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Tatiana V. Kashirina – Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Cholpon U. Koichumanova – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic

Konstantin P. Kurylev – RUDN University, Moscow, Russian Federation

Roman N. Lunkin – Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Oleg S. Makarov – Belarusian Institute for Strategic Studies, Minsk, Republic of Belarus

Dina B. Malysheva – IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Aza A. Migranyan – Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Viktor N. Panin – Institute of International Relations, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

Elena G. Ponomareva – MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Ruben A. Safrastyan – Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia

Serik T. Seidumanov – Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Konstantin A. Feofanov – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir V. Shtol – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

The journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ № ФС 77-85544.

Opinions of the authors may not coincide with ideas of editorial.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.00
ISSN 2949-2408

© INION RAN, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Кирчанов М.В. Ревизия наследия Ататюрка в современной турецкой исторической политике.....	7
Рыжов И.В., Сулейменов А.Р. Героический миф в образовательном дискурсе постсоветского Казахстана	35
Лазоркина О.И. Турция во внешней политике Польши	48
Савельева М.А. Анализ взаимного восприятия России и Армении.....	60
Глухов И.Д. Эволюция внешнеполитического курса Ирана в Латинской Америке в контексте трансформации системы международных отношений.....	77
Гузаеров Р.И. Турция как средняя держава в системе международных отношений.....	97
Крылов Д.С. Анализ идейно-ценностного потенциала государств Ближнего Востока на современном этапе	113
Кудряшова Д.А. Политика ЕС по стабилизации Средней Азии.....	134
Аватков В.А. Отстаивая собственное «я»: фактор онтологической безопасности во внешней политике современной Турции. Интервью с профессором Тогрулом Исмаилом	145

CONTENTS

<i>Maksym V. Kyrchanoff.</i> Revision of Atatürk's Legacy in Modern Turkish Historical Politics	7
<i>Igor V. Ryzhov, Andrey R. Suleimenov.</i> Heroic Myth in Educational Discourse of Post-Soviet Kazakhstan	35
<i>Olga I. Lazorkina.</i> Turkey in Poland's Foreign Policy	48
<i>Maria A. Savelyeva.</i> Analysis of Mutual Perception of Russia and Armenia	60
<i>Ivan D. Glukhov.</i> Evolution of Iran's Foreign Policy in Latin America within Transformation of International Relations	77
<i>Razil I. Guzaerov.</i> Turkey as Middle Power in System of International Relations	97
<i>Danila S. Krylov.</i> Analysis of Ideological and Value Potential of Middle East Powers at Present Stage	113
<i>Daria A. Kudryashova.</i> EU Policy on Central Asia Stabilization	134
<i>Vladimir A. Avatkov.</i> Defending Own Identity: Factor of Ontological Security in Foreign Policy of Modern Turkey. Interview with Professor Togrul Ismail	145

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.01

УДК 323

РЕВИЗИЯ НАСЛЕДИЯ АТАТЮРКА В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

КИРЧАНОВ Максим Валерьевич

доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения
и экономики зарубежных стран факультета международных отношений,
доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения
исторического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный университет».

E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

SPIN-код: 6547-1027

ORCID: 0000-0003-3819-3103

Для цитирования: Кирчанов М.В. Ревизия наследия Ататюрка в современной турецкой исторической политике // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 7–34. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.01.

Аннотация. Автор анализирует особенности и направления развития ревизионизма в современной мемориальной культуре и исторической политике Турции. Предполагается, что историческая память в ее ревизионистской версии отражает основные тенденции трансформации коллективных представлений о прошлом, включая образы Османской империи и политики Ататюрка. В статье выделены основные проблемы, которые формируют информационную повестку дня современного турецкого исторического ревизионизма как формы политики памяти. Целью статьи является анализ основных направлений развития исторического ревизионизма в современной мемориальной культуре турецкого общества. Автор использует методы, предложенные в рамках мемориального поворота в современной междисциплинарной историографии, позволяющие выявить и систематизировать особенности трансформации коллективной исторической памяти турецкого общества через призму исторического ревизионизма. Статья является одной из немногочисленных попыток интерпретации исторической политики памяти в современном турецком обществе в контекстах развития ревизионизма, сфокусированного на ревизии наследия Османской Империи и модернизационной

политики Ататюрка. В статье проанализированы основные векторы и траектории использования исторического ревизионизма как одного из компонентов современной мемориальной культуры Турции. Предполагается, что политика правящих элит стимулирует процессы умеренной реисламизации турецкого общества, что вдохновляет одновременно ревизию коллективных представлений об Империи и пересмотр интерпретаций авторитарной модернизации, предложенных ранее в политической традиции кемализма. Современные правящие элиты стимулируют политические и идеологические противоречия между турецкими экспертами и интеллектуалами по вопросам коллективного исторического и политического опыта как Империи, так и Республики, что отражено в мемориальных культурах, имеющих различные идеологические основания. Показано, что современная историческая политика актуализирует ситуацию параллельного соразвития различных мемориальных культур, основанных на взаимоисключающих образах Империи и Республики. Автор полагает, что политические элиты Турции вынуждены лавировать между кемалистской и ревизионистской версиями исторической памяти. Показано, что ревизионисты вынуждены учитывать нормы кемалистского мемориального канона, что не позволяет им радикально пересмотреть основания мемориальной культуры, демонтировав культ Ататюрка, превратив имперские образы, основанные на идеологии неоосманизма, в основу доминирующей мемориальной культуры.

Ключевые слова: Турция, историческая политика, кемализм, неоосманизм, политика памяти, войны памяти, исторический ревизионизм.

Revision of Atatürk's Legacy in Modern Turkish Historical Politics

Maksym V. KYRCHANOFF

DSc in History, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Faculty of History, Voronezh State University.

E-mail: maksymkyrchchanoff@gmail.com

SPIN-code: 6547-1027

ORCID: 0000-0003-3819-3103

For citation: Kyrchanoff M.V. (2023). Revision of Atatürk's Legacy in Modern Turkish Historical Politics. *Middle & Post-Soviet East*, no. 3 (3), pp. 7–34. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.01.

Abstract. The author analyzes the features and directions of development of revisionism in the modern memorial culture and historical policy of Turkey. It is assumed that the historical memory in its revisionist version reflects the main trends in the transformation of collective ideas about the past, including the images of the Ottoman Empire and Atatürk's policies. The article highlights the main problems that form the information agenda of modern Turkish historical revisionism as a form of memory politics. The purpose of the article is to analyze the main directions of development of historical revisionism in the modern memorial culture of Turkish society. The author uses the methods proposed in the framework of the memorial turn in modern interdisciplinary historiography, which make it possible to identify and systematize the features of the transformation of the collective historical memory of Turkish society through the prism of historical revisionism. The article is one of the few attempts to interpret the historical politics of memory in modern Turkish society in contexts of the development of revisionism, focused on the revision of the legacy of the Ottoman Empire and the modernization policy of Atatürk. The article analyzes the main vectors and trajectories of the use of historical revisionism as one of the components of modern Turkish memorial culture. It is assumed that the policy of the ruling elites stimulates the processes of moderate re-Islamization of Turkish society, which inspires a revision of the collective ideas about the Empire and a revision of the interpretations of authoritarian modernization, proposed earlier in the political tradition of Kemalism. Modern ruling elites stimulate political and ideological contradictions between Turkish experts and intellectuals concerning collective historical and political experience of the Empire and the Republic, which is reflected in memorial cultures that have different ideological foundations. It is shown that modern historical politics actualizes the situation of parallel co-development of various memorial cultures based on mutually exclusive images of the Empire and the Republic. The author believes that the political elites of Turkey are forced to maneuver between the Kemalist and revisionist versions of historical memory. It is shown that revisionists are forced to take into account the norms of the Kemalist memorial canon, which does not allow them to radically revise the foundations of memorial culture, dismantling the cult of Atatürk and turning imperial images based on the neo-Ottoman ideology into the basis of the dominant memorial culture.

Keywords: Turkey, historical politics, Kemalism, neo-Ottomanism, politics of memory, wars of memory, historical revisionism.

В современном мире история стала важным символическим ресурсом, который используется правящими политическими элитами как для решения задач, которые перед ними стоят во внут-

ренной и внешней политике, так и для культивирования и развития политической лояльности и идентичности тех сообществ, к которым они принадлежат. Поэтому история может различными способами использоваться современными политическими элитами. Вместе с тем следует признать, что история стала важным политическим ресурсом не без участия профессиональных историков. В этом контексте академическое сообщество несет ответственность за политизацию и идеологизацию истории, за ее превращение в элемент политической культуры и инструмент политической мобилизации. Формы и методы политически мотивированного и идеологически выверенного использования истории могут отличаться, завися от специфики тех или иных правящих элит и политических режимов, которые ими конструируются. Не является исключением из этой универсальной логики политизации исторического знания, ведущей к применению истории в качестве ресурса политики, и современная Турецкая Республика.

Попытки ревизии политики Ататюрка, его роли в новейшей турецкой истории будут в центре авторского внимания в представленной статье. Целью статьи является анализ исторического ревизионизма в Турции как составного элемента политики памяти на примере попыток пересмотра роли Мустафы Кемаля в новейшей турецкой истории. В число задач автора входит: 1) анализ основных тенденций ревизии деятельности Ататюрка современными турецкими агентами исторической политики, 2) изучение специфики исторического ревизионизма в контекстах пересмотра роли и значения модернизационной политики Мустафы Кемаля, 3) выявление перспектив развития исторического ревизионизма в современной Турции, центральными идеями которого являются отказ от ранее предложенных доминант восприятия политики Ататюрка, основанных на ценностях светского государства и гражданского турецкого политического национализма.

Методологически представленная статья использует подходы, предложенные в рамках современного мемориального поворота, а также в междисциплинарных направлениях современной исторической науки, которые представлены интеллектуальной историей, археологией идей и историей идей. Используя методы, предложенные в рамках мемориального поворота, исторический ревизионизм может восприниматься как один из инструментов

проведения политики памяти и формирования различных мнемонических культур. Кроме этого, попытки исторического ревизионизма, которые проявляются в предложении, выдвижении и развитии различных исторических нарративов и носят альтернативный характер, отличаясь от государственной политики памяти, могут быть проанализированы и успешно анализируются в рамках таких междисциплинарных направлений как интеллектуальная история и история идей. В этом контексте основные нарративы, предлагаемые в рамках ревизии роли Мустафы Кемаля, в современной турецкой исторической политике мы можем воспринимать как интеллектуальные конструкты. В этой ситуации в центре внимания исследователей оказываются именно нарративы и те дискурсивные конструкции, формируемые в результате интеллектуальной активности участников исторической политики, т.е. агентов современной коллективной исторической и политической памяти.

Политика памяти в Турции: мемориальная культура и ревизионизм

История используется современными политическими турецкими элитами. Турция, как и большинство стран современного мира, проводит собственную версию исторической политики, которая направлена на формирование различных версий исторической памяти, соотносимой с официальным каноном мемориальной культуры. Особую роль в исторической политике современной Турции играет культ Ататюрка, который в последние годы в условиях усиления умеренного исламизма подвергается пересмотру и ревизии. Йылдырай Огур, турецкий аналитик, в связи с этим подчеркивает, что «кемализм переживает, пожалуй, самый глубокий кризис в своей истории»¹. В этом контексте становится заметной роль такого инструмента исторической политики, как ревизионизм.

Историческая политика в Турции самым тесным образом связана с процессами социальной и политической модернизации,

¹ Огур Й. Кемализма не осталось, мы привнесем мустафаизм. Oğur Y. Kemalizm kalmadı, Mustafaizm verelim // Açık Radyo. – 04.11.2008. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/arsiv-icerigi/kemalizm-kalmadi-mustafaizm-verelim> (дата обращения: 21.07.2023).

которые проводились после провозглашения республики, взявшей курс на реализацию «радикальной программы этнической гомогенизации при помощи прославления турецкой идентичности как источника гордости и целостности для различных народов Анатолии. После столетий признания различий между жителями империи, устранение сначала армян и ассирийцев, а затем греков привело к тому, что мультикультурная империя превратилась в более однородное государство, состоящее в основном из турок-мусульман»². Такая ситуация нуждалась в легитимации. Последняя осуществлялась путем использования символического ресурса прошлого в рамках исторической политики, направленной на формирование как коллективной памяти, так и мемориальной культуры. Особая роль в рамках такой политики отводилась элитами манипуляциям с прошлым, которые в историографии фигурируют как «исторический ревизионизм».

Турция имеет свои собственные традиции исторического ревизионизма, что позволяет турецким историкам утверждать наличие в стране «непрерывной традиции исторического ревизионистской историографии»³. Вместе с тем турецкий исторический ревизионизм характеризуется значительными национальными особенностями, связанными со спецификой политической культуры в этой стране.

Аспекты, которые в европейской или американской историографии традиционно определяются как «исторический ревизионизм», в Турции не воспринимаются в качестве проявлений последнего. Известно, что на официальном уровне в стране отрицается геноцид армян 1915 г. Альтернативные воззрения и подчеркивание вины Турции в рамках современной политики памяти, проводимой на государственном уровне, подвергаются криминализации. Кроме этого, турецкими интеллектуалами высказы-

² Суни Р.Г. Исторический ревизионизм и глобальная политика. Suny R.G. Tarihi Revizyonizm ve Küresel Siyaset // Açık Radyo. – 25.05.2016. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/makale-yorum-analiz/tarihi-revizyonizm-ve-kuresel-siyaset> (дата обращения: 21.07.2023).

³ Актюрк Ш. Историческая политика в Турции: ревизионистская историография бросает вызов официальной версии войны Турции за независимость // Историческая политика в 21 веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 506.

ваются точки зрения на Холокост, совершенный на территории Европы в период диктатуры НСДАП в Германии и Второй мировой войны, которые в значительной степени отличаются от принятого в Европейском союзе канона политической корректности и толерантности.

Для ревизионизма в современной Турции характерна иная тематика и другой состав участников. Ревизионистской интерпретации в турецкой мемориальной культуре коллективной памяти подвергаются проблемы национальной истории XX в., связанные с крушением и ликвидацией Османской империи, утверждением и развитием кемализма, светской кемалистской модернизации и политикой секуляризации, которая, формируя основы современного государства, привела к сокращению роли и влияния ислама. Исходя из этого, основными участниками исторической политики, которые вовлечены в ревизию мемориального канона, являются исламисты, либералы и левые интеллектуалы, которые понимают несовместимость своих принципов с идеологическими постулатами кемализма.

Поэтому особую роль в историческом ревизионизме играют в настоящее время тенденции, связанные с попытками пересмотра роли Ататюрка и его значения в современной турецкой истории. По мнению турецких экспертов, несмотря на авторитарный характер политического режима, созданного Ататюрком, коллективная память не была поставлена под контроль. Поэтому, несмотря на то что «кемализм 1930-х годов был идеологией власти, основанной на пересечении радикального секуляризма, этнического национализма и авторитарного централизма», программа модернизации, предложенная и реализованная Ататюрком, «не находила отклика в обществе»⁴, что в последующем стало стимулом для развития исторического ревизионизма в турецкой мемориальной культуре.

В этом контексте логика и основные векторы развития исторического ревизионизма в современной турецкой мемориальной культуре соотносятся с аналогичными тенденциями в Европе, где

⁴ Огур Й. Кемализма не осталось, мы привнесем мустафаизм. Oğur Y. Kemalizm kalmadı, Mustafaizm verelim // Açık Radyo. – 04.11.2008. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/arsiv-icerigi/kemalizm-kalmadi-mustafaizm-verelim> (дата обращения: 21.07.2023).

помимо ревизии истории в рамках «негативного ревизионизма», направленного на оправдание военных преступлений и массового террора, развивается и «позитивный ревизионизм», который «стремится ниспровергнуть нарративы, предпочитаемые обществом и формально устанавливающие то, что предположительно произошло в прошлом, узаконивая распределение власти и собственности»⁵. Таким образом, наряду с государственно поддерживаемым, основанным на отрицании геноцида армян и на специфическом отношении к Холокосту в условиях непростых турецко-израильских отношений, в Турции существуют тенденции ревизии истории для внутреннего политического пользования, которые периодически используются различными политическими силами, как правило, в электоральной борьбе за власть. Особую роль в турецком историческом ревизионизме играют проблемы, связанные с пересмотром наследия Ататюрка – основателя современной турецкой государственности.

Антимодернистский ревизионизм и критика кемализма в исторической политике современной Турции

Первые проявления исторического ревизионизма в политике коллективной памяти (но не в историографии, где они возникли гораздо раньше⁶) в отношении кемализма стали заметны в Турции в конце 2000-х годов, что было связано с выходом фильма «Mustafa» (2008), в рамках которого была предпринята попытка пересмотреть тот образ Ататюрка, который сложился в результате развития его культа и последовательной идеализации в предшествующие годы. Создатели фильма попытались отойти от каноничного образа создателя современной Турции, «описав

⁵ Суни Р.Г. Исторический ревизионизм и глобальная политика. Suny R.G. Tarihi Revizyonizm ve Küresel Siyaset // Açık Radyo. – 25.05.2016. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/makale-yorum-analiz/tarihi-revizyonizm-ve-kuresel-siyaset> (дата обращения: 21.07.2023).

⁶ Актюрк Ш. Историческая политика в Турции: ревизионистская историография бросает вызов официальной версии войны Турции за независимость // Историческая политика в 21 веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 506–542.

человека Ататюрка со слабостями, амбициями, недостатками и одиночеством»⁷.

На данном этапе ревизия прошлого воспринималась как эффективный механизм создания более открытой мемориальной культуры коллективной исторической памяти. Мете Тунчай в 2010 г. подчеркивал, что «корень всех искажений, с которыми мы сталкиваемся сегодня, лежит в нашей недавней истории. Вот почему нам мешают узнать о нашей недавней истории, узнать все факты и открыто их обсудить. Наше прошлое, особенно наша недавняя история, цензурируется и искажается»⁸. Истоки такой цензуры памяти турецкие интеллектуалы были склонны видеть в той политической культуре, которая в стране была установлена в результате модернизации, инициированной Ататюрком.

Такой ревизионизм стимулировался не только желанием отдельных групп пересмотреть роль Ататюрка, но коренился в той коллективной травме, которую в XX в. получило турецкое общество в условиях авторитаризма. Комментируя роль последнего, Ахмет Инсель подчеркивает, что «авторитаризм существовал в Турции до Эрдогана. Авторитаризм – самая стойкая форма режима в Турции. Турция – институционализированная авторитарная республика, возникшая до 1923 г. Режим, где есть однопартийная власть, уже авторитарен. Мы видели, что авторитарные тенденции появились, хотя за ними и пришла демократизация, но мы пережили и военные перевороты, ставшие вершиной авторитаризма»⁹.

⁷ Огур Й. Кемализма не осталось, мы привнесем мустафаизм. Oğur Y. Kemalizm kalmadı, Mustafaizm verelim // Açık Radyo. – 04.11.2008. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/arsiv-icerigi/kemalizm-kalmadi-mustafaizm-verelim> (дата обращения: 21.07.2023).

⁸ Тунчай М. Судебная система периода Ататюрка плачевна. Tunçay M. Atatürk dönemi yargısı icler acısı // Açık Radyo. – 03.03.2010. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/arsiv-icerigi/mete-tuncay-ataturk-donemi-yargisi-icler-acisi> (дата обращения: 21.07.2023).

⁹ Танели Э., Инсел А. Турция: случайная (хаотичная) демократия, произвольный (беспорядочный) авторитаризм, сказания о пострадавших. Taneli Ö., İnsel A. Türkiye: Rastlantısal Demokrasi, Keyfi Otoriterizm, Mağdurlar Manzumesi // Açık Radyo. – 03.07.2018. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/makale-yorum-analiz/turkiye-rastlantisal-demokrasi-keyfi-otoriterizm-magdurlar-manzumesi> (дата обращения: 21.07.2023).

В сложившейся ситуации для мемориальной культуры современного турецкого общества характерно смешение понятий «история» и «прошлое». Комментируя особенности восприятия этих категорий агентами памяти, склонными к ревизионизму, Джэймс Баннер подчеркивает, что «фундаментальной чертой исторической мысли является различие “прошлого” и “истории”». То, что мы называем “прошлым” – это то, что произошло в какой-то момент до настоящего времени. Как только это происходит, “прошлое” уходит навсегда – за пределами повторения, за пределами повторного переживания, за пределами воспроизведения... История – это то, что люди делают из безвозвратно ушедшего прошлого из сохранившихся документов и артефактов»¹⁰.

Агенты политики памяти, склонные к ревизионизму, свободны от формальных академических ограничений и поэтому смешивают историю и прошлое, что позволяет инструментализировать коллективные представления о них, превращая память в относительно эффективный идеологический ресурс. В рамках такого понимания политического опыта Турции ее историческая память как производная от кемализма воспринимается как атрибут и характеристика авторитарности, что превращает исторический ревизионизм в глазах либеральных интеллектуалов в эффективный инструмент не пересмотра истории, но ревизии авторитарной политической культуры. Кемализм, начиная с конца 1930-х годов, определял основные векторы развития как академической историографии, так и исторической памяти. Вместе с тем для функционирования исторической науки и мемориальных практик в Турции характерна уникальная динамика, которая в значительной степени выделяет турецкую ситуацию из международного контекста. Если в Европе академические представления о прошлом «находятся в постоянном движении и наши убеждения постоянно пересматриваются... Историография является прогрессивной и инновационной дисциплиной, состоящей из различных динамичных исследовательских программ именно потому, что она способна пересматривать себя, постоянно совершенствоваться, рас-

¹⁰ Banner J.M. All History Is Revisionist History // Humanities. – 16.03.2021. – URL: <https://www.neh.gov/article/all-history-revisionist-history> (дата обращения: 21.07.2023).

ширять знания и становиться актуальной в новых исторических контекстах»¹¹, то в Турции для кемалистской историографии, наоборот, характерны тенденции консервативной стабильности в то время как функции пересмотра представлений о прошлом берет на себя политика памяти, ставшая пространством пересмотра истории.

В рамках ревизии прошлого активно подчеркивается то, что как Османская империя, так и предшествующая ей Византия представляли собой многосоставные государства. Комментируя роль государств-предшественников современной Турецкой Республики, Селим Дерингил подчеркивает: «кем бы ни правила Византийская империя в Анатолии в то время было много греков и армян, были курды, арабы, ассирийцы, халдеи, несториане, евреи... Греки, армяне, курды были повсюду. Греки были в Стамбуле, на побережье Черного и Эгейского морей, а армяне были в основном в Восточной Анатолии... Процент людей, являющихся прямыми потомками тюрков из Средней Азии, вероятно, очень низок в сегодняшнем турецком населении»¹². Продвижение именно такого нарратива в целом укладывается в логику исторического ревизионизма, направленного на пересмотр примата национализма и этничности в той государственной модели, которая была предложена Ататюрком.

Конфронтация мемориальных культур и ревизионизм в исторической политике

Поэтому в современной Турции, как и в других обществах, «политика работает не с прошлым (ибо это то, чего больше нет), а с социальными представлениями о прошлом. При этом она имеет дело не столько с историей – систематической реконструкцией прошлого, основанной на критическом отборе, сколько с тем, что

¹¹ Tucker A. Historiographic Revision and Revisionism. The evidential difference // Past in the making. Historical revisionism in Central Europe after 1989 / ed. M. Kopeček. – Budapest: Central European University Press, 2013. – P. 1–14.

¹² О нашей недавней истории с Селимом Дерингилем. Selim Deringil ile yakın tarihimiz üzerine // Açık Radyo. – 02.04.2010. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/arsiv-icerigi/selim-deringil-ile-yakin-tarihimiz-uzerine> (дата обращения: 21.07.2023).

принято называть коллективной памятью, т.е. с социально разделяемым культурным знанием о прошлом, которое опирается на разные источники и отличается принципиальной неполнотой и избирательностью»¹³. В такой ситуации подходы как сторонников кемализма, так и их оппонентов к исторической политике характеризуются избирательностью. Комментируя общие тенденции развития исторической науки, Л.П. Репина подчеркивает, что «на фоне кризиса новоевропейского рационализма, который проявляется прежде всего в отказе от притязаний на объективность и постижение истины, происходит обновление способов историзирования и историописания, и шире – исторической культуры»¹⁴, на смену которой приходит мемориальная культура, конструируемая как результат инструментализации, политизации и идеологизации представлений о прошлом в рамках исторической политики.

Если официальная мемориальная культура основана на идеализации одних моментов и маргинализации других, то ревизионисты, предлагающие свои версии коллективной памяти, не менее избирательны, чем агенты политики памяти, проводимой государством. В рамках такой альтернативной модели мемориальной культуры исторический ревизионизм не только открывал и визуализировал «страницы, тщательно игнорируемые официальной историей»¹⁵, но фактически был направлен на пересмотр кемализма в направлении отказа от моноэтничности Турции и актуализации фактора гетерогенности как в прошлом, так и в современности. Поэтому активисты политики памяти, склонные к ревизии истории, негативно воспринимают слова создателя современной Турции «*Ne mutlu Türküm diyene*» («Как счастлив тот, кто турок»), полагая, что обществу следует «отказаться от исторических

¹³ Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Историческая политика в 21 веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 32.

¹⁴ Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2006. – С. 6.

¹⁵ Хюр А. Страницы, тщательно игнорируемые официальной историей. *Hür A. Resmi Tarihin İtinayla Yok Saydığı Sayfalar* // *Açık Radyo*. – 09.02.2012. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/arsiv-icerigi/resmi-tarihin-itinayla-yok-saydigi-sayfalar> (дата обращения: 21.07.2023).

ошибок»¹⁶, институционализированных кемализмом, т.е. признать гетерогенность и пересмотреть отношение к дореспубликанскому наследию – исламу и империи.

В подобной ситуации «коллективная память сохраняет и сакрализует символы коллективной идентичности, создающие общее семиотическое пространство и очерчивающие границы группы»¹⁷, которые в турецких реалиях ограничены кемалистами и их оппонентами, настаивающими на проведении ревизии исторической памяти. Несмотря на то что «селекционные и интерпретационные механизмы исторической памяти в разные эпохи и в разных обществах, будь то на уровне индивида, семьи, социальных групп или организаций»¹⁸ могут варьироваться, в рамках ревизионистской исторической политики подчеркивается близость между османизмом и кемализмом, так как обе доктрины воспринимаются в качестве не просто националистических, но экспансионистских¹⁹. Вместе с тем первая в современной мемориальной политике оказывается в центре войн памяти²⁰, так как ее влияние гипотетически может быть использовано ревизионистами, которые стремятся к пересмотру политического наследия кемализма. Актуализация подобных нарративов является проявлением именно исторического ревизионизма, так как фактически представляет собой постановку под сомнение универсалии национального государства, предложенную в рамках авторитарной модернизации Ататюрка.

¹⁶ Кереф А. Размышления «турка». Keref A. 'Türk'ün yansımaları // Açık Radyo. – 11.02.2007. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/arsiv-icerigi/turkun-yansimalari> (дата обращения: 21.07.2023).

¹⁷ Васильев А.Г. Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2008. – С. 32.

¹⁸ Репина Л.П. Память и историописание // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2006. – С. 38.

¹⁹ Даглюоглу Э. От колыбели цивилизаций к «сорокавековой турецкой родине». Dağlıoğlu E. Medeniyetler beşiği'nden 'kırk asırlık Türk yurdu'na // Agos. – 01.02.2016. – Турец. яз. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/14226/medeniyetler-besiginden-kirk-asirlik-turk-yurduna> (дата обращения: 21.07.2023).

²⁰ Токдоган Н. Неоосманизм. Обида, ностальгия, нарциссизм. Tokdoğan N. Yeni Osmanlılık. Hınç, Nostalji, Narsisizm. – İstanbul: İletişim, 2020. – 286 p. – Турец. яз.

В этом контексте сторонники пересмотра ранее сложившейся мемориальной культуры полагают, что «выйдя за пределы академического мира, память превратилась в повод и орудие для конфликтов, как в рамках локальных сообществ, так и за их пределами – внутри обществ и государств»²¹. Если исторический позитивизм, по мнению Ю.А. Арнаутовой, «покоится на отделении исторического от мифического в традиции и различает элементы, которые сохраняют прошлое, и те, которые формируют настоящее»²², то версия памяти, формируемая, например, в рамках ревизионизма в Турции, одинаково активно актуализирует элементы как политического мифа, так и актуальной идеологической конъюнктуры.

Ревизия кемализма в исторической политике

Активность сторонников ревизии истории как агентов политики памяти в турецком обществе актуализирует конфликты, которые в рамках кемализма замалчивались. В сложившейся ситуации исторический ревизионизм как элемент исторической политики содействует ее гетерогенизации, которая, правда, носит крайне условный характер. Подобные проявления исторического ревизионизма в 2000-е годы казались умеренными и вполне допустимыми, но по мере усиления тенденций, направленных на пересмотр роли Ататюрка, светские националисты были вынуждены признать, что современные критики и оппоненты создателя Республики достигли значительных успехов в продвижении «докапиталистической системы ценностей»²³, связанной непосредственно с

²¹ Сафронова Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Историческая политика в 21 веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 12.

²² Арнаутова Ю.А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Круг, 2006. – С. 54.

²³ Экинджи Т. «Новая Турция» партии ПСР – это докапиталистический государственный проект. İkinci T. AK Parti'nin Yeni Türkiye'si kapitalizm öncesi devlet projesidir // Açık Radyo. – 12.08.2017. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/makale-yorum-analiz/ak-partinin-yeni-turkiyesi-kapitalizm-oncesi-devlet-projesidir> (дата обращения: 21.07.2023).

историческим ревизионизмом, так как последняя основана на критике модернизации и идеализации ислама и Османской империи. За год до выхода фильма «Mustafa», в 2007 г., турецкие эксперты решительно подчеркивали, что «ататюркизм – это основа нашей Конституции и нашего государства. Это его основополагающий дух. Если убрать его из Конституции, ничего не останется, она будет пустой»²⁴.

Сторонники светского национализма обвиняют Р.Т. Эрдогана в применении радикального исторического ревизионизма и пересмотре роли Ататюрка в истории Турции. Тарик Зия Экинджи, например, подчеркивает, что «кемалистский режим, установленный Ататюрком и его друзьями в 1923 г., был мастерски демонтирован конституционной поправкой, принятой 16 апреля 2017 г. Вместо этого устанавливается новый режим под руководством г-на Эрдогана с опорой на суннитский ислам. Это – не комментарий, это – реальность»²⁵. В связи с этим гражданские националисты открыто выражают свои опасения возможной ревизии истории, что будет в первую очередь направлено на пересмотр роли Ататюрка. В Турции на протяжении 2000–2020-х годов историческая память постоянно увеличивала свое значение, так как в современном мире «именно память, живое присутствие прошлого в сознании человека, было необходимым условием гражданского сознания – способности гражданина самостоятельно ориентироваться в прошлом и исходя из этого выстраивать свое настоящее и полагать будущее»²⁶.

Особенностью турецкой ситуации стало то, что будущее, предлагаемое в рамках ревизионистской модели исторической

²⁴ Конституционные дебаты начались с кемализма. Anayasa Tartışması Kemalizm’le Başladı // Açık Radyo. – 30.07.2007. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/arsiv-icerigi/anayasa-tartismasi-kemalizmle-basladi> (дата обращения: 21.07.2023).

²⁵ Экинджи Т. «Новая Турция» партии ПСР – это докапиталистический государственный проект. İkinci T. AK Parti’nin Yeni Türkiye’si kapitalizm öncesi devlet projesidir // Açık Radyo. – 12.08.2017. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/makale-yorum-analiz/ak-partinin-yeni-turkiyesi-kapitalizm-oncesi-devlet-projesidir> (дата обращения: 21.07.2023).

²⁶ Савицкий Е.Е. Гражданская нация и негражданское историописание // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2008. – С. 108.

памяти, подвергает не только пересмотру прошлое, связанное с кемализмом, но и последовательно идеализирует другие уровни прошлого, относящиеся к Империи. В современном турецком обществе ревизия мемориальной культуры в значительной степени осложнена стабильностью официального канона исторической памяти. Поэтому правящие элиты и провластные интеллектуалы активно используют тактику, основанную на обвинении своих оппонентов в том, что они «практикуют ревизионистскую историю», что фактически «равносильно обвинению в искаженном и нечестном представлении истории с целью продвижения определенной социальной или политической программы»²⁷. Либеральные авторы выражают свое несогласие с такой риторикой современных кемалистов, полагая, что общество нуждается в ревизии наследия классического кемализма, так как последний оказался чрезвычайно консервативным, застойным и не смог эффективно реагировать на внутренние вызовы.

Поэтому некоторыми турецкими интеллектуалами, вовлеченными в политику памяти, признается «неоспоримое существование независимого политического турецкого национализма»²⁸, но ими же высказывается сомнение в разделении националистического дискурса на правый и левый, что было предложено в период Ататюрка. Подобные скептические настроения в мемориальной культуре можно интерпретировать как проявления «диалога, который необязательно должен вести к согласию и примирению по поводу прошлого»²⁹. Это предположение представляется не очень эффективным для изучения ревизионизма в турецкой политике памяти, так как элементы диалога выражены слабее, чем диктат

²⁷ Bartram E. What Is Revisionist History? // *Contingent Magazine*. – 08.08.2019. – URL: <https://contingentmagazine.org/2019/08/08/mailbag-august-8-2019/> (дата обращения: 21.07.2023).

²⁸ Байкент С. Проблема «ревизионистского национализма» в Турции. Baykent S. Türkiye'deki "revizyonist milliyetçilik" sorunu // *Independent Türkçe*. – 08.10.2020. – Турец. яз. – URL: <https://www.indyturk.com/node/255081/türkiyeden-sesler/türkiyedeki-revizyonist-milliyetçilik-sorunu> (дата обращения: 21.07.2023).

²⁹ Миллер А. Методологические проблемы изучения политики памяти – решенные, нерешенные и неразрешимые // *Методологические вопросы изучения политики памяти* / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. – М., СПб.: Нестор История, 2018. – С. 8.

политических элит как основного вдохновителя мемориального канона, в рамках которого существует турецкий социум. Ситуация осложняется и тем, что турецкий гражданский национализм несет ответственность за фактическую институционализацию такой ситуации.

Религиозное и этническое в историческом ревизионизме

Ревизионисты в современной Турции активно используют исламский ресурс в своей полемике с кемалистами, обвиняя их в монополизации формирования и развития националистической идеи³⁰, в игнорировании роли ислама и указывая на важность синтеза национализма и политического ислама, что является попыткой подвергнуть пересмотру основы кемалистского видения истории. По мнению Ахмета Инсея, политический режим, созданный Ататюрком, утвердил не только авторитаризм, но и культуру памяти, в основе которой лежат множественные взаимные фобии, так как, по его словам, «в турецком обществе все боятся самых близких. Больше всего они боятся стать жертвой другой идентичности. Мусульмане являются жертвами кемалистов, алевиты считают себя жертвами суннитов, сунниты считают себя жертвами западного мира, кемалисты считают, что Запад всегда пытается разделить Турцию... Курды находятся под угрозой со стороны турок. Немусульмане находятся под угрозой всех. Военные раньше были правящим классом, но теперь они видят себя жертвами. Турция – это страна жертв. Все являются жертвами друг друга. Поэтому все друг друга боятся»³¹.

³⁰ Челик М. Омер Сейфеттин: Я националист, поддерживающий Исламский Альянс; Всякий раз, когда я читаю Мехмета Акифа, я становлюсь утопистом, поддерживающим Исламский Союз. Çelik M. Ömer Seyfettin: İttifak-ı İslam taraftarı bir milliyetperverim; ne vakit Mehmet Akif'i okusam İttihad-ı İslam taraftarı bir ütöplast oluveririm // Independent Türkçe. – 21.05.2022. – Турец. яз. – URL: <https://www.indyturk.com/node/512201/kültür/ömer-seyfettin-ittifak-ı-islam-taraftarı-bir-milliyetperverim-ne-vakit-mehmet> (дата обращения: 21.07.2023).

³¹ Танели Э., Инсел А. Турция: случайная (хаотичная) демократия, произвольный (беспорядочный) авторитаризм, сказания о пострадавших. Taneli Ö., İnşel A. Türkiye: Rastlantısal Demokrasi, Keyfi Otoriterizm, Mağdurlar Manzumesi // Açık Radyo. – 03.07.2018. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/makale-yorum>

Стремление преодолеть такие фобии и стимулирует исторический ревизионизм, основанный в умеренной версии на пересмотре кемализма, а в радикальной – на его отказе как форме политического авторитаризма. Если в Европе «частью космополитической культуры памяти было представление о межнациональном диалоге как способе выработки неконфликтного и согласованного подхода к трудным, травматическим темам прошлого»³², то в турецком обществе проводниками такой проблематики в мемориальной культуре стали исторические ревизионисты. При этом они вовсе не были заинтересованы в установлении толерантных отношений между этническими сообществами, пересмотр истории которых был необходим только в качестве шага к ревизии наследия Ататюрка. Процессы пересмотра памяти были бы невозможны без формирования в Турции в предшествующий период различных исторических культур, представляющих собой «системы формирования исторических представлений, получения и презентации исторического знания, свойственных определенной социокультурной общности»³³.

Качества и характеристики последней визуализируются именно в рамках ревизионизма в политике памяти, поскольку как и кемалисты, выступающие за консервативную модель памяти, которая исключает даже возможность ее пересмотра, так и ревизионисты, критикующие кемализм, актуализируют представления об истории, характерные для разных идеологических сегментов социума современной Турции. В сложившейся ситуации ревизия коллективной памяти в Турции происходит путем актуализации и визуализации в обществе «ошибок кемализма»³⁴, замалчивание

analiz/turkiye-rastlantisal-demokrasi-keyfi-otoriterizm-magdurlar-manzumesi (дата обращения: 21.07.2023).

³² Миллер А. Методологические проблемы изучения политики памяти – решенные, нерешенные и неразрешимые // Методологические вопросы изучения политики памяти / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. – М., СПб.: Нестор История, 2018. – С. 6.

³³ Румянцев М.Ф. Историческое знание и историческая память в структуре исторической культуры // Диалог со временем. – 2019. – № 67. – С. 42.

³⁴ Деллалоглу Б. ПСР должна перестать оправдываться ошибками кемализма. Dellaloğlu B. aKP Kemalizm'in hatalarıyla kendini doğrulamaktan vazgeçmeli // Agos. – 17.06.2013. – Турец. яз. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/5144/>

которых ранее стимулировало консерватизм мемориальной культуры, а начиная с 2000-х годов, наоборот, ведет к ее пересмотру. Поэтому ревизионисты в современной политике памяти указывают на важность пересмотра самой повестки дня, которая формирует мемориальную культуру. Ахмет Тарик Челенк, один из интеллектуалов-ревизионистов, декларирует необходимость пересмотра исключительно светских основ мемориальной культуры, указывая на опасность ее редукции только XX веком.

Определенное созвучие заметно и в идеях других участников политики памяти, подчеркивающих, что кемализм не был нов для турецкого общества³⁵, а генетически вытекал из поздней Османской империи³⁶, а некоторые меры Ататюрка, формально воспринимаемые как модернизационные и секуляристские, фактически адаптировали к нуждам Республики институты, унаследованные от Империи³⁷. В такой ситуации ревизионисты настаивают на включении в политику памяти моментов, связанных со средневековой историей тюрок, Османской империей и унаследованной от нее гетерогенностью населения Республики³⁸, что, по их мнению, позволит иначе взглянуть на идеологическое противостояние туркизма и исламизма, поняв, что эти две доктрины могли развиваться не только в рамках конфронтационной модели. Вместе с тем именно политический ислам воспринимается как основа для исторического ревизионизма, так как означает «исключение

akp-kemalizmin-hatalariyla-kendini-dogrulamaktan-vazgecmeli (дата обращения: 21.07.2023).

³⁵ Элмас Е. Кемализм как религия тюрок. Elmas E. Türk'ün dini olarak Kemalizm // Agos. – 17.12.2018. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/21723/turk-un-dini-olarak-kemalizm> (дата обращения: 21.07.2023).

³⁶ Аталай О. Поклонение тюрку. Светская религия и межвоенный кемализм. Atalay O. Türk'e Tapmak. Seküler Din ve İki Savaş Arası Kemalizm. – İstanbul: İletişim, 2020. – 360 p.

³⁷ Оран Б. Вопрос: Турецкая Республика светская или теократическая? Oran B. Bir soru: T.C. laik midir teokratik mi? // Agos. – 07.05.2020. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/24001/bir-soru-t-c-laik-midir-teokratik-mi> (дата обращения: 21.07.2023).

³⁸ Челенк А.Т. Проблема трансформации турецкого национализма. Çelenk A.T. Türk milliyetçiliğinin dönüşebilme sorunu // Independent Türkçe. – 08.01.2022. – URL: <https://www.indyturk.com/node/457036/türkiyeden-sesler/türk-milliyetçiliğinin-dönüşebilme-sorunu> (дата обращения: 21.07.2023).

сообществ, не считающих себя суннитами, т.е. христиан и евреев, а также алевитов несмотря на то, что последние исповедуют ислам»³⁹. Ключевая идея такой ревизии состоит в пересмотре наследия Ататюрка, так как исламизация турецкого общества затруднительна без свертывания модернизации в ее вестернизационной версии.

Политическая культура и исторический ревизионизм

Несмотря на попытки ревизии политики Ататюрка, современные агенты политики памяти, которые настаивают на пересмотре роли и значения Мустафы Кемаля в новейшей турецкой истории, фактически используют авторитарные методы кемализма⁴⁰, хотя идеологически такие нарративы основаны на деконструкции нарративов, описывающих ислам. Сторонники исторического ревизионизма фактически действуют авторитарно как кемалисты, но конструируют память как умеренные исламисты. В сложившейся мемориальной культуре «защита религии превратилась в политическую идеологию в период господства секуляризма»⁴¹, что неизбежно стимулировало пересмотр истории последнего при помощи актуализации опыта его альтернатив, включая имперскую модель, продвижение которой во внешней политике Турции началось в 1980-е годы⁴² в результате военного

³⁹ Кая М. Турция должна, прежде всего, разобраться с периодом 1908–1924 гг. Kaya M. Türkiye, her şeyden önce 1908–1924 dönemiyle hesaplaşmalı // Agos. – 04.04.2014. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/6829/turkiye-her-seyden-once-1908-1924-donemiyle-hesaplasimali> (дата обращения: 21.07.2023).

⁴⁰ Оран Б. «Реставрация»: синтез Ататюрка-Абдулхамита. Oran B. “Restorasyon”: Bir Atatürk-Abdülhamit sentezi // Agos. – 05.09.2014. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/9488/restorasyon-bir-ataturk-abdulhamit-sentezi> (дата обращения: 21.07.2023).

⁴¹ Деллалоглу Б. Эпоха, когда можно было быть демократом, только критикуя кемализм, закончилась. Dellaloğlu B. Sadece Kemalizm eleştirisiyle demokrat olmanın devri geçti // Agos. – 13.07.2013. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/5208/sadece-kemalizm-elestirisiyle-demokrat-olmanin-devri-gecti> (дата обращения: 21.07.2023).

⁴² Дургун С. Трансформация турецкой национальной идентичности и новый османизм. Durgun Ş. Türk ulusal kimliğinin dönüşümü ve yeni osmancilik // Stratejik ve Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2020. – Vol. 4, N 2. – P. 299–316. – DOI: <https://doi.org/10.30692/sisad.735977>.

переворота 12 сентября 1980 г.⁴³, а несколькими годами позднее мобилизационный потенциал этой идеологии оказался востребованным и агентами исторической политики.

Поэтому неоосманизм как форма исторической политики, вдохновленная ревизионизмом, в турецком обществе воспринимается различно. Левые и либеральные авторы склонны относиться попыткам актуализации континуитета между империей и республикой негативно, определяя подобные тенденции как «османское безумие»⁴⁴. Поэтому исторический ревизионизм как фактор развития политики памяти стимулирует и пересмотр национального пантеона отцов нации, во главе которого в кемалистском дискурсе находится Ататюрк. По мнению ревизионистов, в нем должно быть место и для других политиков, включая Талат-пашу, З. Гёкальпа⁴⁵ и Алпарслана Тюркеша⁴⁶.

Особое развитие в турецком обществе, таким образом, получили тенденции исторического ревизионизма, связанного с пересмотром национальной турецкой истории XX в. В центре подобной версии исторического ревизионизма – попытки радикального пересмотра или умеренной ревизии деятельности Мустафы Кемаля как создателя современного турецкого государства. Кемализм стимулировал развитие в Турции жесткой модели исторической памяти, которая исключала практически любые проявления ревизионизма, направленные как на пересмотр роли Ататюрка, так и на

⁴³ Генч А. Неоосманизм – самая коррумпированная форма турецкого государства. Genç A. Yeni Osmanlıcılık Türk Devletinin En Yozlaşmış Halidir // Demokratik Modernite. – 07.02.2022. – URL: <https://demokratikmodernite.org/yeni-osmanlicilik-turk-devletinin-en-yozlasmis-halidir/> (дата обращения: 21.07.2023).

⁴⁴ Четериан В. Османская ностальгия. Cheterian V. Osmanlı Nostaljisi // Agos. – 25.05.2016. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/15450/osmanli-nostaljisi> (дата обращения: 21.07.2023).

⁴⁵ Баланчар Ф. Талата, Гёкальпа и Ататюрка можно рассматривать как трех «отцов» периода основания. Balancı F. Talat, Gökalp ve Atatürk, kuruluş döneminin üç ‘baba’sı olarak görülebilir // Agos. – 25.04.2016. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/25593/talat-gokalp-ve-ataturk-kurulus-doneminin-uc-baba-si-olarak-gorulebilir> (дата обращения: 21.07.2023).

⁴⁶ Байкент С. День памяти Алпарслана Тюркеша в 2020 году. Baykent S. 2020 yılında Alparslan Türkeş’i anmak // Independent Türkçe. – 24.04.2021. – URL: <https://www.indyturk.com/node/158006/turkiyeden-sesler/2020-yilinda-alparslan-turkes-i-anmak> (дата обращения: 21.07.2023).

более позитивное освещение предшествующего, османского, периода. Поэтому политические элиты Республики до начала XXI в. проводили политику коллективной исторической памяти, последовательно «отрицая прошлое, искажая историю, подавляя память, совершая преступления против собственного общества»⁴⁷.

* * *

Исторический ревизионизм в современной Турции является гетерогенным явлением. С одной стороны, турецкие исторические ревизионисты могут предлагать те концепции, которые в рамках европейской историографии, основанной на принципах мультикультурности и толерантности, воспринимаются как маргинальные. В первую очередь это относится к отрицанию геноцида армян и выдвиганию таких интерпретационных моделей, который описывают и осмысливают Холокост, вне той системы оценок и этических доминант, доминирующих в европейской мемориальной культуре, сформировавшейся в результате исторической политики, основанной на переживании травмы и виктимизации различных групп, что влечет признание коллективной вины и ответственности со стороны европейских государств за дискриминацию меньшинств в первой половине XX в.

Турецкая мемориальная культура от подобной стратегии исторической политики в значительной степени дистанцируется. Поэтому такая форма исторического ревизионизма, в основе которого лежит, например, отрицание геноцида армян, поддерживается в Турции на официальном государственном уровне. Более того, определение признания геноцида в качестве исторического ревизионизма для культуры памяти турецкого общества проблематично, так как его восприятие истории основано на таких интерпретационных моделях, которые исключают и отрицают геноцид, что автоматически делает невозможной его ревизию, так как социум не в состоянии подвергнуть пересмотру те моменты исторического прошлого, для осмысления которых применяется универсальный

⁴⁷ Суни Р.Г. История, память и будущее. Suny R.G. Tarih, hafıza ve gelecek // Açık Radyo. – 26.04.2020. – URL: <https://acikradyo.com.tr/editorden/tarih-hafiza-ve-gelecek> (дата обращения: 21.07.2023).

ресурс коллективной амнезии. Следовательно, ревизионизм как стратегия политики коллективной памяти в современной Турции используется для интерпретации содержательно иных уровней национального исторического опыта.

В рамках подобных версий исторического ревизионизма пересмотру подвергается наследие Ататюрка и его политика, связанная с развитием Турции в рамках светской авторитарной или демократической модели развития, которая игнорировала местные специфические культурные особенности, но была в значительной степени основана на трансплантации в контексты турецкой политической культуры западного опыта. Подобная версия исторического ревизионизма в Турции связана с формированием альтернативной мемориальной культуры, противостоящей идеям, лежащим в основе официальной политической культуры кемализма. Этими принципами являются лаицизм и национализм, которым противопоставляются османизм и исламизм.

Подобные версии исторического ревизионизма подвергают пересмотру наследие Ататюрка, но в условиях доминирования светских тенденций в современном интеллектуальном сообществе исторические ревизионисты в Турции вынуждены действовать крайне осторожно. Они лишены возможности непосредственно подвергнуть пересмотру и отрицанию наследия Ататюрка. Поэтому ревизионизм развивается в форме глорификации или идеализации наследия Османской империи, позитивное восприятие которой является необходимой предпосылкой для пересмотра деятельности Ататюрка, так как последняя фактически была направлена на деконструкцию предшествующей модели развития. Таким образом, идеализируя Османскую империю, продвигая идеологию османизма в массовое историческое сознание при помощи популярной культуры, современные турецкие ревизионисты готовят основания для пересмотра деятельности Ататюрка в целом.

Другим важным элементом исторического ревизионизма в современной Турции является исламизм, основанный на растущем интересе к истории турецкого ислама. В этом контексте становится более значимой тенденция не просто пересмотра истории ислама в историческом процессе Турции и его места в турецкой мемориальной культуре, но попытки суверенизации истории турецкого ислама, которая по мнению исторических ревизионистов, должна

составлять конкуренцию истории, написанной в светской системе координат, где центральным героем истории становится турецкая этническая и политическая нация.

Таким образом, современный исторический ревизионизм в Турции имеет различные формы и отличается значительной активностью. Вместе с тем основные векторы и траектории его дальнейшего развития являются неопределенными. Победа на президентских выборах в 2023 г. Р.Т. Эрдогана не исключает дальнейшего углубления ревизионистских тенденций в современной мемориальной культуре Турции. Усиление последних возможно исключительно в том случае, если правящие политические элиты подвергнут пересмотру и радикальной ревизии проводимую ранее историческую политику, что потребует от них деконструкции культа Ататюрка или пересмотра его наследия путем выдвижения или реактуализации ценностей, связанных с ролью и местом в турецкой исторической памяти ислама и Османской империи.

Список источников и литературы

1. Актюрк Ш. Историческая политика в Турции: ревизионистская историография бросает вызов официальной версии войны Турции за независимость // Историческая политика в 21 веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 506–542.
2. Арнаутова Ю.А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2006. – С. 47–55.
3. Васильев А.Г. Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2008. – С. 19–49.
4. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Историческая политика в 21 веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 27–53.
5. Миллер А. Методологические проблемы изучения политики памяти – решенные, нерешенные и неразрешимые // Методологические вопросы изучения политики памяти / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. – М., СПб.: Нестор История, 2018. – С. 4–10.

6. Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2006. – С. 5–18.
7. Репина Л.П. Память и историописание // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2006. – С. 19–46.
8. Румянцева М.Ф. Историческое знание и историческая память в структуре исторической культуры // Диалог со временем. – 2019. – Вып. 67. – С. 41–54.
9. Савицкий Е.Е. Гражданская нация и негражданское историописание // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2008. – С. 100–126.
10. Сафронова Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Историческая политика в 21 веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 11–26.
11. Banner J.M. All History Is Revisionist History // Humanities. – 16.03.2021. – URL: <https://www.neh.gov/article/all-history-revisionist-history> (дата обращения: 21.07.2023).
12. Bartram E. What Is Revisionist History? // Contingent Magazine. – 08.08.2019. – URL: <https://contingentmagazine.org/2019/08/08/mailbag-august-8-2019/> (дата обращения: 21.07.2023).
13. Tucker A. Historiographic Revision and Revisionism. The evidential difference // Past in the making. Historical revisionism in Central Europe after 1989 / ed. M. Kopeček. – Budapest: Central European University Press, 2013. – P. 1–14.
14. Аталай О. Поклонение тюрку. Светская религия и межвоенный кемализм. Atalay O. Türk'e Tapmak. Seküler Din ve İki Savaş Arası Kemalizm. – İstanbul: İletişim, 2020. – 360 p. – Турец. яз.
15. Байкент С. День памяти Алпарслана Тюркеша в 2020 году. Baykent S. 2020 yılında Alparslan Türkeş'i anmak // Independent Türkçe. – 24.04.2021. – Турец. яз. – URL: <https://www.indyturk.com/node/158006/turkiyeden-sesler/2020-yilinda-alparslan-turkes-i-anmak> (дата обращения: 21.07.2023).
16. Байкент С. Проблема «ревизионистского национализма» в Турции. Baykent S. Türkiye'deki "revizyonist milliyetçilik" sorunu // Independent Türkçe. – 08.10.2020. – Турец. яз. – URL: <https://www.indyturk.com/node/255081/turkiyeden-sesler/turkiyedeki-revizyonist-milliyetcilik-sorunu> (дата обращения: 21.07.2023).
17. Баланчар Ф. Талата, Гёкальпа и Ататюрка можно рассматривать как трех «отцов» периода основания. Balancar F. Talat, Gökaltıp ve Atatürk, kuruluş döneminin üç 'baba'sı olarak görülebilir // Agos. – 25.04.2016. – Турец. яз. – URL:

- <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/25593/talat-gokalp-ve-ataturk-kurulus-doneminin-uc-baba-si-olarak-gorulebilir> (дата обращения: 21.07.2023).
18. Генч А. Неоосманизм – самая коррумпированная форма турецкого государства. Genç A. Yeni Osmanlılık Türk Devletinin En Yozlaşmış Halidir // Demokratik Modernite. – 07.02.2022. – Турец. яз. – URL: <https://demokratik-modernite.org/yeni-osmanlilik-turk-devletinin-en-yozlasmis-halidir/> (дата обращения: 21.07.2023).
 19. Даглиоглу Э. От колыбели цивилизаций к «сорокавековой турецкой родине». Dağlioğlu E. Medeniyetler beşiği'nden 'kırk asırlık Türk yurdu'na // Agos. – 01.02.2016. – Турец. яз. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/14226/medeniyetler-besiginden-kirk-asirlik-turk-yurduna> (дата обращения: 21.07.2023).
 20. Деллалоглу Б. ПСР должна перестать оправдываться ошибками кемализма. Dellaloğlu B. aKP Kemalizm'in hatalarıyla kendini doğrulamaktan vazgeçmeli // Agos. – 17.06.2013. – Турец. яз. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/5144/akp-kemalizmin-hatalariyla-kendini-dogrulamaktan-vazgecmeli> (дата обращения: 21.07.2023).
 21. Деллалоглу Б. Эпоха, когда можно было быть демократом, только критикуя кемализм, закончилась. Dellaloğlu B. Sadece Kemalizm eleştirisiyle demokrat olmanın devri geçti // Agos. – 13.07.2013. – Турец. яз. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/5208/sadece-kemalizm-elestirisiyle-demokrat-olmanin-devri-gecti> (дата обращения: 21.07.2023).
 22. Дургун С. Трансформация турецкой национальной идентичности и новый османизм. Durgun Ş. Türk ulusal kimliğinin dönüşümü ve yeni osmanlilik // Stratejik ve Sosyal Araştırmalar Dergisi. – 2020. – Vol. 4, N 2. – P. 299–316. – Турец. яз. – DOI: 10.30692/sisad.735977.
 23. Кая М. Турция должна, прежде всего, разобраться с периодом 1908–1924 гг. Kaş M. Türkiye, her şeyden önce 1908–1924 dönemiyle hesaplaşmalı // Agos. – 04.04.2014. – Турец. яз. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/6829/turkiye-her-seyden-once-1908-1924-donemiyle-hesaplasimali> (дата обращения: 21.07.2023).
 24. Кереф А. Размышления «турка». Keref A. 'Türk'ün yansımaları // Açık Radyo. – 11.02.2007. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/arsiv-icerigi/turkun-yansimalari> (дата обращения: 21.07.2023).
 25. Конституционные дебаты начались с кемализма. Anayasa Tartışması Kemalizm'le Başladı // Açık Radyo. – 30.07.2007. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/arsiv-icerigi/anayasa-tartismasi-kemalizmle-basladi> (дата обращения: 21.07.2023).
 26. О нашей недавней истории с Селимом Дерингилом. Selim Deringil ile yakın tarihimiz üzerine // Açık Radyo. – 02.04.2010. – Турец. яз. – URL: <https://>

- acikradyo.com.tr/arsiv-icerigi/selim-deringil-ile-yakin-tarihimiz-uzerine (дата обращения: 21.07.2023).
27. Огур Й. Кемализма не осталось, мы привнесем мустафаизм. Oğur Y. Kemalizm kalmadı, Mustafaizm verelim // Açık Radyo. – 04.11.2008. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/arsiv-icerigi/kemalizm-kalmadi-mustafaizm-verelim> (дата обращения: 21.07.2023).
28. Оран Б. «Реставрация»: синтез Ататюрка-Абдулхамита. Oran B. “Restorasyon”: Bir Atatürk-Abdülhamit sentezi // Agos. – 05.09.2014. – Турец. яз. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/9488/restorasyon-bir-ataturk-abdulhamit-sentezi> (дата обращения: 21.07.2023).
29. Оран Б. Вопрос: Турецкая Республика светская или теократическая? Oran B. Bir soru: T.C. laik midir teokratik mi? // Agos. – 07.05.2020. – Турец. яз. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/24001/bir-soru-t-c-laik-midir-teokratik-mi> (дата обращения: 21.07.2023).
30. Суни Р.Г. Исторический ревизионизм и глобальная политика. Suny R.G. Tarihi Revizyonizm ve Küresel Siyaset // Açık Radyo. – Турец. яз. – 25.04.2016. – URL: <https://acikradyo.com.tr/makale-yorum-analiz/tarihi-revizyonizm-ve-kuresel-siyaset> (дата обращения: 21.07.2023).
31. Суни Р.Г. История, память и будущее. Suny R.G. Tarih, hafıza ve gelecek // Açık Radyo. – 26.04.2020. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/editorden/tarih-hafiza-ve-gelecek> (дата обращения: 21.07.2023).
32. Танели Э., Инсел А. Турция: случайная (хаотичная) демократия, произвольный (беспорядочный) авторитаризм, сказания о пострадавших. Taneli Ö., Insel A. Türkiye: Rastlantısal Demokrasi, Keyfi Otoriterizm, Mağdurlar Manzumesi // Açık Radyo. – 03.07.2018. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/makale-yorum-analiz/turkiye-rastlantisal-demokrasi-keyfi-otoriterizm-magdurlar-manzumesi> (дата обращения: 21.07.2023).
33. Токдоган Н. Неоосманизм. Обида, ностальгия, нарциссизм. Tokdoğan N. Yeni Osmanlıcılık. Hınç, Nostalji, Narsisizm. – İstanbul: İletişim, 2020. – 286 p. – Турец. яз.
34. Тунчай М. Судебная система периода Ататюрка плачевна. Tunçay M. Atatürk dönemi yargısı icler acısı // Açık Radyo. – 03.03.2010. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/arsiv-icerigi/mete-tuncay-ataturk-donemi-yargisi-icler-acisi> (дата обращения: 21.07.2023).
35. Хюр А. Страницы, тщательно игнорируемые официальной историей. Hür A. Resmi Tarihin İtinayla Yok Saydığı Sayfalar // Açık Radyo. – 09.02.2012. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/arsiv-icerigi/resmi-tarihin-itinayla-yok-saydigi-sayfalar> (дата обращения: 21.07.2023).

36. Челенк А.Т. Проблема трансформации турецкого национализма. Çelenk A.T. Türk milliyetçiliğinin dönüşebilme sorunu // Independent Türkçe. – 08.01.2022. – Турец. яз. – URL: <https://www.indyturk.com/node/457036/turkiyeden-sesler/turk-milliyetçiliğinin-dönüşebilme-sorunu> (дата обращения: 21.07.2023).
37. Челик М. Омер Сейфеттин: Я националист, поддерживающий Исламский Альянс; Всякий раз, когда я читаю Мехмета Акифа, я становлюсь утопистом, поддерживающим Исламский Союз. Çelik M. Ömer Seyfettin: İttifak-ı İslam taraftarı bir milliyetperverim; ne vakit Mehmet Akif'i okusam İttihad-ı İslam taraftarı bir ütöplast oluveririm // Independent Türkçe. – 21.05.2022. – Турец. яз. – URL: <https://www.indyturk.com/node/512201/kültür/ömer-seyfettin-ittifak-ı-islam-taraftarı-bir-milliyetperverim-ne-vakit-mehmet> (дата обращения: 21.07.2023).
38. Четериан В. Османская ностальгия. Cheterian V. Osmanlı Nostaljisi // Agos. – 25.05.2016. – Турец. яз. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/15450/osmanli-nostaljisi> (дата обращения: 21.07.2023).
39. Экинджи Т. «Новая Турция» партии ПСР – это докапиталистический государственный проект. Ekinci T. AK Parti'nin Yeni Türkiye'si kapitalizm öncesi devlet projesidir // Açık Radyo. – 12.08.2017. – Турец. яз. – URL: <https://acikradyo.com.tr/makale-yorum-analiz/ak-partinin-yeni-turkiyesi-kapitalizm-öncesi-devlet-projesidir> (дата обращения: 21.07.2023).
40. Элмас Э. Кемализм как религия турок. Elmas E. Türk'ün dini olarak Kemalizm // Agos. – 17.12.2018. – Турец. яз. – URL: <https://www.agos.com.tr/tr/yazi/21723/turk-un-dini-olarak-kemalizm> (дата обращения: 21.07.2023).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.02

УДК 323

ГЕРОИЧЕСКИЙ МИФ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ПОСТСОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА

РЫЖОВ Игорь Валерьевич

доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики России Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

E-mail: ivr@fmo.unn.ru

ORCID: 0000-0002-6417-1517

СУЛЕЙМЕНОВ Андрей Русланович

кандидат исторических наук, преподаватель кафедры восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

E-mail: andrey_sul@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1060-6853

Для цитирования: *Рыжов И.В., Сулейменов А.Р. Героический миф в образовательном дискурсе постсоветского Казахстана // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 35–47. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.02.*

Аннотация. В статье содержится исследование репрезентации процесса присоединения казахских земель к России в школьных учебниках независимого Казахстана. Зарождающаяся историография независимого государства оказалась перед необходимостью объяснения причины вхождения территории Казахского ханства в состав России в XVIII в. Во многом объяснительная матрица данного исторического периода построена на интерпретации личных качеств и действий основных исторических лиц периода. Основной исследовательской оптикой выступила предложенная Я. Ассманом и Г. Бордюковым методология анализа представлений о прошлом.

Ключевые слова: Республика Казахстан, историческая политика, историческая память, школьное образование, Джунгарские войны, Таукехан, хан Абулхаир.

Heroic Myth in Educational Discourse of Post-Soviet Kazakhstan

Igor V. RYZHOV

DSc in History, Head of the Department of History
and Politics of Russia, Institute of International Relations
and World History, Lobachevsky University.

E-mail: ivr@fmo.unn.ru

ORCID: 0000-0002-6417-1517

Andrey R. SULEIMENOV

PhD in History, Lecturer at the Department
of Oriental Languages and Cultural Linguistics, Institute of International
Relations and World History, Lobachevsky University.

E-mail: andrey_sul@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1060-6853

For citation: Ryzhov I.V., Suleimenov A.R. (2023). Heroic Myth in Educational Discourse of Post-Soviet Kazakhstan. *Middle & Post-Soviet East*, no. 3 (3), pp. 35–47. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.02.

Abstract. The article contains a study of the representation of the process of joining Kazakh lands to Russia in school textbooks of independent Kazakhstan. The main research optics was the methodology proposed by J. Assman and G. Bordyugov for analyzing ideas about the past.

Keywords: Republic of Kazakhstan, historical policy, historical memory, school education, Dzungarian wars, Tauke-khan, Abulkhair-khan.

После распада единого экономического и социокультурного пространства Советского Союза политическая элита центрально-азиатских республик столкнулась с необходимостью формирования нового объединяющего нарратива. Потребность в нем подкреплялась и неоднородным национальным составом независимых государств: так, на момент 1999 г. в Республике Казахстан проживало 4,479 млн русских при 7,985 млн казахов (общее количество населения – 14,953 млн граждан)¹. Создание опорных мифов новой государственности логичным образом представлялось инструментом легитимации политической системы.

¹ Перепись населения 1999 г. Том 1. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/1999/> (дата обращения: 19.06.2023).

Анализ исторической политики в странах постсоветской Центральной Азии уже получил определенное освещение в работах отечественных исследователей^{2,3,4}. Вместе с тем оценки ученых в анализе влияния политики памяти на внешнеполитический курс центральноазиатских государств могут довольно сильно разниться. Однако несомненным остается факт важнейшей значимости системы школьного образования при выстраивании исторического нарратива / отношения государства к наследию предшествующей эпохи.

Теоретической рамкой нашего исследования является предложенная Я. Ассманом концепция «горячей» и «холодной» исторической памяти. В соответствии с предложенной теорией, историческая память может фокусироваться как на динамических, переломных моментах национальной истории («горячая» память), так и быть направленной на создание образа неизменного, повторяющегося прошлого («холодная» память). Первая модальность исторической памяти характерна преимущественно для периодов становления национальной историографии, в то время как «холодная» модальность выполняет скорее поддерживающие функции консервации исторического сознания⁵.

Представляется любопытным развитие теории Яна Ассмана, предложенное отечественным исследователем А.Г. Васильевым. Анализируя польскую историографию XIX столетия, ученый выводит две функции «горячей» исторической памяти: обосновывающую и контрапрезентную. Обосновывающая функция «горячей» памяти реализуется через обращение к прошлому как подтвержде-

² Грозин А.В. Историческая политика как фактор внутривнутриполитического процесса в странах постсоветской Азии. Часть 1 // Постсоветский материк. – 2022. – № 2 (34). – С. 114–134. – DOI: 10.48137/2311-6412-2022-2-114.

³ Плотников Д.С. Конструирование исторического прошлого в государствах Центральной Азии в контексте выстраивания взаимоотношений с Россией на современном этапе // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2016. – № 2. – С. 156–167.

⁴ Бордюгов Г.А. СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 384 с.

⁵ Ассман Ян. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

нию неизбежности существующего порядка вещей, в то время как контрапрезентная функция призвана высветить недостатки настоящего, обратиться к героическим страницам прошлого для лучшей критики современности⁶.

В рамках освещенных выше теоретических построений и проведено наше исследование «героического мифа» школьного образования Республики Казахстан. Полагаем, что одним из важнейших вопросов, ответ на который вынуждена давать система исторического образования современного Казахстана, является отношение к длительному периоду нахождения казахского общества и государства в составе России. Осуществляя классификацию стран Центральной Азии по отношению к наследию советского и имперского периодов, Д.С. Плотников особо выделяет Казахстан, элиты которого сформировали собственную парадигму восприятия прошлого с соединением славянского и тюркского (евразийского) начала⁷. При этом особую важность для национальной исторической политики приобретает ответ на вопрос, каким именно образом произошло вхождение казахских жузов в состав Российской империи и было ли это событие обусловлено логикой предшествующих исторических событий длительного и тяжелого периода Джунгарских войн (обосновывающая функция исторической памяти), или же являлось результатом случайностей и человеческих амбиций глав казахских племен.

Для анализа специфики ответа на этот вопрос в рамках школьного образования Республики Казахстан нами были выбраны два учебника для 8-го и 7-го классов общеобразовательной школы^{8,9}. Отметим, что относительно недавно в системе школь-

⁶ Васильев А.Г. Падение Польши и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. – 2012. – С. 215–248.

⁷ Плотников Д.С. Конструирование исторического прошлого в государствах Центральной Азии в контексте выстраивания взаимоотношений с Россией на современном этапе // Вестник Пермского университета. – 2016. – № 2. – С. 159.

⁸ История Казахстана XVIII–XIX вв. Учебник для 8 (7) классов общеобразовательных школ / З.Е. Кабульдинов, Ж.Н. Калиев, А.Т. Бейсембаева. – Алматы: Ата-мура, 2018. – 308 с.

⁹ История Казахстана XVIII–XIX вв. Учебник для 8 класса общеобразовательных школ / Т. Омарбеков., Г. Хабижанова, Т. Картаева, М. Ногайбаева. – Алматы: Мектеп, 2018. – 184 с.

ного образования Казахстана произошел отказ от прежней концепции позитивистского изложения исторических событий в пользу цивилизационного подхода. Произошедшие реформы подтверждают выводы Д.С. Плотникова о концепции евразийства как одной из точек сборок идентичности независимого Казахстана. До 11 класса учащиеся казахстанских школ изучают историю страны и всемирную историю в соответствии с классической схемой последовательного изложения событий, в то время как на заключительном этапе школьного образования знакомятся с цивилизационным взглядом на кочевые сообщества и возникшие позднее на их основе государственные образования на территории Казахстана. Цивилизационный подход, стремление вписать историю казахов в контекст мирового развития, четко прослеживается и в статье Н. Назарбаева «Семь граней Великой степи», в которой Назарбаев, находящийся на момент написания текста (2018) на посту президента, значительно расширяет временные рамки этногенеза казахов и предлагает аудитории набор точек сборки идентичности нового государства¹⁰. Наше исследование сосредоточено на освещении восприятия системой школьного образования вхождения части казахских племен в состав России, а также близко примыкающем к данному событию периоду казахо-джунгарских войн. Полагаем, что осмысление отражения данных процессов в дискурсе школьного образования в рамках теории Я. Ассмана позволит более полно осветить вопросы функционирования национальной политики памяти на постсоветском пространстве.

Переход Младшего жуза¹¹ (событие, запустившее процесс постепенного освоения царским правительством степных пространств) под защиту России в 1731 г. является одной из наиболее актуальных проблем казахской истории. Кроме того, принятие подданства ханом Младшего жуза Абулхаиром находится в относительной временной близости с другим значимым героико-трагическим событием казахской истории – длительными и тяжелыми войнами казахских жузов с джунгарским государством. В школь-

¹⁰ Назарбаев Н.А. Семь граней Великой Степи // Қазақстан Республикасы тұңғыш президенті Нұрсұлтан Назарбаевтың ресми сайты. – 2019. – URL: <https://nazarbayev.kz/sites/default/files/pagefiles/2019-11/sem-granei-velikoi-stepi.pdf> (дата обращения: 19.06.2023).

¹¹ Одно из трех крупных родоплеменных объединений казахов.

ных учебниках период казахо-джунгарских войн освещен достаточно подробно и представляется нам как одна из точек сборки идентичности казахского этноса. Отмеченная А.В. Грозиным тенденция к литературизации исторического повествования, характерная для казахстанской исторической науки, находит свое выражение в ярком и эмоционально нагруженном тексте учебных параграфов, куда нередко включаются поэтические произведения упомянутого исторического периода¹².

Исторический контекст. Хан Тауке. Герои и антигерои Джунгарских войн

К концу XVII – началу XVIII в. объединенные под номинальным руководством верховного хана три казахских жуза (Младший – северо-запад, Средний – центральный, Старший – юг) находились в тяжелом положении. Практически одновременно с Северной войной России и Швеции на пространствах востока и юга Казахской степи шла ожесточенная борьба с джунгарским нашествием. Период Джунгарских войн совпал с ослаблением центральной ханской власти, в то время как политический уклад кочевых казахских племен не предполагал сильной традиции престолонаследия. В соответствии с предложенной Г. Бордюговым методологией попытаемся выделить культурных героев нарратива о периоде военного противостояния с джунгарами. В рамках данной статьи под культурным героем понимается конкретная личность, обозначаемая мемориальным актором (в данном случае – государством) в качестве главного творца прошлого¹³. Одним из главных действующих лиц в нарративе о периоде Джунгарских войн является хан Тауке (1680–1718), с правлением которого связана очередная кодификация обычного права казахских родов. Несмотря на то что до правления Тауке жизнь казахских жузов уже регламентировалась предшествующими сводами законов хана Касыма (начало XVI в.) и Есима (первая половина XVII в.), именно

¹² История Казахстана XVIII–XIX вв. Учебник для 8 (7) классов общеобразовательных школ / З.Е. Кабульдинов, Ж.Н. Калиев, А.Т. Бейсембаева. – Алматы: Ата-мура, 2018. – С. 7.

¹³ Бордюгов Г.А. СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историй. – М.: АИРО-XXI, 2022. – С. 10.

свод законов хана Тауке «Жеты Жаргы» («Семь установлений»), по мнению Р.Н. Зинурова, занимает особое место в истории правовой мысли казахской степи¹⁴. Выделение законов Тауке как вершины законодательной мысли кочевого общества достаточно четко прослеживается и в учебных материалах. Возможно, объяснение особому восприятию кодекса права заключается в его характере последнего правового памятника независимого казахского общества. Таким образом, в нарративе о последнем великом правителе единой казахской степи мы можем обнаружить фигуру законодателя-установителя социальной справедливости, которая, как это становится видно из дальнейшего анализа учебных текстов, контрастирует с грядущими временами анархии ханских междоусобиц и бессилия перед ограничениями, установленными российскими властями для кочевников (в частности, запрет на пересечение определенных территориальных границ в окрестностях крепостей).

Фигура Тауке-хана как сильного и мудрого правителя объединенного государства дополняется следующими «культурными героями» – биями¹⁵ Толе-би (Старший жуз), Казыбек-би (Средний жуз) и Айтеке-би (Младший жуз). Три законодателя наряду с Тауке-ханом, символизируют последний взлет казахской государственности XVIII в. Отметим освоение символического капитала трехвековой давности современной политической элитой: в г. Караганда (Центральный Казахстан) на одном из жилых домов до недавнего времени были установлены гигантские плакаты с изображением трех судей.

В рамках теории Э. Смита предлагаемое учащимся школ повествование о периоде правления хана Тауке возможно обозначить как утраченный «золотой век» кочевой цивилизации, пусть и омраченный тяжелым противоборством с джунгарской экспансией. Примечательно, что авторы одной из первых монографий независимого периода по истории Казахстана в качестве верхних временных рамок своего труда обозначают именно правление хана

¹⁴ Зинуров Р.Н. «Жети жаргы» («Семь установлений») Тауке-хана как великий памятник права: правовой обычай, судопроизводство и наказание // Проблемы востоковедения. – 2012. – № 4 (58). – С. 32–37.

¹⁵ Выборные племенные судьи и администраторы.

Тауке и ряд казахо-джунгарских войн¹⁶. Именно длительное противостояние с джунгарами, в представлении как Кляшторного и Султанова, так и авторов современных учебников, во многом подорвало силы казахского государства, которое к тому же не обладало развитым административным аппаратом центральной власти (из чего и вытекает необходимость опоры на племенных авторитетов-биев) и сильными традициями передачи власти.

Смерть Тауке в 1718 г. во многом обозначает прекращение традиции центральной власти и переход к самостоятельному существованию казахских жузов. С этого момента учебники истории Казахстана акцентируют внимание не столько на верховных ханах, сколько на отдельных территориях казахского государства, распадающегося в условиях тяжелой войны. Пришедшие на смену Тауке правители Казахского ханства фактически не обладали суверенитетом над всеми территориями, а разногласия между правителями отдельных жузов (приведшие в итоге к переходу Младшего жуза в подданство России) уже в последний год жизни хана Тауке привели к тяжелому поражению казахов в Аягоской битве.

Новым культурным героем, пришедшим на смену умершему Тауке, становится правитель Младшего жуза, султан Абулхаир. Пантеон национальных героев пополняется и перечнем батыров-представителей казахских родов¹⁷. Помимо самого султана, именитых батыров и биев, значимым историческим актором представлено и народное ополчение. Отметим совершившийся «демократический переход», перенос фокуса внимания авторов учебника с верховных ханов на менее знатную массу простого народа и его представителей. С фактическим прекращением существования единого государства и усилением джунгарского натиска решающая роль культурного героя отводится менее знатным представителям кочевого общества. Последовавшие за смертью Тауке «Годы великого бедствия» и их преодоление ценой высоких потерь представлены авторами учебников как решающий период в этногенезе казахской нации. В дополнение к непосредственно учебному тексту пред-

¹⁶ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992. – 378 с.

¹⁷ История Казахстана XVIII–XIX вв. Учебник для 8(7) классов общеобразовательных школ / З.Е. Кабульдинов, Ж.Н. Калиев, А.Т. Бейсембаева. – Алматы: Ата-мура, 2018. – 308 с.

лагается высказывание казахского писателя Мухтара Магауина: «Если бы не было Булантинской и Аныракайской побед, Казахская Орда пришла бы в упадок, исчезла бы как Ногайская Орда»¹⁸.

Нарратив о тяжелой, но окончательной победе в длительном периоде войн с джунгарами (последние, потерпев поражение в экспансии на западном направлении, несколько позднее были уничтожены цинским Китаем) ставит перед авторами учебника сложную задачу объяснения последующих событий вхождения казахских жузов в состав Российской империи. Зачастую перед творцами исторического нарратива возникает соблазн сопроводить миф об уходе «золотого века» конспирологическими концепциями, повествованием об «ударе в спину» и «заговоре» окружающих сил, не желающих видеть подле себя расцветающее общество. По такому пути отчасти пошла польская историография, объясняя ряд разделов Польши XVIII в.¹⁹, схожие моменты прослеживаются и в пропагандистских текстах радикального исламизма, повествующих об ушедших временах могущественного Арабского халифата²⁰.

Возникает соблазн утверждать о доминировании исключительно конспирологической объяснительной модели упадка казахской государственности и в учебных текстах современного Казахстана, тем более что авторы исторического нарратива имеют в своем распоряжении фигуру Абулхайра, в конечном итоге присягнувшего на верность Российской империи. Такой подход, однако, представляется нам не вполне оправданным. Полагаем, что создатели нарратива о Джунгарском нашествии и последующем вхождении Казахстана в состав России более склонны к детерминистской модели («обосновывающей» модальности исторической памяти). Защите этого положения мы посвящаем последний раздел данной статьи.

¹⁸ История Казахстана XVIII–XIX вв. Учебник для 8(7) классов общеобразовательных школ / З.Е. Кабулдинов, Ж.Н. Калиев, А.Т. Бейсембаева. – Алматы: Ата-мура, 2018. – С. 21.

¹⁹ Васильев А.Г. Падение Польши и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. – 2012. – С. 215–248.

²⁰ Сулейменов А.Р. Исторические нарративы современного радикального исламизма: дис. ... канд. ист. наук. – 189 с.

Хан Абулхаир и исторический детерминизм: начало вхождения Казахстана в состав России

Важным моментом в рамках данного исследования остается вопрос: какая роль отведена хану Абулхаиру в представлении авторов учебников по истории Казахстана? Представлен ли правитель Младшего жуза как антигерой, разрушивший усилия Тауке-хана в построении сильного централизованного государства, или же выступает как лидер, действующий сообразно сложившимся чрезвычайно тяжелым вызовам, стоявшим перед Казахским ханством в первой трети XVIII в.?

Учебник за авторством Кабульдинова предлагает учащимся следующую объяснительную матрицу событий 30-х годов XVIII в. С одной стороны, неоднократно подчеркивается ослабленность казахского государства даже после побед при Анракае и Буланты (действительно, до уничтожения Джунгарии цинскими войсками в 50-х годах джунгарские правители сумели предпринять очередную масштабную экспедицию в 1741 г., нанесшую тяжелый удар по восстанавливающимся казахским кочевьям). В начале раздела, посвященном принятию российского подданства, Абулхаир представлен как правитель, стремящийся установить единоличную власть над всем Казахским ханством и прекратить набеги волжских калмыков, казаков и джунгар²¹. Обозначается инструментальная роль Российской империи, которая в замыслах хана должна была выступить щитом против внешних врагов. С другой стороны, неоднократно подчеркивается ханский «обман» старейшин и биев, которые поручили Абулхаиру вести переговоры лишь о военном союзе с Россией, но никак не о вхождении в подданство. Акцентируется внимание и на коварстве российской делегации под руководством Тевкелева, которая подкупами склонила часть окружения Абулхаира к присяге на верность.

Нам представляется небольшое лукавство авторов в вопросе освещения переговоров, сопутствующих присяге самого Абулхаира и верхушки Младшего жуза. Исследуя дипломатические усилия России на южном фронтире, М. Ходарковский упоминает об отказе

²¹ История Казахстана XVIII–XIX вв. Учебник для 8 (7) классов общеобразовательных школ / З.Е. Кабульдинов, Ж.Н. Калиев, А.Т. Бейсембаева. – Алматы: Ата-мура, 2018. – С. 30.

русской стороны заключить военный союз с казахскими племенами, который был мотивирован очевидной неравносильностью политического и военного развития сторон²². Для русской стороны такое решение выглядит вполне очевидным и обоснованным.

Несмотря на то что в представлении авторов учебника именно решение хана Младшего жуза привело к «...разрушению единства Казахского государства» и дальнейшей колонизации Степи, в конце раздела помещено задание для учащихся: привести аргументы как за, так и против действий Абулхаира.

Схожей позиции придерживаются и авторы другого учебника для 8 класса общеобразовательной школы: Т. Омарбеков., Г. Хабижанова, Т. Картаева, М. Ногайбаева. Подчеркивается вынужденность решения Абулхаира искать защиты сильного северного соседа, а вина за ослабление единства государства частью возлагается на иных казахских султанов. Тезис обмана казахской аристократии и биев со стороны Абулхаира присутствует и в данном учебнике²³. Контрастируя с предшествующими усилиями хана в сборе народного антиджунгарского ополчения, Абулхаир противопоставляется широким народным массам и выразителям их интересов – племенным биям и батырам.

Тем не менее положение о доминировании конспирологической теории единоличного «заговора» хана Абулхаира против казахского народа в дискурсе современного Казахстана представляется нам чрезмерным упрощением. Признавая весомую роль ханского решения во включении Казахстана в сферу влияния России, авторы учебных текстов неоднократно подчеркивают стремление Абулхаира найти защиту ослабленного Младшего жуза (и всего распадающегося Казахского ханства в целом) под крылом Российской империи. В рамках учебных заданий оставляется место и для дискуссии об оправданности принятия русского подданства. Любопытным нам представляется и включение в текст последнего проанализированного учебника фотографий памятника и мавзолея Абулхаира в Актюбинской области (северо-запад

²² Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. – М.: НЛО, 2023. – 352 с.

²³ История Казахстана XVIII–XIX вв. Учебник для 8 класса общеобразовательных школ / Т. Омарбеков., Г. Хабижанова, Т. Картаева, М. Ногайбаева. – Алматы: Мектеп, 2018. – 184 с.

современного Казахстана). Во многом сам памятник Абулхаиру демонстрирует практики освоения советского символического наследия политической элитой нового государства. Проспект Абулхаир-хана прежде носил название Ленинского проспекта, а на месте установленного в 2000 г. памятника казахскому султану находился памятник Ленину.

Временной период, примыкающий к решению правителя Младшего жуза принять российское подданство, предоставляет возможность маневрирования при ответе на трудный вопрос о причинах вхождения территорий Казахстана XVIII в. в орбиту российского влияния. Процесс постепенной интеграции в российское пространство северо-западного региона казахских родов протекал со значительными осложнениями для обеих сторон. Представители Российской империи неоднократно предпринимали попытки добиться прекращения как набегов казахов на русские поселения, так и остановить стычки между своими степными подданными: казахами и калмыками. В свою очередь, и сам правитель Младшего жуза был весьма ограничен в инструментах влияния на кочевников, оказавшись вынужденным лавировать между интересами племенной аристократии и требованиями имперского центра²⁴.

Национальная историография независимого Казахстана предложила довольно удобную объяснительную матрицу травматичному процессу вхождения степных территорий в состав России. Акцентируя внимание на властолюбии Абулхаира и противопоставляя его выразителям «народного мнения» в лице биев и батыров, авторы учебников все же избегают однозначного осуждения действий хана Младшего жуза. Безусловно, слушатели курса истории Казахстана должны сделать вывод о недопустимости добровольного отказа от государственности (контрапрезентная функция исторической памяти в терминологии Васильева); в то же время из текста учебника складывается представление об отсутствии выбора, стоящего перед ханом Абулхаиром.

²⁴ Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. – М.: НЛЮ, 2023. – 352 с.

Список источников и литературы

1. Ассман Ян. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
2. Бордюгов Г.А. СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 384 с.
3. Васильев А.Г. Падение Польши и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. – 2012. – С. 215–248.
4. Грозин А.В. Историческая политика как фактор внутривосточного процесса в странах постсоветской Азии. Часть 1 // Постсоветский материк. – 2022. – № 2 (34). – С. 114–134. – DOI: 10.48137/2311-6412-2022-2-114.
5. Зинуров Р.Н. «Жети жаргы» («Семь установлений») Тауке-хана как великий памятник права: правовой обычай, судопроизводство и наказание // Проблемы востоковедения. – 2012. – № 4 (58). – С. 32–37.
6. История Казахстана XVIII–XIX вв. Учебник для 8 (7) классов общеобразовательных школ / З.Е. Кабульдинов, Ж.Н. Калиев, А.Т. Бейсембаева. – Алматы: Ата-мура, 2018. – 308 с.
7. История Казахстана XVIII–XIX вв. Учебник для 8 класса общеобразовательных школ / Т. Омарбеков., Г. Хабижанова, Т. Картаева, М. Ногайбаева. – Алматы: Мектеп, 2018. – 184 с.
8. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992. – 378 с.
9. Назарбаев Н.А. Семь граней Великой Степи // Қазақстан Республикасы тұңғыш президенті Нұрсұлтан Назарбаевтың ресми сайты. – 2019. – URL: <https://nazarbayev.kz/sites/default/files/pagefiles/2019-11/sem-granei-velikoi-stepi.pdf> (дата обращения: 19.06.2023).
10. Перепись населения 1999 г. // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Том 1. – URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/1999/> (дата обращения: 19.06.2023)
11. Плотников Д.С. Конструирование исторического прошлого в государствах Центральной Азии в контексте выстраивания взаимоотношений с Россией на современном этапе // Вестник Пермского университета. – 2016. – № 2. – С. 156–167.
12. Сулейменов А.Р. Исторические нарративы современного радикального исламизма: дис. ... канд. ист. наук. – 189 с.
13. Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. – М.: НЛЮ, 2023. – 352 с.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.03

УДК 327

ТУРЦИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПОЛЬШИ

ЛАЗОРКИНА Ольга Игоревна

кандидат исторических наук, доцент, аналитик

Белорусского института стратегических исследований.

E-mail: lazorkina@bisr.by

SPIN-код: 9226-4836

Для цитирования: Лазоркина О.И. Турция во внешней политике Польши // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 48–59. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.03.

Аннотация. Польско-турецкие отношения имеют богатую историю. Оба государства играли важную роль в региональной архитектуре безопасности. Геополитические устремления двух стран также имеют глубокие исторические корни и продолжают сохранять свою значимость во внешней политике обеих стран. В текущих условиях польско-турецкие отношения представляют интерес как пример сотрудничества двух государств, чьи ключевые интересы сосредоточены на получении нового статуса в международной системе. Формируемая модель взаимодействия Польши и Турции представляет собой сегмент системы международных отношений, процесс обновления которой реализуется в настоящее время.

Ключевые слова: Польша, Турция, история, геополитика, экономика, безопасность, НАТО, ЕС, региональные инициативы, многосторонность.

Turkey in Poland's Foreign Policy

Olga I. LAZORKINA

PhD in History, Associate Professor analyst

of the Belarusian Institute for Strategic Research.

E-mail: lazorkina@bisr.by

SPIN-code: 9226-4836

For citation: Lazorkina O.I. (2023). Turkey in Poland's Foreign Policy. *Middle & Post-Soviet East*, no. 3 (3), pp. 48–59. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.03.

Abstract. Polish-Turkish relations have a rich history. Both states have played an important role in the regional security architecture. The geopolitical aspirations of the two countries also have deep historical roots and continue to retain their importance in the foreign policy of both countries. In the current circumstances, Polish-Turkish relations are of interest as an example of co-operation between two states whose key interests are focused on gaining a new status in the international system. The emerging model of interaction between Poland and Turkey represents a segment of the system of international relations, the process of renewal of which is currently being realised.

Keywords: Poland, Turkey, history, geopolitics, economy, security, NATO, EU, regional initiatives, multilateralism.

Дипломатические отношения Польши и Турции берут свое начало в 1414 г., когда польские дипломаты вручили верительные грамоты турецкому султану. Согласно польским источникам, поляки были первыми европейцами при султанском дворе. В 1533 г. страны подписали договор о Вечном мире и таким образом заявили о долгосрочном намерении развивать тесное сотрудничество, которое было продиктовано экономическими и политическими интересами¹.

Отношения двух стран включали периоды жесткого противостояния и мирного сосуществования. В эпоху Средневековья у этих государств появились первые геополитические амбиции, которые определили траектории развития на многие десятилетия. Для Польши отправным пунктом стала разработка концепции оплота христианского мира. Действительно, ряд громких сражений (при Хотине и Вене) позволил ей закрепить этот статус.

Османская империя в течение XVI в. завоевала обширные территории в Европе. Политическая и военная организация по оценкам современников приближала ее к Римской империи.

¹ Дипломатические отношения между Польшей и Турцией были установлены в 1414 г. *Stosunki dyplomatyczne między Polską a Turcją zostały nawiązane w 1414 r. // MSZ. – Польск. яз. – URL: <https://www.gov.pl/web/turcja/relacje-dwustronne> (дата обращения: 11.08.2023).*

Однако мятежный XVIII в. кардинально изменил ситуацию. Речь Посполитая в результате трех разделов исчезла с политической карты Европы.

Согласно сохранившимся свидетельствам, Османская империя никогда не признавала разделы Речи Посполитой. Пристальный интерес со стороны Стамбула к этой теме был связан скорее с прецедентом разделов и пониманием того, что внутренние распри и затягивание реформ могут иметь катастрофические последствия для страны.

Как бы то ни было, поляки избрали Турцию в качестве одной из главных стран для миграции в XIX в. Значительное влияние на упрочение союза поляков с турецкими властями оказало наличие общего врага – Российской империи. В Турции возник польский анклав, основанный ветеранами восстания 1830–1831 гг. Польские политические мигранты принимали активное участие в жизни новой родины, чем заметно укрепили народную дипломатию.

В XX в. обе страны практически одновременно начали укреплять свои позиции в регионе. В этот период национальная идеология была ключом к построению независимого государства нового типа. Однако они избрали разные платформы. Польша сделала ставку на прошлое величие и восстановление государства в границах 1772 г. Ю. Пилсудский выбрал тактику вооруженной борьбы с главным врагом – Советской Россией. Турция во многом разорвала с османским прошлым, пошла по пути модернизации и построения государства, которое бы отвечало современным реалиям. М.К. Ататюрк провозгласил, что мирная внешняя политика – основа для развития турецкого государства.

Эти различия не помешали двум странам сохранить особый статус отношений, который нашел свое закрепление в договоре о дружбе 1923 г. Однако Вторая мировая война сформировала иную реальность для Польши и Турции. Захват и дальнейшая длительная оккупация Польши германскими войсками нанесли непоправимый ущерб людским ресурсам и экономике страны. Турция, напротив, сумела обеспечить себе нейтралитет и сохранить относительно устойчивый статус региональной державы.

В послевоенный мир страны также встраивались по-разному. Польша в составе советского блока, Турция уже в 1952 г.

вступила в НАТО и таким образом на много десятилетий опередила Польшу в европейских устремлениях. В начале 1990-х годов польско-турецкое сотрудничество вышло на качественно иной уровень, так как диалог развивался между двумя прозападными государствами, которые руководствовались в своей внешней политике национальными интересами.

В 1993 г. стороны подписали Договор о дружбе и сотрудничестве, в рамках которого обозначили широкий спектр направлений взаимодействия. Как правило, такого рода соглашения носят самый общий характер, вместе с тем Варшава и Анкара сразу закрепили практику их реализации посредством создания Постоянного консультативного совета высокого уровня².

Динамика отношений и серьезность намерений в развитии сотрудничества во многом находят свое отражение в визитах на высшем уровне. В 1994 г. состоялся первый визит президента Польши Л. Валенсы в Турцию. В дальнейшем официальные встречи в Анкаре проходили в 2000, 2007, 2014 и 2021 гг. С ответными визитами президенты Турции посещали Польшу в 1997, 2004, 2011 и 2017 гг.³

Данный график встреч можно рассматривать как достаточный для поддержания стабильных отношений. Однако понимание польско-турецких отношений лежит скорее в плоскости ключевых вопросов регионального и глобального уровня. Можно выделить ряд вопросов, которые оказывали наиболее заметное влияние на двусторонние отношения в 1990–2000-х годах, – вступление Польши в НАТО, интеграция Турции в Европейский союз. С 2014 г. определяющими стали позиции сторон по российско-украинскому конфликту, гражданской войне в Сирии, перманентные кризисы с беженцами.

² Шинол М. Польско-турецкие отношения во втором десятилетии XXI в. Политические и экономические аспекты. Szynol M. Stosunki polsko-tureckie w drugiej dekadzie XXI wieku. Aspekty polityczne i gospodarcze // Stosunki Polski z mocarstwami w drugiej dekadzie XXI wieku. – 2016. – S. 414–453. – Польск. яз. – URL: https://www.researchgate.net/publication/319483525_Stosunki_polsko-tureckie_w_drugiej_dekadzie_XXI_wieku_Aspekty_polityczne_i_gospodarcze (дата обращения: 15.08.2023).

³ Ibid.

Поддержка Турции при вступлении Польши в НАТО не могла иметь решающего значения, тем не менее польские эксперты считают своим долгом отмечать ее роль в этом процессе. Кроме того, по их мнению, обе страны в Альянсе объединяют не только ценности, но, прежде всего, пограничный статус и высокая доля в обеспечении европейской безопасности с востока и юга⁴.

В этой связи Варшава, уже будучи членом ЕС, активно присоединилась к дискуссии относительно вступления в него Турции. Официальные лица страны акцентировали внимание на том, что Варшава будет поддерживать европейские устремления Турции, прежде всего потому, что она была сторонницей вступления Польши в НАТО.

Польские эксперты говорили более откровенно. Фактически Польша ничем не рискует. Напротив, расширение ЕС за счет такого крупного государства позволит переформатировать внутренние коалиции, составит противовес Германии и Франции. Это создает реальные преимущества для страны, так как во главе формирования таких новых союзов стала бы Варшава.

Но было еще одно более важное обстоятельство поддержки Польшей стремлений Анкары к членству в ЕС. Положительное решение по Турции имело важное значение для будущего Украины. Эксперты отмечали, что перспектива турецкого членства облегчит польским политикам лоббирование «старого» Союза в пользу украинского членства⁵. Таким образом, включение Украины в сферу европейского влияния определялось как один из приоритетов внешней политики Польши с 1990-х годов. В то время как турецкое направление таковым не являлось.

Более того, пройдя стадию акклиматизации в ЕС, польские эксперты напрямую говорили о том, что этот вопрос не является

⁴ Польско-турецкие отношения с точки зрения национальной безопасности. *Relacje polsko-tureckie z perspektywy bezpieczeństwa narodowego* // National Security Bureau Republic of Poland. – 2014. – Польск. яз. – URL: https://www.mgk.gov.tr/en/kaynaklar/yayinlar/polish_turkish_relations_from_national_security_perspective/polish_turkish_relations_from_national_security_perspective_polish.pdf (дата обращения: 16.08.2023).

⁵ Польская интеграционная политика после вступления в Европейский союз. *Polska polityka integracyjna po przystąpieniu do Unii Europejskiej* / Red. J.M. Fiszer. – Warszawa, 2006. – S. 280–282. – Польск. яз.

главным при определении направлений польской внешней политики. Заверения о поддержке сузились до двусторонних отношений. Эксперты напоминали, что в реальной политике нет места для дружеских отношений и обещаний. Всегда имели значение только национальные интересы. Если присоединение Турции и впредь будет соответствовать польскому смыслу жизни, Варшава будет продолжать поддерживать Турцию на ее пути в Европу. Но если ситуация заставит пересмотреть польскую политику в отношении расширения ЕС, то не следует быть полностью уверенным в том, что Польша будет продолжать поддерживать европейские устремления Турции⁶.

Тем не менее в 2009 г. Варшава и Анкара повысили статус своих отношений до стратегического партнерства. Очевидно, что не последнюю роль в этом процессе сыграл запуск инициативы «Восточное партнерство», которая включила в орбиту внимания Польши и ЕС страны Черноморского региона. Польша, обладая знаниями и влиянием в таких странах, как Молдова и Украина, нуждалась в партнере, имеющем вес в Закавказье. Турция со своей стороны не могла допустить, чтобы внешние силы беспрепятственно выстраивали собственные комбинации в регионе жизненно важных для страны интересов.

С 2012 г. вопросы безопасности получили свое закрепление в расширенном формате Польша-Румыния-Турция. В ходе Чикагского саммита министры иностранных дел Польши, Румынии и Турции создали регулярный механизм консультаций по вопросам безопасности. Ключевой сферой интересов был обозначен Черноморский регион. Польские эксперты отмечали, что при правильном подходе со стороны всех участников отношения в рамках двух треугольников (Польша-Румыния-Турция; Украина-Молдова-Грузия) могут стать определяющими в регионе. Россия, по их мнению, утратила свои позиции в силу растущей конфронтации со странами постсоветского пространства. В качестве формулы успеха выступала специализация (закрепление) за Польшей, Румы-

⁶ Чоян А. Тюрки в Европейском союзе – диалог или столкновение цивилизаций? Chojan A. Turcja w Unii Europejskiej – dialog czy zderzenie cywilizacji? // *Myśl Ekonomiczna i Polityczna*. – 2011. – S. 151–169. – Польск. яз. – URL: https://www.lazarski.pl/fileadmin/user_upload/dokumenty/czasopisma/mysl-ekonomiczna-polityczna/2011/MEiP_1-2_8_2011_Chojan.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

нией и Турцией по одной стране соответственно. Преимущественно экономические планы сотрудничества неизбежно должны были вылиться в контакты в сфере безопасности на следующих этапах, так как самым проблемным сегментом для союза треугольников выступали отношения по линии Анкара-Москва. Польские исследователи напрямую говорили о том, что любое сближение Турции с Россией сведет к нулю усилия Польши в Черноморском регионе.

Конфликт России с Украиной в 2014 г. поставил ряд новых задач перед НАТО в целом и его членами в отдельности. Позиция Варшавы была однозначной – восстановление территориальной целостности Украины. Напротив, Турция занимала взвешенную позицию. Турецкие эксперты, заявляли, что история отношений с Россией была сложной, однако в текущих условиях они полагали необходимым избегать подобных сценариев.

В контексте региональной ситуации, эксперты сходились во мнении, что Польше и Турции предстоит играть важную роль в европейской геополитической динамике в ближайшие годы. Однако они должны быть готовы взять на себя более широкую ответственность за безопасность на континенте⁷.

В этом смысле визит польского президента А. Дуды в Анкару в 2021 г. стал своего рода знаковым в сотрудничестве двух стран. Контракты на поставки беспилотников Bayraktar вызвали широкий резонанс в обеих странах. Турецкие эксперты отмечали, что это первый крупномасштабный экспорт военной техники Турции в страну – члена НАТО и Европейского союза⁸. Польша, по сути, стала проводником для турецкой оборонной продукции на рынки стран ЕС. Однако турецкие аналитики не спешат оценивать этот шаг как услугу, за которую придется платить. Скорее они концентрируют внимание на том, что Польша, так же как и Турция,

⁷ Турецкий эксперт: Польша и Турция имеют общие интересы в НАТО. Turecki ekspert: Polska i Turcja mają wspólne interesy w NATO // Defence24. – Польск. яз. – URL: <https://defence24.pl/turecki-ekspert-polska-i-turcja-maja-wspolne-interesy-w-nato-wywiad> (дата обращения: 15.08.2023).

⁸ Продажа Турцией БПЛА Польше и геополитическая автономия. Türkiye'nin Polonya'ya SİHA satışı ve jeopolitik özerklik // Yetkin Report. – Турец. яз. – URL: <https://yetkinreport.com/2021/05/28/turkiyenin-polonyaya-siha-satisi-ve-jeopolitik-ozerklik/> (дата обращения: 22.08.2023).

озабочена выстраиванием геополитической автономии, которая должна быть обеспечена новейшими вооружениями.

С началом СВО внимание к Польше со стороны Турции стало более пристальным. В аналитическом сообществе закрепился тезис о том, что Польша наращивает геополитические мускулы, прежде всего за счет реформ в военной сфере. Аналитики проводят аналогии с Западной Германией, которая играла роль буфера в период Холодной войны. Более того, эксперты полагают, что Варшава перешла в статус прифронтового государства, расходы которого предполагают не только сдерживание, но и делаются предположения о том, что Польша станет новым фронтом в конфликте России с Западом⁹.

Проблема нелегальной миграции входит в актуальную повестку отношений Варшавы и Анкары. В этой сфере стороны в рамках ЕС и на двустороннем уровне показали, что они умеют принимать оперативные решения. Наиболее показательным было разрешение ситуации с нелегальными мигрантами на границе Беларуси и Польши. Варшава практически обвинила Анкару в том, что она способствует переправке мигрантов к ее границе. Ответ был резким, но достаточно взвешенным¹⁰. Не разглашая договоренности, ситуация была взята под контроль.

В оценке двустороннего сотрудничества важное значение имеет экономический блок. Он является во многом цементирующим отношения и в зависимости от их уровня оказывает существенное влияние на политическое взаимодействие. Анализ экономического сотрудничества показывает, что страны далеки от стратегического партнерства. Они никогда не входили в топ-10 торговых партнеров друг друга. Для Польши и Турции первостепенное значение имело короткое плечо поставок, что обеспечивало конкурентоспособность товаров и услуг. Несмотря на то что Турция имеет статус главного партнера Польши на Ближнем Вос-

⁹ Альпер ТАН. Новый фронт войны: Польша. Alper TAN. Savaşın Yeni Cephesi Polonya // SDE. – Турец. яз. – URL: <https://www.sde.org.tr/alper-tan/genel/savasin-yeni-cephesi-polonya-kose-yazisi-35662> (дата обращения: 22.08.2023).

¹⁰ Чавушоглу обсудил с польским коллегой миграционный кризис // Anadolu Ajansı. – 11.11.2021. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/политика/чавушоглу-обсудил-с-польским-коллегой-миграционный-кризис-/2417564> (дата обращения: 23.08.2023).

токе и в Азии, по статистическим данным за 2019 г. польский экспорт в Турцию поставил ее на 23-ю позицию, а импорт из Турции поставил эту страну на 16-ю позицию¹¹. Как отмечал президент польско-турецкой Торгово-промышленной палаты М. Новаковский проседание польского экспорта было заметным, снижение составило порядка 8%, в том время как импорт из Турции оказал влияние на отрицательное торговое сальдо в 2018 г.¹² В 2022 г. эксперты заявили о рекордном товарообороте в 10,4 млрд евро. Однако доля импорта составила 6,54 млрд евро¹³.

Ретроспективный анализ польско-турецкого взаимодействия позволяет сделать следующие выводы.

Исторически Польша и Турция были тесно связаны отношениями, которые в силу асимметрии потенциалов носили преимущественно противоборствующий характер. Религиозный фактор, подходы к системе государственного управления, геополитические проекты сторон являлись разъединяющими элементами. Однако внешнее окружение, стремительно изменяющаяся региональная конфигурация сформировали условия для сближения двух стран.

Современная система координат Польши и Турции сложилась в начале прошлого столетия, когда обе страны проходили сложный путь национального становления. Польша осталась в тисках исторического прошлого, Турция напротив сделала ставку на модернизацию практически всех сфер жизнедеятельности. Генетическая память польских элит вынуждала Варшаву постоянно метаться в поисках союзников для реализации амбиций и мести за прошлые обиды. В то же время Анкара путем тщательного анализа внешнеполитической обстановки стремилась получить максималь-

¹¹ Двусторонние экономические соглашения. *Gospodarcze umowy dwustronne* // GOV.pl. – Польск. яз. – URL: <https://www.gov.pl/web/turcja/informator-ekonomiczny> (дата обращения: 26.08.2023).

¹² Польско-турецкое экономическое сотрудничество – перспективы для польских компаний в 2019 г. *Polsko-turecka współpraca gospodarcza – perspektywy dla polskich firm w 2019 roku* // ECARGO. – 14.01.2019. – Польск. яз. – URL: <https://www.3cargo.com/ekspert-radzi-polsko-turecka-wspolpraca-gospodarcza-perspektywy-dla-polskich-firm-w-2019-roku/> (дата обращения: 27.08.2023).

¹³ Польско-турецкое экономическое сотрудничество. *Współpraca gospodarcza Polska-Turcja* // *Warszawska Izba Gospodarcza*. – 05.04.2023. – Польск. яз. – URL: <https://wig.waw.pl/wspolpraca-gospodarcza-polska-turcja/> (дата обращения: 27.08.2023).

ные экономические и геополитические дивиденды. Специфика картины мира двух стран оказала влияние на современные двусторонние отношения, которые воспринимаются как лоскутные и настороженные по отношению друг к другу.

Сегодня Польша и Турция предпринимают попытки формирования новых моделей взаимодействия на региональном и глобальном уровнях. Страны позиционируют изменения в своем международном статусе как системные и необратимые. В этой связи общей приоритетной задачей для Польши и Турции является укрепление авторитета среди партнеров на региональном и глобальном уровнях. Обе страны инициировали и активно продвигают масштабные региональные проекты («Междуморье», «БЛЭКСИФОР», «Черноморская гармония»), направленные на закрепление имиджа стран-лидеров. Военные реформы и разработки новейших вооружений также сближают позиции Польши и Турции на пути к обретению стратегической автономии в вопросах безопасности.

На фоне существенного количества общих подходов между двумя государствами сохраняются разногласия по вопросам взаимодействия с отдельными странами. В текущих условиях они во многом определяют содержание партнерства и будущую модель взаимодействия. Особый статус в польско-турецких отношениях занимает Россия, которая фактически разрушила привычную для двух стран модель жесткого союзничества на основе ценностей. Во многом искусственный характер геополитических возможностей для Польши и Турции создал своего рода линию разлома. Польская непримиримость вступила в противоборство с турецкой расчетливостью. Сегодня Турция обладает большим запасом прочности, нежели Польша. Договороспособность позволяет ей формировать сетевую структуру связей. Польша, напротив, продолжает отождествлять себя с противовесом неким ценностям и силам.

Польско-турецкий кейс являет собой один из элементов будущей многосторонности. Многовековые исторические проблемы и амбиции составят ее значительную часть. В свою очередь, ускорение процесса в изменении статуса государств обеспечит непредсказуемость и анти-стратегичность, ставка на военный потенциал усилит центробежные тенденции и выхолостит институциональную среду международного взаимодействия.

Список источников и литературы

1. Чавушоглу обсудил с польским коллегой миграционный кризис // Anadolu Ajansı. – 11.11.2021. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/политика/чавушоглу-обсудил-с-польским-коллегой-миграционный-кризис-/2417564> (дата обращения: 23.08.2023).
2. Двусторонние экономические соглашения. Gospodarcze umowy dwustronne // GOV.pl. – Польск. яз. – URL: <https://www.gov.pl/web/turcja/informator-ekonomiczny> (дата обращения: 26.08.2023).
3. Дипломатические отношения между Польшей и Турцией были установлены в 1414 г. Stosunki dyplomatyczne między Polską a Turcją zostały nawiązane w 1414 g. // MSZ. – Польск. яз. – URL: <https://www.gov.pl/web/turcja/relacje-dwustronne> (дата обращения: 11.08.2023).
4. Польская интеграционная политика после вступления в Европейский союз. Polska polityka integracyjna po przystąpieniu do Unii Europejskiej / Red. J.M. Fiszer. – Warszawa, 2006. – S. 280–282. – Польск. яз.
5. Польско-турецкие отношения с точки зрения национальной безопасности. Relacje polsko-tureckie z perspektywy bezpieczeństwa narodowego // National Security Bureau Republic of Poland. – 2014. – Польск. яз. – URL: https://www.mgk.gov.tr/en/kaynaklar/yayinlar/polish_turkish_relations_from_national_security_perspective/polish_turkish_relations_from_national_security_perspective_polish.pdf (дата обращения: 16.08.2023).
6. Польско-турецкое экономическое сотрудничество – перспективы для польских компаний в 2019 г. Polsko-turecka współpraca gospodarcza – perspektywy dla polskich firm w 2019 roku // ECARGO. – 14.01.2019. – Польск. яз. – URL: <https://www.3cargo.com/ekspert-radzi-polsko-turecka-wspolpraca-gospodarcza-perspektywy-dla-polskich-firm-w-2019-roku/> (дата обращения: 27.08.2023).
7. Польско-турецкое экономическое сотрудничество. Współpraca gospodarcza Polska-Turcja // Warszawska Izba Gospodarcza. – 05.04.2023. – Польск. яз. – URL: <https://wig.waw.pl/wspolpraca-gospodarcza-polska-turcja/> (дата обращения: 27.08.2023).
8. Турецкий эксперт: Польша и Турция имеют общие интересы в НАТО. Turecki ekspert: Polska i Turcja mają wspólne interesy w NATO // Defence24. – Польск. яз. – URL: <https://defence24.pl/turecki-ekspert-polska-i-turcja-maja-wspolne-interesy-w-nato-wywiad> (дата обращения: 15.08.2023).
9. Чоян А. Тюрки в Европейском союзе – диалог или столкновение цивилизаций? Chojan A. Turcja w Unii Europejskiej – dialog czy zderzenie cywilizacji? // Myśl Ekonomiczna i Polityczna. – 2011. – S. 151–169. – Польск. яз. – URL:

https://www.lazarski.pl/fileadmin/user_upload/dokumenty/czasopisma/mysl-ekonomiczna-polityczna/2011/MEiP_1-2_8_2011_Chojan.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

10. Шинол М. Польско-турецкие отношения во втором десятилетии XXI в. Политические и экономические аспекты. Szynol M. Stosunki polsko-tureckie w drugiej dekadzie XXI wieku. Aspekty polityczne i gospodarcze // Stosunki Polski z mocarstwami w drugiej dekadzie XXI wieku. – 2016. – S. 414–453. – Польск. яз. – URL: https://www.researchgate.net/publication/319483525_Stosunki_polsko-tureckie_w_drugiej_dekadzie_XXI_wieku_Aspekty_polityczne_i_gospodarcze (дата обращения: 15.08.2023).
11. Альпер ТАН. Новый фронт войны: Польша. Alper TAN. Savaşın Yeni Cephesi Polonya // SDE. – Турец. яз. – URL: <https://www.sde.org.tr/alper-tan/genel/savasin-yeni-cephesi-polonya-kose-yazisi-35662> (дата обращения: 22.08.2023).
12. Продажа Турцией БПЛА Польше и геополитическая автономия. Türkiye'nin Polonya'ya SİHA satışı ve jeopolitik özerklik // Yetkin Report. – Турец. яз. – URL: <https://yetkinreport.com/2021/05/28/turkiyenin-polonyaya-siha-satisi-ve-jeopolitik-ozerklik/> (дата обращения: 22.08.2023).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.04

УДК 327

АНАЛИЗ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ И АРМЕНИИ

САВЕЛЬЕВА Мария Анатольевна

кандидат политических наук, эксперт

Центра специальных медиаметрических исследований.

E-mail: mashtaler_94@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7258-5613

Для цитирования: *Савельева М.А.* Анализ взаимного восприятия России и Армении // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 60–76. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.04.

Аннотация. В статье представлено политико-психологическое исследование образа России в Армении и образа Армении в России. Автор ставил перед собой цель – выявить ключевые особенности взаимного восприятия стран в сознании их граждан на рациональном и бессознательном уровне восприятия. Основанием для проведения исследования стал анализ проблемного поля и политического контекста взаимоотношений стран, который показал, что в массовом сознании Армении угасает симпатия к сотрудничеству с Россией. Процедура исследования заключалась в проведении фокусированных интервью и рисуночных тестов среди жителей изучаемых стран. Для анализа политического восприятия использовались качественные методы с элементами количественных. В ходе работы были описаны содержательные особенности образов России и Армении, определены ключевые политико-психологические факторы, которые влияют на процесс их взаимного восприятия. Результаты исследования демонстрируют асимметричность взаимного восприятия стран: образ Армении у российских респондентов выглядит позитивнее, чем образ России у жителей Армении. Существует негативизация образа России в некоторых его структурных элементах (образ власти, внешне-политический образ). Однако низкий процент откровенно негативных образов в рисуночных тестах и в целом позитивный образ народа свидетельствуют о том, что у союзных отношений есть существенный резерв.

Ключевые слова: Россия, Армения, образ страны, образ власти, образ народа, политико-психологический анализ, союзные отношения, взаимное восприятие стран.

Analysis of Mutual Perception of Russia and Armenia

Maria A. SAVELYEVA

PhD in Political Sciences, Expert
of the Center for Special Mediametric Studies.

E-mail: mashtaler_94@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7258-5613

For citation: Savelyeva M.A. (2023). Analysis of Mutual Perception of Russia and Armenia. *Middle & Post-Soviet East*, no. 3 (3), pp. 60–76. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.04.

Abstract. The article presents a political and psychological study of the image of Russia in Armenia and the image of Armenia in Russia. The author set himself the goal of revealing the key features of the mutual perception of countries in the minds of their citizens at a rational and unconscious level of perception. The basis for the study was the analysis of the problematic field and the political context of the relations between the countries, which showed that in the mass consciousness of Armenia, sympathy for cooperation with Russia is fading. The research procedure consisted of conducting focused interviews and drawing tests among the inhabitants of the studied countries. For the analysis of political perception, qualitative methods with elements of quantitative ones were used. In the course of the work, the content features of the images of Russia and Armenia were described, the key political and psychological factors that influence the process of mutual perception were identified. The results of the study demonstrate the asymmetry of the mutual perception of countries: the image of Armenia among the Russian respondents looks more positive than the image of Russia among the residents of Armenia. There is a negativeization of the image of Russia in some of its structural elements (the image of power, the image of foreign policy). However, the low percentage of frankly negative images in drawing tests and the generally positive image of the people indicate that union relations have a significant reserve.

Keywords: Russia, Armenia, image of the country, image of power, image of the people, political and psychological analysis, union relations, mutual perception of countries.

Отношения России и Армении на протяжении всего постсоветского периода развивались в рамках дружбы, всестороннего партнерства и взаимопомощи, что было закреплено в более

200 договорах и соглашениях, охватывающих практически весь спектр межгосударственных связей¹.

Россия для Армении является самым крупным экономическим партнером и стратегическим союзником в энергетической и военной сфере. После распада советской системы армянский и российский народы, как и политические элиты стран, до недавнего времени сохраняли тесное сотрудничество. Армения и Россия являются полноправными членами всех союзных организаций, созданных на постсоветском пространстве (СНГ, ОДКБ, Евразийского экономического союза (ЕАЭС)).

При этом Армения демонстрирует стремление к развитию международных связей с другими странами мира. В стране методично и последовательно работают различные западные фонды и организации. Особенное развитие получил европейский вектор геополитических ориентаций, укрепившийся после бархатной революции 2018 г. В результате в Армении сформировалась социально-политическая прослойка лиц с прозападными настроениями.

Как отмечает Г.А. Погосян, ухудшение отношений между Россией и коллективным Западом, а затем и открытая конфронтация, сделали подобное маневрирование между двумя геополитическими центрами все более проблематичным для армяно-российских отношений².

Как показывают недавние опросы, граждане Армении все чаще делают выбор в пользу ЕС. Согласно региональной коммуникационной программе «Восточное соседство ЕС» («EU NEIGHBOURS east»), 60% жителей Армении доверяют ЕС, а Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) – 51%³. Снижение

¹ Российско-армянские отношения // МИД России. – URL: <https://mid.ru/ru/maps/am/> (дата обращения: 28.03.2023).

² Погосян Г.А. Армяно-российские отношения: точка бифуркации в контексте евразийской интеграции // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2023. – С. 449–453.

³ Опрос общественного мнения 2020 года: (Армения, Беларусь) // EU NEIGHBOURS east. – URL: <https://euneighbourseast.eu/ru/news-and-stories/opros-obshhestvennogo-mneniya-2020-armeniya-2/> (дата обращения: 22.03.2023).

интереса к евразийской интеграции со стороны Армении ранее фиксировал Интеграционный барометр ЕАБР^{4,5,6}.

Медиаметрический анализ, проведенный автором с 2015-го по 2018-й г., выявил рост критических публикаций о России в армянских СМИ после прецедентов с продажей российского оружия Азербайджану⁷.

Протесты 2018 г., в результате которых страну возглавил Н. Пашинян, не носили открытого антироссийского характера, однако образы России регулярно фигурировали в оппозиционных публикациях о «власти Саргсяна» – бывшего президента республики, что вело к усилению негативного отношения к стране у жителей Армении.

Остроту проблеме взаимного восприятия России и Армении добавляют недавние общественные всплески антироссийских настроений в Ереване. В феврале этого года там прошел митинг с призывами «расчлнить» Россию и оскорблениями в адрес президента России. Кроме того, митингующие требовали выхода Армении из Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)⁸. Однако нужно отметить, что параллельно с антироссийской акцией в Ереване прошел митинг в поддержку СВО. Ее участники пришли к зданию посольства РФ с флагами

⁴ Интеграционный барометр ЕАБР-2015 (четвертая волна измерений). – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2015. – URL: <https://eabr.org/press/eurasian-integration-and-development/results/2015.php> (дата обращения: 20.05.2019).

⁵ Интеграционный барометр ЕАБР-2016 (пятая волна измерений). – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2016. – URL: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-279.html> (дата обращения: 20.05.2019).

⁶ Интеграционный барометр ЕАБР-2017 (шестая волна измерений). – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. – URL: <https://eabr.org/press/eurasian-integration-and-development/results/2017.php> (дата обращения: 20.05.2019).

⁷ Савельева М.А. Образ России в СМИ стран ЕАЭС: медиаметрический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22, № 2. – С. 222–230.

⁸ «Без Татарстана, без Чечни»: в Ереване прошел митинг, участники которого призвали «расчлнить» Россию // Блокнот. – 25.02.2023. – URL: <https://bloknot.ru/v-mire/bez-tatarstana-bez-chechni-v-erevane-proshel-miting-uchastniki-kotorogo-prizvali-raschlenit-rossiyu-1066470.html> (дата обращения: 03.04.2023)

России и плакатами в поддержку спецоперации и армяно-российской дружбы⁹.

Таким образом, в армянском обществе фиксируется раскол в отношении России, который требует пристального наблюдения и изучения.

Изучая межгосударственные взаимоотношения, политологи более склонны уделять внимание экономическим или институциональным особенностям их политической жизни^{10,11}. За скобками при этом остаются такие аспекты, как взаимное восприятие стран, психологические особенности политического сознания их жителей. Сегодня аналитики все чаще отмечают важность учета восприятия населением последствий внешней политики для развития международных отношений^{12,13}.

Анализируя идентификационные особенности формирования взаимного восприятия России и Армении важно отметить, что на становление национального характера армян огромное значение оказали географическое положение и тяжелые исторические события – геноцид армян в Турции в 1915 г., землетрясение в Спитаке в 1988 г., войны в Нагорном Карабахе (1992–1994, 2020).

В Армении проживает 3 млн этнических армян, четверть от общего числа. Большинство представителей сконцентрировано за пределами республики. Поэтому в рамках формирования национально-государственной идентичности народа, преимущественно рассеянного по миру, важно иметь сильные объединяющие

⁹ В Ереване прошла акция в поддержку спецоперации // РИА Новости. – 24.02.2023. – URL: <https://ria.ru/20230224/aktsiya-1854149431.html> (дата обращения: 02.04.2023).

¹⁰ Евразийская интеграция в турбулентном мире / отв. ред. Л.Б. Вардомский. – СПб.: Алетей, 2019. – 288 с.;

¹¹ Зевин Л.З. О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века: научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2015. – 40 с.

¹² Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Особенности восприятия населением результатов внешней политики // Вестник Института социологии. – 2016. – № 4 (19). – С. 136–154.

¹³ Киселев И.Ю., Смирнова А.Г., Храброва К.Г. Общественная поддержка лидера: как граждане структурируют внутривнутриполитические потери в сфере внешней политики // Социальные и гуманитарные знания. – 2016. – Т. 2, № 3 (7). – С. 195–204.

факторы. Как отмечают исследователи, ими стали – геноцид армян и Нагорно-Карабахский конфликт¹⁴.

Армянский писатель Д. Демирчян в своем произведении «Армянин» подчеркивал, что жизнь и судьба армянина страдальческая, на пути его одни беды и ненастья¹⁵. Таким образом, можно заключить, что одной из отличительных черт армянской национальной идентичности стало формирование культурных травм, канонизированных на уровне государства, транслируемых и тиражированных.

Армянские исследователи культурной памяти пишут о том, что зависимое положение страны от России не позволяло допускать расхождений во взглядах на советское прошлое. По мнению Г.А. Шагоян, «ни музеев, ни публичных текстов о “русской оккупации” (как это было сделано в Грузии или прибалтийских странах) или о насильственной советизации Армении не было»¹⁶. Однако в последние годы в Армении происходит мемориализация советских репрессий по модели памяти о геноциде¹⁷, что может создавать определенные сложности во взаимоотношениях с Россией, как правопреемницей СССР. Показательным примером распространения антисоветских настроений в Армении и исторического спора с Россией стало возведение в 2016 г. памятника Гарегину Нжде – армянскому националисту, сотрудничавшему с Гитлером¹⁸. Данное событие было крайне негативно воспринято в России и в Азербайджане.

¹⁴ Атанесян А.В. Культура памяти и некоторые модели памяти о Геноциде армян в современном армянском обществе // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 4/1. – С. 128–139.

¹⁵ Демирчян Д. Армянин (эссе). – 1920. – URL: <http://www.mecenat-and-world.ru/aragast/3-aragast/demirchyan.htm> (дата обращения: 21.07.2020).

¹⁶ Шагоян Г.А. Культурная vs коллективная травма: мемориализация советских репрессий в постсоветской Армении по модели памяти о геноциде // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 2. – С. 74–98.

¹⁷ Там же. С. 77.

¹⁸ Плотников Д.С. Изменения в политике памяти в государствах – союзниках России на постсоветском пространстве после 2014 года // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2018. – № 1. – С. 37–52.

Важное значение для восприятия Армении в России имеет влияние СМИ. По мнению С.Ф. Петросяна, в общем информационном потоке России доля негатива о союзнике составляет большой процент (до 65%)¹⁹. Данный факт подтверждается более современным исследованием информационной политики в странах ЕАЭС, где большинство армянских респондентов также отмечали агрессивные и неосмотрительные высказывания некоторых российских журналистов в отношении Армении, что пагубно сказывается на образе России²⁰.

Российские эксперты также отмечали, что часто можно услышать справедливую критику в адрес российских СМИ, связанную с тем, что они постулируют вовне не самый привлекательный образ России. Во-первых, превалируют развлекательные передачи низкого качества, во-вторых, содержание новостных передач зафиксировано на внешних проблемах, которые заслоняют очень многие другие важные моменты, связанные со строительством общего гуманитарного, экономического информационного пространства среди ближайших союзников²¹.

Анализ проблемного поля и политического контекста взаимоотношений стран показал, что в массовом сознании Армении угасает симпатия к сотрудничеству с Россией. Со сменой поколений советская ностальгия играет все меньшую роль в сплочении народов. Среди армянской молодежи «Россия Путина» воспринимается как препятствие процессам демократизации²².

Армянский политолог С. Минасян отмечает, что «многие граждане Армении рассматривают отношения своей страны с Россией как результат неизбежной исторической зависимости, видя Россию единственным гарантом безопасности Армении». В России же, по его мнению, «элиты склонны к патерналистскому вос-

¹⁹ Петросян С.Ф. Имидж республики Армения глазами российских граждан // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 2. – С. 181–186.

²⁰ Савельева М.А. Особенности формирования и реализации информационной политики России в странах ЕАЭС: дис. ... магист. / Савельева Мария Анатольевна; МПГУ. – 2018. – 175 с.

²¹ Там же.

²² Minasyan S. Russian and Armenian / Russian Federation 2013: short-term prognosis. – Tartu University Press, 2013. – P. 73–76.

приятно Армении, представляя страну лишь как геополитический «форпост» на Южном Кавказе»²³.

В последние годы то затихающий, то вспыхивающий с новой силой вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе, подтверждает положение Москвы как сдерживающего фактора и барьера между Азербайджаном и армянским гражданским населением Карабаха.

Однако в армянских СМИ и интернет-ресурсах все чаще можно увидеть критику в адрес России за невыполнение взятых на себя обязательств в ходе трехсторонних соглашений, заключенных президентами России, Азербайджана и премьер-министром Армении, которые позволили достичь прекращения военных действий в зоне конфликта в ноябре 2020 г. «Россия не является надежным гарантом безопасности Армении. Хотя две страны связаны пактом о взаимопомощи, Москва не пришла им на помощь во время недавних нарушений границы и блокады Лачинского коридора» – цитата с одного из самых популярных (по количеству подписчиков и охвату аудитории) армянских Telegram-каналов на русском языке «Баграмян 26»²⁴.

Как показывают политико-психологические исследования последних лет, все большее влияние на политическое восприятие граждан оказывает информационный фактор (СМИ, интернет-медиа)²⁵. На сегодняшний день в Армении существует множество интернет-проектов, где блогеры, анализируя внутреннюю и внешнюю политику, часто в негативном ключе комментируют отношения России и Армении. Они распространяют такие тезисы, как «Россия вооружает Азербайджан»²⁶ и «Запад нам поможет

²³ Минасян С. Российско-армянские отношения: эмоции или прагматизм? // PONARS Eurasia. – 13.07.2013. – URL: <http://www.ponarseurasia.org/№de/6377> (дата обращения: 14.05.2019).

²⁴ Telegram-канал Баграмян 26. – URL: <https://t.me/bagramyan26/46396> (дата обращения: 07.04.2023).

²⁵ Шестопал Е.Б., Рогач Н. Этапы трансформации психологического состояния российского общества: политико-психологический анализ / Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 150–165. – DOI: 10.21638/spbu23.2023.201.

²⁶ Тяжелое оружие России против Карабаха // YouTube-канал Union of Informed Citizens. – 2016. – URL: <https://youtu.be/IFaoSlcNcWk> (дата обращения: 01.06.2022).

лучше России»²⁷, что пагубно влияет на отношение людей (преимущественно молодежи) к России.

Проблематика современных отношений России и Армении обуславливает цель проведенного исследования – анализ специфики взаимного восприятия России и Армении в сознании их граждан.

Теоретико-методологической основой проведенного исследования взаимного восприятия России и Армении являются научные разработки сотрудников кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова²⁸. В их работах раскрывается природа и механизмы политического восприятия, описана структура политических образов, в частности образа страны, а также факторы, влияющие на политическое восприятие граждан^{29,30,31}.

Для изучения взаимного восприятия России и Армении в качестве основного методологического подхода был выбран политико-психологический, который предполагает рассмотрение образа страны на рациональном и бессознательном уровнях, а также содержательно включает в себя сочетание ряда компонентов: представления о народе, территории, власти, политическом лидере и внешнеполитической миссии страны.

В качестве основных методов исследования использовались: стандартизированные глубинные интервью, метод «неоконченного предложения», а также проективные рисуночные тесты. Полученные данные прошли процедуру кодировки и шкалирования.

²⁷ Интересы России и карабахский конфликт // YouTube-канал Union of Informed Citizens. – 2016. – URL: <https://youtu.be/yeGX7s9NKlQ> (дата обращения: 01.06.2022).

²⁸ Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: РОССПЭН, 2012. – 233 с.

²⁹ Шестопал Е.Б., Смутькина Н.В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном российском обществе // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 26–44.

³⁰ Пищева Т.Н. Образ России в стране и в мире: научные исследования в современной политической психологии // От истоков к современности. – М.: Изд-во МГУ, 2015. – С. 451–453.

³¹ Зверев А.Л., Палитай И.С., Смутькина Н.В. и др. Особенности политического восприятия в современных российских условиях // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 40–55.

Их количественные результаты обрабатывались с помощью пакета SPSS. В тексте статьи представлены процентные соотношения ответов опрошенных респондентов.

Эмпирическую базу исследования составили 150 формализованных интервью и 150 рисуночных тестов. Выборку представляют рядовые граждане из Армении – 50 человек. Города: Ереван, Гюмри, Степанакерт (Нагорный Карабах). 100 человек из России (Брянск, Волгоград, Иркутск, Краснодар, Москва, Нижний Новгород, Омск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Смоленск, Тверь, Челябинск, Республика Крым).

Выборка не была репрезентативной, но она сбалансирована по полу, возрасту (в трех категориях: 18–30 лет, 31–50 лет, старше 50 лет) и образованию (респонденты с высшим образованием и без него), как это принято в исследованиях качественного характера.

Хронологические рамки политико-психологического исследования: 2017–2021 гг.

Образ России в Армении

Армения демонстрирует высокий процент негативно воспринимающих Россию по отношению к своей стране: 15% от общего числа респондентов характеризуют ее «как врага», все из возрастной категории от 18 до 35 лет. В стране ярко выражена разница в восприятии России среди поколений. Старшее поколение использует более позитивные характеристики. Их ответы в основном глубокие, когнитивно-сложные. Они охотно делятся своими впечатлениями о жизни в советские времена. В рассуждениях отчетливо прослеживаются ностальгические чувства. Рекордный уровень поддержки СССР среди пожилых армян отмечают и другие исследования³².

Те молодые люди, которые редко или вовсе не посещали Россию, с трудом формулируют свои представления о ней. Большую сложность создает незнание русского языка у младшей возрастной группы респондентов, с некоторыми приходилось общаться через

³² Мнения: жизнь до и после распада СССР // Sputnik. – 17.08.2016. – URL: https://az.sputniknews.ru/press_release/20160817/406781819.html (дата обращения: 21.11.2022).

переводчика. Их ответы характеризуются стереотипностью и повторяемыми клише о тяжелом положении Армении – «Армения всегда была и остается в кольце врагов», о том, что Россия должна помогать своему «единственному союзнику в Закавказье», а не «продавать оружие Азербайджану».

Неоднозначно складывается образ нашей власти (48% говорят о ее коррумпированности). Несмотря на то что подавляющее большинство опрошенных считает Россию сильным игроком на международной арене, позитивно ее влияние могут оценить только 18%. Высокий показатель тех, кто считает его негативным – 42%.

При этом армянские граждане с теплотой отзываются о русских людях. Единичны тех, кто называл в своей характеристике негативные черты (лень, пьянство, слабоволие). Образ народа позитивно воспринимается и на бессознательном уровне. В рисуночных тестах армян наблюдается повышенный уровень субъектности, часто фигурируют образы людей: образ девушки, образ воина, солдата и др. (см. рис. 1).

Влияние милитаристского имиджа России в Армении прослеживается и в рациональных категориях (вооруженные силы часто выделяли в качестве сильной стороны нашего государства), и на эмоциональном уровне – в рисунках и ассоциациях.

Рис. 1. Образ России в Армении.
Проективный рисунок. 2019 г.
(жен. 46 лет)

Отметим, что многие в Армении изменили свое отношение к России за последнее время (52%), большинство в негативную сторону. Причиной, по словам респондентов, стало «сближении России с Турцией», «торговля армянскими интересами», «предательство своего преданного союзника (Армении)».

Образ Армении в России

Существенная часть респондентов из России считает Армению привлекательной страной, однако 72% опрошенных говорят о ее слабой международной роли. В основном граждане связывали это с неспособностью самостоятельно принимать важные решения на мировой политической арене. Также часто встречались мнения о неопределенности позиции государства в международной политической системе. Цитата одного из респондентов в качестве примера: *«Армения хочет усидеть на двух стульях: и с ЕС дружить, и с Россией. Но, как известно, тяжело быть хорошим для всех».*

Образ современной власти Армении у респондентов из России представлен как эмоционально нейтральный и пассивный. Опрос показал, что в целом они не интересуются внутренней политикой этой страны. Однако громкие политические события, произошедшие в Армении, связанные с приходом к власти нового лидера Никола Пашиняна, сказались на восприятии населения России. Некоторые отмечали, что изменили мнение об Армении в лучшую сторону (14%). С их точки зрения, армяне показали свою активность, «проявили себя как самостоятельный субъект мировой политики». В качестве основных источников своих оценок эта часть респондентов называла знакомых армян и публикации в социальных сетях. Однако большинство опрошенных считает, что к власти в этой стране пришли «прозападные силы», из-за чего отношения с Россией могут значительно ухудшиться.

Несмотря на размытые, амбивалентные и в большей степени негативные представления об армянской власти и лидере, отвечая на вопрос: «Охарактеризуйте Армению по отношению к России?» – практически все участники опроса посчитали ее прежде всего другом (77%).

Особенное расположение респондентов соответствовало образу армянского населения. Личные качества армян отличались

позитивом и разнообразием, однако при этом они не были лишены распространенных этнических стереотипов: «доброта», «гостеприимность», «хитрость», «традиционность», «расчетливость».

Как показал анализ рисуночных тестов, в образе Армении на бессознательном уровне лидирует образ народа. Эмоциональные составляющие рисунков можно оценить как нейтрально-позитивные.

20% составили субъективные позитивные изображения, где фигурируют люди в национальных костюмах, за накрытым столом с вином, шашлыком (см. рис. 2). В целом сюжеты были до-

Рис. 2. Образ Армении в России.
Проективный рисунок. 2017 г.
(муж., 24 года)

вольно яркими и динамичными, но при этом прослеживался высокий уровень стереотипизированности. Содержательно выделялось несколько характерных ассоциативных элементов: горы, шашлык, фрукты, характерные черты армянской внешности. Существенная часть изображений была посвящена природе и традиционной национальной культуре Армении.

* * *

Опираясь на анализ проблемного поля и политического контекста взаимоотношений России и Армении, а также исходя из проведенного политико-психологического исследования их взаимного восприятия, были сделаны следующие выводы.

1. Обнаружена асимметричность во взаимном восприятии стран. В целом образ Армении у российских респондентов выглядит позитивнее, чем образ России у жителей Армении. В отношении Армении российские граждане испытывают тесную эмоциональную близость, особенно это проявилось на бессознательном уровне.

2. Образ России в Армении амбивалентен: с одной стороны, страну воспринимают как сильного регионального лидера, с другой – как угрозу дестабилизации общества. Такие компоненты образа России, как «власть» и «внешнеполитическая миссия», особенно отличаются негативной окраской.

Однако низкий процент откровенно негативных образов в рисуночных тестах и в целом позитивный образ народа свидетельствуют о том, что у союзных отношений есть существенный резерв.

3. Выявлено неравномерное влияние информационной повестки на формирование образов изучаемых стран: российские граждане менее информированы о политической жизни Армении, чем граждане Армении о России.

4. Определены факторы, влияющие на формирование взаимного восприятия России и Армении. Так, в России образ Армении в значительной степени зависит от историко-культурного фактора, который включает в себя общее советское прошлое и память о нем. Современный образ России в Армении активно конструируется информационным (в первую очередь здесь подразумевается влияние национальных, глобальных СМИ и интернет-ресурсов) и субъектным факторами (восприятие России существенно различается в зависимости от принадлежности респондентов к разным возрастным группам).

Таким образом, впервые была осуществлена попытка рассмотреть проблемы развития двусторонних отношений России и Армении с позиции политической психологии с помощью анализа особенностей их взаимного восприятия. При этом фокус внимания был обращен не к элитам, а к рядовым гражданам.

Полученные результаты выявили проблемы и негативные тенденции во взаимном восприятии России и Армении, которые со временем могут усугубляться. Поэтому необходимо продолжать политико-психологический анализ их образов в массовом полити-

ческом сознании, совершенствовать и расширять методологический инструментарий исследования с целью дальнейшего прогнозирования политических событий в регионе.

Список источников и литературы

1. Атанесян А.В. Культура памяти и некоторые модели памяти о Геноциде армян в современном армянском обществе // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 4/1. – С. 128–139.
2. «Без Татарстана, без Чечни»: в Ереване прошел митинг, участники которого призвали «расчлнить» Россию // Блокнот. – 25.02.2023. – URL: <https://bloknot.ru/v-mire/bez-tatarstana-bez-chechni-v-erevane-proshel-miting-uchastniki-kotorogo-prizvali-raschlenit-rossiyu-1066470.html> (дата обращения: 03.04.2023).
3. В Ереване прошла акция в поддержку спецоперации // РИА Новости. – 24.02.2023. – URL: <https://ria.ru/20230224/aktsiya-1854149431.html> (дата обращения: 02.04.2023).
4. Демирчян Д. Армянин (эссе). – 1920. – URL: <http://www.mecenat-and-world.ru/aragast/3-aragast/demirchyan.htm> (дата обращения: 21.07.2020).
5. Евразийская интеграция в турбулентном мире / отв. ред. Л.Б. Вардомский. – СПб.: Алетейя, 2019. – 288 с.
6. Зверев А.Л., Палитай И.С., Смутькина Н.В. и др. Особенности политического восприятия в современных российских условиях // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 40–55.
7. Зевин Л.З. О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века: научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2015. – 40 с.
8. Интеграционный барометр ЕАБР-2015 (четвертая волна измерений). – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2015. – URL: <https://eabr.org/press/eurasian-integration-and-development/results/2015.php> (дата обращения: 20.05.2019).
9. Интеграционный барометр ЕАБР-2016 (пятая волна измерений). – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2016. – URL: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-279.html> (дата обращения: 20.05.2019).
10. Интеграционный барометр ЕАБР-2017 (шестая волна измерений). – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. – URL: <https://eabr.org/press/eurasian-integration-and-development/results/2017.php> (дата обращения: 20.05.2019).
11. Интересы России и карабахский конфликт // YouTube-канал Union of Informed Citizens. – 2016. – URL: <https://youtu.be/yeGX7s9NKlQ> (дата обращения: 01.06.2022).

12. Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Особенности восприятия населением результатов внешней политики // Вестник Института социологии. – 2016. – № 4 (19). – С. 136–154.
13. Киселев И.Ю., Смирнова А.Г., Храброва К.Г. Общественная поддержка лидера: как граждане структурируют внутривнутриполитические потери в сфере внешней политики // Социальные и гуманитарные знания. – 2016. – Т. 2, № 3 (7). – С. 195–204.
14. Минасян С. Российско-армянские отношения: эмоции или прагматизм? // PONARS Eurasia. – 13.07.2013. – URL: <http://www.ponarseurasia.org/№de/6377> (дата обращения: 14.05.2019).
15. Мнения: жизнь до и после распада СССР // Sputnik. – 17.08.2016. – URL: https://az.sputniknews.ru/press_release/20160817/406781819.html (дата обращения: 21.11.2022).
16. Опрос общественного мнения 2020 года: (Армения, Беларусь) // EU NEIGHBOURS east. – URL: <https://euneighbourseast.eu/ru/news-and-stories/opros-obshhestvennogo-mneniya-2020-armeniya-2/> (дата обращения: 22.03.2023).
17. Петросян С.Ф. Имидж республики Армения глазами российских граждан // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 2. – С. 181–186.
18. Пищева Т.Н. Образ России в стране и в мире: научные исследования в современной политической психологии // От истоков к современности. – М.: Изд-во МГУ, 2015. – С. 451–453.
19. Плотников Д.С. Изменения в политике памяти в государствах – союзниках России на постсоветском пространстве после 2014 года // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2018. – № 1. – С. 37–52.
20. Погосян Г.А. Армяно-российские отношения: точка бифуркации в контексте евразийской интеграции // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2023. – С. 449–453.
21. Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: РОССПЭН, 2012. – 233 с.
22. Российско-армянские отношения // МИД России. – URL: <https://mid.ru/ru/maps/am/> (дата обращения: 28.03.2023).
23. Савельева М.А. Образ России в СМИ стран ЕАЭС: медиаметрический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22, № 2. – С. 222–230.
24. Савельева М.А. Особенности формирования и реализации информационной политики России в странах ЕАЭС: дис. ... магист. / Савельева Мария Анатольевна; МПГУ. – 2018. – 175 с.

25. Тяжелое оружие России против Карабаха // YouTube-канал Union of Informed Citizens. – 2016. – URL: <https://youtu.be/IFaoSIcNcWk> (дата обращения: 01.06.2022).
26. Telegram-канал Баграмян 26. – URL: <https://t.me/bagramyan26/46396> (дата обращения: 07.04.2023).
27. Шагоян Г.А. Культурная vs коллективная травма: мемориализация советских репрессий в постсоветской Армении по модели памяти о геноциде // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 2. – С. 74–98.
28. Шестопал Е.Б., Рогач Н. Этапы трансформации психологического состояния российского общества: политико-психологический анализ / Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 150–165. – DOI: 10.21638/spbu23.2023.201.
29. Шестопал Е.Б., Смутькина Н.В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном российском обществе // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 26–44.
30. Minasyan S. Russian and Armenian / Russian Federation 2013: short-term prognosis. – Tartu University Press, 2013. – P. 73–76.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.05

УДК 327

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ИРАНА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ГЛУХОВ Иван Дмитриевич

атташе, Посольство Российской Федерации
в Федеративной Республике Бразилии.

E-mail: ivguerreirodapaz@gmail.com

ORCID: 0009-0001-2252-533X

Для цитирования: Глухов И.Д. Эволюция внешнеполитического курса Ирана в Латинской Америке в контексте трансформации системы международных отношений // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 77–96. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.05.

Аннотация. В статье рассматривается развитие внешнеполитического курса Ирана в реалиях трансформации системы международных отношений на примере латиноамериканского турне президента Исламской Республики Эбрахима Раиси, которое он совершил в июне 2023 г. Выявлены основные сферы взаимодействия Ирана с ключевыми партнерами в регионе: Венесуэлой, Кубой, Никарагуа. Проведен анализ реакции СМИ и аналитических кругов США и Европы на состоявшиеся визиты, которая отражает основные опасения американского политического руководства относительно активизации Ирана в регионе. Дана авторская оценка перспектив расширения сотрудничества Ирана с Бразилией и другими латиноамериканскими государствами. Отмечены усилия Исламской Республики по вступлению в БРИКС. Сделан вывод о том, что действия Ирана в Латинской Америке соответствуют общей внешнеполитической концепции, подразумевающей укрепление позиций Исламской Республики в качестве одного из ведущих государств формирующегося полицентричного мира, стремящегося преодолеть изоляцию, организованную странами Запада, и максимально реализовать конкурентные преимущества своего геостратегического положения.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, Латинская Америка, БРИКС, полицентричный миропорядок, преодоление изоляции, геостратегическое положение.

Evolution of Iran's Foreign Policy in Latin America within Transformation of International Relations

Ivan D. GLUKHOV

Attaché, Embassy of the Russian Federation in Brazil.

E-mail: ivguerreiroadapaz@gmail.com

ORCID: 0009-0001-2252-533X

For citation: Glukhov I.D. (2023). Evolution of Iran's Foreign Policy in Latin America within Transformation of International Relations. *Middle & Post-Soviet East*, no. 3 (3), pp. 77–96. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.05.

Abstract. The article explores the development of Iran's foreign policy within the transformation of international relations on the example of the Latin American tour of the President of the Islamic Republic Ebrahim Raisi, which he made in June 2023. The paper identifies main areas of Iran's interaction with key partners in the region: Venezuela, Cuba, Nicaragua. The reaction of the US and European media and analytical circles to the aforementioned tour, reflecting the main concerns of the US political leadership regarding Iran's growing political influence in the region, has been analyzed. The author's assessment of Iran's prospects for expanding cooperation with Brazil and other Latin American states is given. The efforts of the Islamic Republic to join BRICS are noted. It is concluded that Iran's actions in Latin America are in line with the general foreign policy concept, which implies strengthening the position of the Islamic Republic as one of the leading states of the emerging polycentric world, seeking to overcome the isolation organized by Western countries and maximize the competitive advantages of its geostrategic position.

Keywords: Islamic Republic of Iran, Latin America, BRICS, polycentric world order, overcoming isolation, geostrategic location.

Можно по-разному оценивать то уникальное положение, в котором сегодня пребывает система международных отношений: на страницах научных публикаций встречаются как рассуждения о постепенном преодолении так называемого однополярного момента, так и различные оценки закономерностей и перспектив развития полицентричного мира. Однако какой бы парадигмы ни придержива-

вался исследователь, один факт остается бесспорным: для периода глобальных трансформаций, как и для любой эпохи больших перемен характерны не только повышение конфликтности и общая геостратегическая турбулентность, но и значительный потенциал новых возможностей, претворение которых в жизнь в условиях прежней международной конфигурации было предельно затруднено.

Именно поэтому те события, которые в период доминирующей однополярности могли быть расценены как дань протокольным традициям, как символический жест дружбы ряда периферийных стран против грозного гегемона, сегодня при должном изучении оказываются предвестниками структурных перемен, возникновения нового формата межрегионального сотрудничества, гармонично сочетающего в себе классические идеологические черты с прагматичным взаимодействием на энергетическом, торгово-экономическом, логистическом и культурном треке.

В качестве примера межрегионального взаимодействия в полицентричном мире в данной статье будет рассмотрено пятидневное турне президента Исламской Республики Иран (ИРИ) Эбрахима Раиси по странам Латинской Америки и его результаты.

Основные события латиноамериканского турне Эбрахима Раиси

С 12 по 15 июня 2023 г. Э. Раиси во главе представительной делегации, в состав которой вошли министр иностранных дел ИРИ Хоссейн Амир Абдоллахиян, глава администрации президента Голамхоссейн Исмаили, министр нефти Джавад Оуджи, министр обороны Мохаммадреза Аштияни, министр здравоохранения Бахрам Эйноллахи и замглавы администрации президента по политическим вопросам Моххамад Джамшиди¹, посетил Венесуэлу, Никарагуа и Кубу. В обращении к журналистам в тегеранском аэропорту «Мехрабад» перед вылетом в Венесуэлу иранский президент подчеркнул, что «отношения ИРИ с независимыми латино-

¹ Президент Республики отправился в Латиноамериканский регион – первым пунктом назначения в ходе его поездки стала Венесуэла = Rais-e jomhuri azem montage-ye Amerikayi Latin šod – Venezuela avvalin moqsad-e safar // IRNA.ir. – 12.06.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.irna.ir/news/85137436> (дата обращения: 12.08.2023).

американскими странами носят стратегический характер», и перечислил ключевые сферы взаимодействия, к числу которых отнес энергетику, промышленность, экономику, сельское хозяйство, науку, технологии и медицину².

Посещение Каракаса не случайно оказалось первым пунктом рабочего графика Э. Раиси – Венесуэла воспринимается иранским руководством в качестве ключевого партнера в латиноамериканском регионе.

Дипломатические отношения между странами были установлены еще в 1950 г.³ Значительная активизация контактов в 60–70-е годы прошлого века произошла в связи с созданием Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК). В 1977 г. шах Мохаммед Реза Пехлеви и президент Венесуэлы Карлос Андрес Перес обменялись государственными визитами. Исламская революция 1979 г. не оказала существенного воздействия на иранско-венесуэльские отношения, и постепенное расширение сфер двустороннего взаимодействия было продолжено.

Новая эра в двусторонних отношениях наступила с приходом к власти в Иране президента-реформиста Махмуда Ахмадинежада, сделавшего ставку на укрепление связей с левыми латиноамериканскими силами, лидеры которых в начале 2000-х годов возглавили правительства Бразилии (Луис Инасио Лула да Силва, 2003 г.), Аргентины (Нестор Киршнер, 2003 г.), Боливии (Эво Моралес, 2006 г.), Эквадора (Рафаэль Корреа, 2007 г.), Парагвая (Фернандо Луго, 2008 г.) и Уругвая (Хосе Мухика, 2010 г.)⁴.

² Президент Республики: отношения со странами латиноамериканского региона носят стратегический характер = Rais-e jomhuri: ravabet ba kešvarhaye mostaqel-e Amerikayi Latin yek erteбат-e rahbordi ast // IRNA.ir. – 12.06.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.irna.ir/news/85137479> (дата обращения: 13.08.2023).

³ Венесуэла и Иран отмечают 71-ю годовщину установления плодотворных отношений, основанных на сотрудничестве и взаимном уважении. Venezuela e Irán celebran 71 años de fructíferas relaciones basadas en la cooperación y el respeto mutuo // Ministerio del Poder Popular de Economía, Finanzas y Comercio Exterior. – 09.08.2021. – Испан. яз. – URL: <http://www.mppef.gob.ve/venezuela-e-iran-celebran-71-anos-de-fructiferas-relaciones-basadas-en-la-cooperacion-y-el-respeto-mutuo/> (дата обращения: 13.08.2023).

⁴ Fite B., Coughlin-Schulte C. US and Iranian Strategic Competition: Latin America, Africa, and the Peripheral States. – Center for Strategic and International Studies: Burke Chair in Strategy, 2013. – P. 5–8.

С 2006 по 2013 г. М. Ахмадинежад посетил Латинскую Америку восемь раз, при этом в ходе его визитов именно Каракас был открывающей столицей маршрута. Помимо подписания многочисленных договоров, М. Ахмадинежад принял участие в двух знаковых событиях: присоединении Ирана к Боливарианскому альянсу для народов нашей Америки (АЛБА) в качестве приглашенного члена в 2007 г. и церемонии прощания с лидером Венесуэлы Уго Чавесом⁵ в марте 2013 г.

Действующий глава венесуэльского государства Николас Мадуро поддерживает конструктивные тенденции в диалоге с Ираном, заложенные в прошлые десятилетия. В июне 2022 г. в ходе визита Н. Мадуро в Тегеран стороны подписали соглашение о всестороннем стратегическом сотрудничестве на 20 лет⁶ (в области энергетики, военных технологий, сельского хозяйства, туризма и культуры). Венесуэльская сторона предоставила Тегерану право на использование 1 млн га земли для проведения сельскохозяйственных работ. В интервью иранскому испаноязычному новостному каналу «Hispan TV» Н. Мадуро заявил, что Венесуэла и Иран «находятся в авангарде нового мироустройства» без гегемонии и колониализма⁷.

К визиту было приурочено подписание контракта на модернизацию и расширение нефтеперерабатывающего завода в городе Эль-Палито мощностью 146 тыс. баррелей в сутки, принадлежащего венесуэльской государственной нефтяной компании PDVSA, а также передача Венесуэле танкера типа «Афрамекс» вмести-

⁵ Президент Ирана посетил похороны Уго Чавеса. Presidente do Irã vai ao funeral de Hugo Chávez // Globo – G1. – 07.03.2013. – Португ. яз. – URL: <https://g1.globo.com/mundo/hugo-chavez/noticia/2013/03/presidente-do-ira-vai-ao-funeral-de-hugo-chavez.html> (дата обращения: 12.08.2023).

⁶ «Нерушимая дружба»: Иран и Венесуэла подписали соглашение о сотрудничестве на 20 лет. “Amizade indestrutível”: Irã e Venezuela assinam acordo de cooperação de 20 anos // Globo – G1. – 11.06.2022. – Португ. яз. – URL: <https://g1.globo.com/mundo/noticia/2022/06/11/amizade-indestrutivel-ira-e-venezuela-assinam-acordo-de-cooperacao-de-20-anos.ghtml> (дата обращения: 12.08.2023).

⁷ Мадуро: Иран и Венесуэла строят новый мир без гегемонов. Maduro: Irán y Venezuela construyen nuevo mundo sin hegemonías // Hispan TV. – 10.06.2022. – Испан. яз. – URL: <https://www.hispantv.com/noticias/venezuela/545141/maduro-iran-geopolitica-mundial> (дата обращения: 14.08.2023).

мостью 800 тыс. баррелей производства иранской компании «SADRA» (второй танкер из планируемых четырех)⁸.

Таким образом, визит иранского президента в Каракас в ходе июньского латиноамериканского турне, был нацелен на дальнейшее развитие стратегического сотрудничества. Стороны подписали 25 отраслевых соглашений⁹.

Далее президент Э. Раиси направился в Манагуа, столицу Никарагуа. Символично, что точкой отсчета иранско-никарагуанских дипломатических отношений стали две революции, произошедшие в 1979 г.: Исламская в Иране и Сандинистская в Никарагуа. В связи с этим в официальных документах партнеры именуют друг друга не иначе, как «братские народы». В декабре 2022 г. в Тегеране министры иностранных дел А. Абдоллахиян и Денис Монкада подписали договор о всестороннем сотрудничестве¹⁰.

Стороны согласовали и подписали три меморандума о сотрудничестве в юридической, торгово-экономической и медицинской сферах¹¹. Ратификация меморандумов в Национальной ассамблее Никарагуа была успешно завершена 28 июня 2023 г.¹²

⁸ Алифорова Е. Иран и Венесуэла подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве на 20 лет, в том числе в энергетике // Neftegaz.ru. – 14.06.2022. – URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/740615-iran-i-venezuela-podpisali-soglashenie-o-strategicheskom-sotrudnichestve-na-20-let-v-t-ch-v-energeti/> (дата обращения: 14.08.2023).

⁹ Президент Венесуэлы провел встречу с иранским коллегой. Presidente de Venezuela sostiene encuentro con su homólogo de Irán // Telesur TV.net. – 12.06.2023. – Испан. яз. – URL: <https://www.telesurtv.net/news/venezuela-presidente-maduro-encuentro-iran-ebrahim-raisi-20230612-0033.html> (дата обращения: 14.08.2023).

¹⁰ Мохаджерани М. Иран и Никарагуа подписали план всеобъемлющего сотрудничества = Mohajerani M. Iran wa Nicaragua sanad-e barname-ye jame-ye hamkari emza kardand // Mehrnews.com. – 18.12.2022. – Персид. яз. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5658833> (дата обращения: 14.08.2023).

¹¹ Иран и Никарагуа подписали три соглашения о сотрудничестве // РИА Новости. – 15.06.2023. – URL: <https://ria.ru/20230615/soglasheniya-1878231202.html> (дата обращения: 14.08.2023)

¹² Парламент ратифицировал три соглашения в сфере экономики, здравоохранения и юриспруденции, подписанных с Исламской Республикой Иран. Parlamento ratifica tres acuerdos suscritos con la República Islámica de Irán dirigidos a los sectores económico, salud y judicial // Asamblea Nacional de Nicaragua. – 28.06.2023. – Испан. яз. – URL: <https://noticias.asamblea.gob.ni/parlamento-ratifica-tres-acuerdos->

Идеологический компонент всегда играл центральную роль в двусторонних отношениях, что вновь подтвердил характер встречи Э. Раиси и Даниэля Ортеги. Минутой молчания лидеры почтили память генерала Корпуса стражей исламской революции Касема Сулеймани. Американские СМИ, комментируя встречу, выразили обеспокоенность тем, что Никарагуа превращается в «иранский плацдарм в Центральной Америке»¹³, и предрекли введение новых санкций против Манагуа¹⁴.

Завершающим этапом турне стал визит президента Ирана на Кубу. Иранско-кубинские дипломатические отношения также были установлены после Исламской революции, в августе 1979 г.¹⁵ Фидель Кастро был одним из первых мировых лидеров, признавших Иран после революции и поддержавших курс аятоллы Рухоллы Хомейни.

Данный факт не противоречит логике событий, происходивших в первые годы после Исламской революции: левые силы обладали широкой базой среди студентов университетов, учителей, инженеров и бывших политзаключенных, обрели авторитет в ходе вооруженной борьбы против шаха. Произошедшая революция создала возможность для активизации их участия в полити-

suscrito-con-la-republica-islamica-de-iran-dirigidos-a-los-sectores-economico-salud-y-judicial/ (дата обращения: 15.08.2023).

¹³ Dawi A. US Concerned as Iran Maneuvers Diplomatically Around Globe // Voice of America. – 14.06.2023. – URL: <https://www.voanews.com/a/us-concerned-as-iran-maneuvers-diplomatically-around-globe/7137639.html> (дата обращения: 15.08.2023).

¹⁴ Ромеро Ф. Отношения Никарагуа с Ираном, становящиеся все более тесными, вызывают разногласия в регионе. Romero F. Relación cada vez más estrecha de Nicaragua e Irán causa extrañeza en la región // Bloomberg Línea. – 08.02.2023. – Испан. яз. – URL: <https://www.bloomberglinea.com/2023/02/08/relacion-cada-vez-mas-estrecha-de-nicaragua-e-iran-causa-extraneza-en-la-region/> (дата обращения: 14.08.2023).

¹⁵ Кубу и Иран объединяют братские узы дружбы, которые сохраняются на протяжении долгого времени. Cuba e Irán se mantienen unidos por fraternales lazos de amistad que han perdurado en el tiempo // Ministerio de Relaciones Exteriores. República de Cuba. – 03.09.2019. – Испан. яз. – URL: <https://cubaminrex.cu/es/cuba-e-iran-se-mantienen-unidos-por-fraternales-lazos-de-amistad-que-han-perdurado-en-el-tiempo> (дата обращения: 15.08.2023).

ческой жизни¹⁶. Подобное положение сохранялось до середины 1980-х годов, когда новые власти планомерно разгромили как правую, так и левую оппозицию, в том числе и Народную партию Ирана («Туде»).

В 90-е годы прошлого века, когда после распада Советского Союза на Кубу прекратила поступать финансовая поддержка, Иран протянул «Острову свободы» руку помощи. В 2000-е годы объем двустороннего товарооборота постоянно возрастал, однако отсутствие прямого судоходного сообщения было значимым сдерживающим фактором. В те годы Куба активно поддерживала Иран на международной арене, в том числе в рамках Движения неприсоединения¹⁷.

Иранские и кубинские биотехнологи участвовали в масштабных программах научно-технического обмена, в том числе в сфере генной инженерии и фармакологии. Это многолетнее сотрудничество вышло на первый план во время пандемии коронавирусной инфекции, когда кубинская биотехнологическая компания «BioCubaFarma» направила свою вакцину «Soberana-02» для клинических испытаний в Иран¹⁸.

В конце декабря 2022 г. между Ираном и Кубой была наконец открыта первая прямая судоходная линия. Заместитель министра иностранных дел Ирана по экономическим вопросам Мехди Сафари отметил, что «благодаря этому достижению товарооборот между странами увеличится»¹⁹.

¹⁶ Mirsepassi A. Intellectual Discourse and the Politics of Modernization: Negotiating Modernity in Iran. – Cambridge Cultural Social Studies, Cambridge University Press, 2000. – P. 159–179. – DOI: 10.1017/CBO9780511489242.007.

¹⁷ Падрон Куэто К. Куба и Иран: история денег и соучастия. Padrón Cueto C. Cuba e Irán: una historia de dinero y complicidad // Diario Las Américas. – 30.09.2022. – Испан. яз. – URL: <https://www.diariolasamericas.com/mundo/cuba-e-iran-una-historia-dinero-y-complicidad-n4257799> (дата обращения: 14.08.2023).

¹⁸ Иран и Куба взаимодействуют в производстве вакцины от COVID-19 // Информационное агентство Исламской Республики (IRNA). – 13.03.2021. – URL: <https://ru.irna.ir/amp/84262239> (дата обращения: 15.08.2023).

¹⁹ Решение проблем иранско-кубинской торговли посредством создания судоходной линии = Hal-e moškel-e tojjar-e Iran wa Cuba barqarari-ye xatt-e kaštirani // Mana.ir. – 09.01.2023. – Персид. яз. – URL: mana.ir/fa/news/94743 (дата обращения: 15.08.2023).

По итогам встречи Э. Раиси и Мигеля Диаса-Канеля в Гаване, прошедшей в рамках латиноамериканского турне в июне 2023 г., были подписаны шесть соглашений: в области телекоммуникаций, информационных технологий, таможенного и юридического сотрудничества. Также состоялся кубино-иранский бизнес-форум. Президенты посетили Гаванский центр геномной инженерии и биотехнологий²⁰.

Реакция СМИ и аналитических кругов США и Европы

Реакция американских и европейских средств массовой информации и их филиалов в Латинской Америке на итоги турне оказалась вполне ожидаемой и однобокой: в публикациях подчеркивался «скудный объем стратегического сотрудничества», а также многократно приводилась цитата Э. Раиси о позиции Ирана: «нашу страну и три латиноамериканских государства объединяет общий подход, заключающийся в противостоянии западному империализму и односторонним действиям [США]»²¹.

Однако в некоторых аналитических публикациях содержатся указания на то, что идеологическое единство, продвигаемое Ираном, является фундаментом для развития практического сотрудничества, которое, в перспективе, способно подорвать позиции США, Британии и других западных стран в регионе²².

Беспокойство США вызывает намерение Ирана разместить свои боевые корабли в районе Панамского канала до конца 2023 г. в рамках программы по наращиванию присутствия в ключевых

²⁰ Итогами визита президента Ирана на Кубу стали новые соглашения и укрепление сотрудничества. Presidente iraní concluye visita a Cuba con nuevos acuerdos y fortalecimiento de cooperación // China Global Television Network Español. – 16.06.2023. – Испан. яз. – URL: <https://espanol.cgtn.com/news/2023-06-16/1669606974330048513/index.html> (дата обращения: 15.08.2023).

²¹ Motamedi M. Iran's Ebrahim Raisi after 'strategic' ties in South America tour // Al Jazeera. – 12.06.2023. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/6/12/irans-raisi-after-strategic-ties-in-south-america-tour> (дата обращения: 14.08.2023).

²² Pepin T. Harnessing Ideology: Addressing Iran's 'Soft Power' in Latin America // Manara Magazine, Cambridge Middle East and North Africa Forum. – 13.02.2023. – URL: <https://manaramagazine.org/2023/02/irans-soft-power-in-latin-america/> (дата обращения: 16.08.2023).

районах Мирового океана. О подобных намерениях заявил командующий военно-морскими силами Ирана Шахрам Ирани²³. Несмотря на давление со стороны США²⁴, бразильское правительство Л. Лулы последовательно продолжает выдавать иранским и российским военным судам разрешения²⁵ на посещение своих портов и на заход в воды, находящиеся в бразильской юрисдикции.

На этом фоне осуществляются вбросы относительно возможной активизации движения «Хизбалла» в Латинской Америке. Данный сюжет возник после теракта, произошедшего в Буэнос-Айресе в 1994 г., когда террористической атаке подверглись посольство Израиля и здание крупнейшего израильского культурного центра в Аргентине, погибло более 80 человек. Иран отрицает свою причастность к инциденту, однако эти события крайне негативно сказались на иранско-аргентинских отношениях. Впоследствии публикации о возможных атаках «Хизбаллы» появлялись в прессе в преддверии чемпионата мира по футболу в Бразилии в 2014 г. и летних Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро в 2016 г., однако опасения их авторов не сбылись²⁶. После проведения специального расследования, в 2022 г. израильская разведывательная служба «Моссад» сообщила о непричастности Ирана к теракту²⁷.

²³ Главком Военно-морских сил Ирана: планируем находиться в Панамском канале = Farmande-ye niruyi-ye daryayi-ye Iran: bara-ye hozur tange-ye Panama dar hal-e barnamerizi hastim // Radiofarda.com. – 12.01.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.radiofarda.com/a/32220229.html> (дата обращения: 16.08.2023).

²⁴ Представители Бразилии, подвергшейся критике со стороны США, приняли участие в праздновании на иранском корабле в Рио-де-Жанейро. Alvo de críticas dos EUA, Brasil participa de celebração em navio do Irã no Rio // Revista Exame. – 03.03.2023. – Португ. яз. – URL: <https://exame.com/brasil/alvo-de-criticas-dos-eua-brasil-participa-de-celebracao-em-navio-do-ira-no-rio/> (дата обращения: 16.08.2023).

²⁵ Распоряжение Военно-морских сил Бразилии № 5 от 13 января 2023 г. Despacho Decisório Marinha do Brasil N 5, de 13 de janeiro de 2023 // Diário Oficial da União. – 13.01.2023. – Португ. яз. – URL: <https://www.in.gov.br/web/dou/-/despacho-decisorio-mb-n-5-de-13-de-janeiro-de-2023-458733048> (дата обращения: 16.08.2023).

²⁶ Levitt M. Iran and Hezbollah Remain Hyperactive in Latin America // The Washington Institute for Near East Policy. – 11.08.2016. – URL: <https://www.washington-institute.org/policy-analysis/iran-and-hezbollah-remain-hyperactive-latin-america> (дата обращения: 16.08.2023).

²⁷ Bergman R. Mossad Sheds New Light on Argentina Terrorist Attacks in 1990 s // The New York Times. – 22.07.2022. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/07/22/>

Оппоненты Ирана верно отмечают общий идеологический посыл нынешней латиноамериканской активизации, заключающийся в совместном противостоянии американскому гегемонизму, однако в своей предвзятости не обращают внимания на то, что он является не более чем связующим звеном динамично развивающегося сотрудничества со странами региона.

Перспективы сотрудничества Ирана со странами Латинской Америки

В последние десятилетия страны, разумно сочетавшие общемировые тенденции и культурно-национальные традиции, обнаружили немалый потенциал к устойчивому развитию, даже в условиях внешнего давления. В этом смысле сам факт установления исламской государственности в Иране можно считать попыткой создания социально-экономической модели, учитывающей цивилизационный фактор²⁸. Во многом поэтому Иран ведет поиск «единомышленников» в Латинской Америке среди тех стран, которые уделяют внимание практическому воплощению идеи латиноамериканской цивилизации, что возможно только в условиях проведения независимой политики.

Иран стремится максимально использовать имеющийся потенциал взаимодействия: военные корабли направляются в Западное полушарие для обеспечения безопасности новых логистических цепочек, связывающих страны Южной и Центральной Америки с иранскими портами; укрепление договорно-правовой базы призвано гарантировать взаимовыгодное сотрудничество с Венесуэлой в нефтепромышленной отрасли, а с Кубой – на торгово-экономическом и биотехнологическом треке.

Помимо традиционных союзников перспективным партнером Ирана в Латиноамериканском регионе может стать Бразилия, где к власти в 2022 г. вернулось левое правительство Л. Лулы.

world/middleeast/argentina-mossad-hezbollah-bombings.html (дата обращения: 16.08.2023).

²⁸ Мамедова Н.М. Опыт социально-экономического развития Ирана в условиях исламского правления // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее / под ред. Н.М. Мамедовой. – М.: Институт Востоковедения РАН, 1999. – С. 52–54.

Однако в настоящее время принадлежность к тому или иному крылу политического спектра не имеет такого значения, как во времена ирано-латиноамериканского сближения 2000–2010-х годов, принципиальным является стремление руководства страны к проведению в жизнь независимой внутренней политики и прагматичного внешнеполитического курса, а также неприятие идеологического диктата и ценностных ориентиров, продвигаемых Соединенными Штатами под видом подлинного плюрализма мнений и демократических ценностей.

Именно поэтому официальные иранские источники при описании латиноамериканских сюжетов уделяют особое внимание тому, что США продолжают относиться к региону, как к собственному «заднему двору» и считают Западное полушарие своей «вотчиной».

Дипломатические отношения между Ираном и Бразилией были установлены в 1903 г. В последние годы объем взаимного товарооборота растет: по словам посла Ирана в Бразилии Хусейна Гариби, по итогам 2022 г. он составил рекордные 6,5 млрд долларов США²⁹, Наиболее перспективными сферами иранско-бразильского взаимодействия представляются аграрно-промышленное (экспорт иранских удобрений и импорт бразильского хлопка, сои, сахара, кукурузы и других зерновых культур) и энергетическое сотрудничество. В настоящее время активно обсуждается возобновление научно-технического обмена³⁰.

²⁹ Соуза Е. Иран отмечает День вооруженных сил и 120-летие установления дипломатических отношений с Бразилией. Souza E. Irã comemora Dia das Forças Armadas e 120 anos de relações diplomáticas com o Brasil // Diplomaciabusiness.com. – 26.04.2023. – Португ. яз. – URL: <https://www.diplomaciabusiness.com/ira-comemora-dia-das-forcas-armadas-e-120-anos-de-relacoes-diplomaticas-com-o-brasil/> (дата обращения: 17.08.2023).

³⁰ Бразилия и Иран намерены расширять научно-технологическое сотрудничество. Brasil e Irã querem ampliar cooperação em ciência e tecnologia // Governo da República Federativa do Brasil. Ministério da Ciência, Tecnologia e Inovação. – 18.08.2023. – Португ. яз. – URL: <https://www.gov.br/mcti/pt-br/acompanhe-o-mcti/noticias/2023/08/brasil-e-ira-querem-ampliar-cooperacao-em-ciencia-e-tecnologia> (дата обращения: 20.08.2023).

Активизация международных контактов Ирана

Таким образом, турне Э. Раиси логично встраивается в общую активизацию международных контактов, в которых Иран позиционирует себя в качестве одного из ведущих субъектов нового полицентричного миропорядка. Обращает на себя внимание большое число зарубежных поездок иранского президента (турне по Латинской Америке стало тринадцатой зарубежной поездкой с момента начала его полномочий в августе 2021 г.³¹), а также возобновление формата комплексных региональных турне. Вслед за Латинской Америкой Э. Раиси отправился в Африку (иранские президенты не совершали визитов на Африканский континент с 2012 г.), посетил Зимбабве, Кению и Уганду³².

Иран уделяет приоритетное внимание тем международным объединениям и дискуссионным площадкам, которые обретают все больший вес в условиях многополярного мира и, в перспективе, позволят стране преодолеть негативные последствия многолетней изоляции, организованной странами Запада. Уникальное геостратегическое положение Ирана на Евразийском континенте открывает возможность создания транспортных коридоров и логистических хабов, не зависящих от колебаний политико-идеологической конъюнктуры.

В этой связи с 2021 г. Иран проводил работу по вступлению в Шанхайскую организацию сотрудничества в качестве полноправного члена. Формальные процедуры были завершены менее чем за два года, и по итогам саммита под индийским председательством, состоявшегося 4 июля 2022 г., Иран был принят в организацию³³.

³¹ Motamedi M. Iran's Ebrahim Raisi after 'strategic' ties in South America tour // Al Jazeera. – 12.06.2023. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/6/12/irans-raisi-after-strategic-ties-in-south-america-tour> (дата обращения: 14.08.2023).

³² «Континент возможностей»: президент Ирана начинает африканское турне. "Um continente de oportunidades": presidente iraniano começa périplo africano // rfi.fr. – 11.07.2023. – Португ. яз. – URL: <https://www.rfi.fr/pt/áfrica/20230711-um-continente-de-oportunidades-presidente-iraniano-começa-périplo-africano> (дата обращения: 18.08.2023).

³³ Андреева А. Иран официально вступил в ШОС // Российская газета. – 04.07.2023. – URL: <https://rg.ru/2023/07/04/iran-oficialno-vstupil-v-shos.html> (дата обращения: 18.08.2023).

Сегодня на повестке дня стоит вступление Ирана в БРИКС. Концептуальные аспекты этого шага обсуждались в ходе конференции Института международных политических исследований МИД Ирана (IPIS) 8 августа 2023 г.³⁴ Тегеран проводит подготовительные консультации со всеми странами объединения, в том числе и с Бразилией. В августе 2023 г. заместитель министра иностранных дел Ирана, один из ключевых переговорщиков по тематике Иранской ядерной программы Али Багери-Кяни прибыл в бразильскую столицу, где провел консультации по широкому кругу внешнеполитических тем, в том числе по вопросу вступления в БРИКС с представителями МИД Бразилии и Комитета по международным делам и национальной обороне Палаты депутатов Национального конгресса Бразилии³⁵. По заявлению А. Багери-Кяни, «БРИКС играет фундаментальную роль в поддержании стабильности в разных регионах мира в период комплексных трансформаций [международных отношений]»³⁶. Дискуссия о расширении БРИКС за счет вступления в объединение государств, подавших соответствующие заявки (в том числе и Ирана) была продолжена на саммите БРИКС в Йоханнесбурге, ЮАР, который прошел 22–24 августа 2023 г. В работе саммита принял участие президент Ирана Э. Раиси³⁷.

³⁴ Иран и БРИКС: перспективы сотрудничества = Iran wa BRICS; čašmandazha bara-ye šarakat wa hamkari // Institute for Political and International Studies (IPIS). – 09.08.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.ipis.ir/portal/subjectview/726970/> (дата обращения: 20.08.2023).

³⁵ Иран стремится стать членом БРИКС и рассчитывает на поддержку Бразилии. Irã quer integrar o BRICS e conta com o apoio do Brasil // Portal da Câmara dos Deputados – Comissão de Relações Exteriores e de Defesa Nacional. – 09.08.2023. – Португ. яз. – URL: <https://www2.camara.leg.br/atividade-legislativa/comissoes/comissoes-permanentes/credn/noticias/ira-quer-integrar-o-brics-e-counta-com-o-apoio-do-brasil> (дата обращения: 20.08.2023).

³⁶ Бергамо М. Ядерная сделка была провалом для США, а не для Лулы, считает заместитель министра иностранных дел Ирана. Газета «Фолья де Сан-Паулу». Bergamo M. Acordo nuclear foi um fracasso para os EUA, não para Lula, diz vice-chanceler do Irã // Folha de S. Paulo. – 19.08.2023. – Португ. яз. – URL: <https://www1.folha.uol.com.br/colunas/monicabergamo/2023/08/acordo-nuclear-foi-um-fracasso-para-os-eua-nao-para-lula-diz-vice-chanceler-do-ira.shtml> (дата обращения: 20.08.2023).

³⁷ Президент Ирана примет участие в саммите БРИКС // РИА Новости. – 20.08.2023. – URL: <https://ria.ru/20230820/briks-1891149646.html> (дата обращения: 21.08.2023).

* * *

Турне президента Ирана Э. Раиси по странам Латинской Америки является наглядным примером эволюции внешнеполитического курса Исламской Республики, в рамках которой происходит расширение конструктивного взаимодействия с дружественными странами. Противостояние американскому гегемонизму служит прочной идеологической основой сотрудничества с Венесуэлой, Кубой и Никарагуа. При этом события июньских визитов демонстрируют то, что Иран намерен не только активизировать работу по ключевым направлениям двусторонних отношений (нефтепромышленный сектор, торгово-экономические связи, биотехнологии), но и включить в повестку дня новые проекты.

В то же время Иран делает ставку на развитие партнерских связей с теми государствами региона, правительства которых проводят независимую и прагматичную политику. Весьма перспективным выглядит аграрно-промышленное и энергетическое сотрудничество с Бразилией. Увеличение товарооборота со странами Латинской Америки также тесно связано с необходимостью поддерживать имеющиеся и создавать новые судоходные маршруты.

Созидательная активность Ирана в Латинской Америке логично встраивается в большую внешнеполитическую концепцию, подразумевающую укрепление позиций Исламской Республики в качестве одного из ведущих государств формирующегося полицентричного мира, способного играть конструктивную роль как в своем регионе, на Ближнем и Постсоветском Востоке³⁸, так и на глобальном уровне, в том числе в тех регионах, которые традиционно воспринимались в качестве сферы интересов отдельных мировых держав.

Иран стремится стать членом тех международных объединений (прежде всего, БРИКС), в рамках которых Исламская Республика получит возможность уменьшить деструктивное влияние многолетней изоляции, проводимой и поддерживаемой странами Запада, а также реализовать конкурентные преимущества своего геостратегического положения.

³⁸ Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 12. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 12. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.
2. Алифирова Е. Иран и Венесуэла подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве на 20 лет, в том числе в энергетике // Neftegaz.ru. – 14.06.2022. – URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/740615-iran-i-venezuela-podpisali-soglashenie-o-strategicheskom-sotrudnichestve-na-20-let-v-tch-v-energeti/> (дата обращения: 14.08.2023).
3. Андреева А. Иран официально вступил в ШОС // Российская газета. – 04.07.2023. – URL: <https://rg.ru/2023/07/04/iran-oficialno-vstupil-v-shos.html> (дата обращения: 18.08.2023).
4. Иран и Куба взаимодействуют в производстве вакцины от COVID-19 // Информационное агентство Исламской Республики (IRNA). – 13.03.2021. – URL: <https://ru.irna.ir/amp/84262239> (дата обращения: 15.08.2023).
5. Иран и Никарагуа подписали три соглашения о сотрудничестве // РИА Новости. – 15.06.2023. – URL: <https://ria.ru/20230615/soglasheniya-1878231202.html> (дата обращения: 14.08.2023).
6. Мамедова Н.М. Опыт социально-экономического развития Ирана в условиях исламского правления // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее / под ред. Н.М. Мамедовой. – М.: Институт Востоковедения РАН, 1999. – С. 52–54.
7. Bergman R. Mossad Sheds New Light on Argentina Terrorist Attacks in 1990 s // The New York Times. – 22.07.2022. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/07/22/world/middleeast/argentina-mossad-hezbollah-bombings.html> (дата обращения: 16.08.2023).
8. Dawi A. US Concerned as Iran Maneuvers Diplomatically Around Globe // Voice of America. – 14.06.2023. – URL: <https://www.voanews.com/a/us-concerned-as-iran-maneuvers-diplomatically-around-globe/7137639.html> (дата обращения: 15.08.2023).
9. Fite B., Coughlin-Schulte C. US and Iranian Strategic Competition: Latin America, Africa, and the Peripheral States. – Center for Strategic and International Studies: Burke Chair in Strategy, 2013. – P. 5–8.
10. Levitt M. Iran and Hezbollah Remain Hyperactive in Latin America // The Washington Institute for Near East Policy. – 11.08.2016. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/iran-and-hezbollah-remain-hyperactive-latin-america> (дата обращения: 16.08.2023).

11. Mirsepassi A. Intellectual Discourse and the Politics of Modernization: Negotiating Modernity in Iran. Cambridge Cultural Social Studies, Cambridge University Press, 2000. – P. 159–179. – DOI: 10.1017/CBO9780511489242.007.
12. Motamedi M. Iran's Ebrahim Raisi after 'strategic' ties in South America tour // Al Jazeera. – 12.06.2023. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/6/12/irans-raisi-after-strategic-ties-in-south-america-tour> (дата обращения: 14.08.2023).
13. Pepin T. Harnessing Ideology: Addressing Iran's 'Soft Power' in Latin America // Manara Magazine, Cambridge Middle East and North Africa Forum. – 13.02.2023. – URL: <https://manaramagazine.org/2023/02/irans-soft-power-in-latin-america/> (дата обращения: 16.08.2023).
14. Бергамо М. Ядерная сделка была провалом для США, а не для Лулы, считает заместитель министра иностранных дел Ирана. Bergamo M. Acordo nuclear foi um fracasso para os EUA, não para Lula, diz vice-chanceler do Irã // Folha de S. Paulo. – 19.08.2023. – Португ. яз. – URL: <https://www1.folha.uol.com.br/colunas/monicabergamo/2023/08/acordo-nuclear-foi-um-fracasso-para-os-eua-nao-para-lula-diz-vice-chanceler-do-ira.shtml> (дата обращения: 20.08.2023).
15. Иран стремится стать членом БРИКС и рассчитывает на поддержку Бразилии. Irã quer integrar o BRICS e conta com o apoio do Brasil // Portal da Câmara dos Deputados – Comissão de Relações Exteriores e de Defesa Nacional. – 09.08.2023. – Португ. яз. – URL: <https://www2.camara.leg.br/atividade-legislativa/comissoes/comissoes-permanentes/credn/noticias/ira-quer-integrar-o-brics-e-conta-com-o-apoio-do-brasil> (дата обращения: 20.08.2023).
16. «Континент возможностей»: президент Ирана начинает африканское турне. “Um continente de oportunidades”: presidente iraniano começa périplo africano // rfi.fr. – 11.07.2023. – Португ. яз. – URL: <https://www.rfi.fr/pt/áfrica/20230711-um-continente-de-oportunidades-presidente-iraniano-começa-périplo-africano> (дата обращения: 18.08.2023).
17. «Нерушимая дружба»: Иран и Венесуэла подписали соглашение о сотрудничестве на 20 лет. “Amizade indestrutível”: Irã e Venezuela assinam acordo de cooperação de 20 anos // Globo – G1. – 11.06.2022. – Португ. яз. – URL: <https://g1.globo.com/mundo/noticia/2022/06/11/amizade-indestrutivel-ira-e-venezuela-assinam-acordo-de-cooperacao-de-20-anos.ghtml> (дата обращения: 12.08.2023).
18. Бразилия и Иран намерены расширять научно-технологическое сотрудничество. Brasil e Irã querem ampliar cooperação em ciência e tecnologia // Governo da República Federativa do Brasil. Ministério da Ciência, Tecnologia e Inovação. – 18.08.2023. – Португ. яз. – URL: <https://www.gov.br/mcti/pt-br/acompanhe-o-mcti/noticias/2023/08/brasil-e-ira-querem-ampliar-cooperacao-em-ciencia-e-tecnologia> (дата обращения: 20.08.2023).

19. Представители Бразилии, подвергшейся критике со стороны США, приняли участие в праздновании на иранском корабле в Рио-де-Жанейро. Alvo de críticas dos EUA, Brasil participa de celebração em navio do Irã no Rio // Revista Exame. – 03.03.2023. – Португ. яз. – URL: <https://exame.com/brasil/alvo-de-criticas-dos-eua-brasil-participa-de-celebracao-em-navio-do-ira-no-rio/> (дата обращения: 16.08.2023).
20. Президент Ирана посетил похороны Уго Чавеса. Presidente do Irã vai ao funeral de Hugo Chávez // Globo – G1. – 07.03.2013. – Португ. яз. – URL: <https://g1.globo.com/mundo/hugo-chavez/noticia/2013/03/presidente-do-ira-vai-ao-funeral-de-hugo-chavez.html> (дата обращения: 12.08.2023).
21. Распоряжение Военно-морских сил Бразилии № 5 от 13 января 2023 г. Despacho Decisório Marinha do Brasil N 5, de 13 de janeiro de 2023 // Diário Oficial da União. – 13.01.2023. – Португ. яз. – URL: <https://www.in.gov.br/web/dou/-/despacho-decisorio-mb-n-5-de-13-de-janeiro-de-2023-458733048> (дата обращения: 16.08.2023).
22. Соуза Е. Иран отмечает День вооруженных сил и 120-летие установления дипломатических отношений с Бразилией. Souza E. Irã comemora Dia das Forças Armadas e 120 anos de relações diplomáticas com o Brasil // Diplomacia-business.com. – 26.04.2023. – Португ. яз. – URL: <https://www.diplomaciabusiness.com/ira-comemora-dia-das-forcas-armadas-e-120-anos-de-relacoes-diplomaticas-com-o-brasil/> (дата обращения: 17.08.2023).
23. Итогами визита президента Ирана на Кубу стали новые соглашения и укрепление сотрудничества. Presidente iraní concluye visita a Cuba con nuevos acuerdos y fortalecimiento de cooperación // China Global Television Network Español. – 16.06.2023. – Испан. яз. – URL: <https://espanol.cgtn.com/news/2023-06-16/1669606974330048513/index.html> (дата обращения: 15.08.2023).
24. Мадуро: Иран и Венесуэла строят новый мир без гегемонов. Maduro: Irán y Venezuela construyen nuevo mundo sin hegemonías // Hispan TV. – 10.06.2022. – Испан. яз. – URL: <https://www.hispantv.com/noticias/venezuela/545141/maduro-iran-geopolitica-mundial> (дата обращения: 14.08.2023).
25. Парламент ратифицировал три соглашения в сфере экономики, здравоохранения и юриспруденции, подписанных с Исламской Республикой Иран. Parlamento ratifica tres acuerdos suscritos con la República Islámica de Irán dirigidos a los sectores económico, salud y judicial // Asamblea Nacional de Nicaragua. – 28.06.2023. – Испан. яз. – URL: <https://noticias.asamblea.gob.ni/parlamento-ratifica-tres-acuerdos-suscrito-con-la-republica-islamica-de-iran-dirigidos-a-los-sectores-economico-salud-y-judicial/> (дата обращения: 15.08.2023).

26. Кубу и Иран объединяют братские узы дружбы, которые сохраняются на протяжении долгого времени. Cuba e Irán se mantienen unidos por fraternales lazos de amistad que han perdurado en el tiempo // Ministerio de Relaciones Exteriores. República de Cuba. – 03.09.2019. – Испан. яз – URL: <https://cuba-minrex.cu/es/cuba-e-iran-se-mantienen-unidos-por-fraternales-lazos-de-amistad-que-han-perdurado-en-el-tiempo> (дата обращения: 15.08.2023).
27. Венесуэла и Иран отмечают 71-ю годовщину установления плодотворных отношений, основанных на сотрудничестве и взаимном уважении. Venezuela e Irán celebran 71 años de fructíferas relaciones basadas en la cooperación y el respeto mutuo // Ministerio del Poder Popular de Economía, Finanzas y Comercio Exterior. – 09.08.2021. – Испан. яз. – URL: <http://www.mppef.gob.ve/venezuela-e-iran-celebran-71-anos-de-fructiferas-relaciones-basadas-en-la-cooperacion-y-el-respeto-mutuo/> (дата обращения: 13.08.2023).
28. Падрон Куэто К. Куба и Иран: история денег и соучастия. Padrón Cueto C. Cuba e Irán: una historia de dinero y complicidad // Diario Las Américas. – 30.09.2022. – Испан. яз. – URL: <https://www.diariolasamericas.com/mundo/cuba-e-iran-una-historia-dinero-y-complicidad-n4257799> (дата обращения: 14.08.2023).
29. Президент Венесуэлы провел встречу с иранским коллегой. Presidente de Venezuela sostiene encuentro con su homólogo de Irán // Telesur TV.net. – 12.06.2023. – Испан. яз. – URL: <https://www.telesurtv.net/news/venezuela-presidente-maduro-encuentro-iran-ebrahim-raisi-20230612-0033.html> (дата обращения: 14.08.2023).
30. Ромеро Ф. Отношения Никарагуа с Ираном, становящиеся все более тесными, вызывают разногласия в регионе. Romero F. Relación cada vez más estrecha de Nicaragua e Irán causa extrañeza en la región // Bloomberg Línea. – 08.02.2023. – Испан. яз. – URL: <https://www.bloomberglinea.com/2023/02/08/relacion-cada-vez-mas-estrecha-de-nicaragua-e-iran-causa-extraneza-en-la-region/> (дата обращения: 14.08.2023).
31. Главком Военно-морских сил Ирана: планируем находиться в Панамском канале = Farmande-ye niruyi-ye daryayi-ye Iran: bara-ye hozur tange-ye Panama dar hal-e barnamerizi hastim // Radiofarda.com. – 12.01.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.radiofarda.com/a/32220229.html> (дата обращения: 16.08.2023).
32. Иран и БРИКС: перспективы сотрудничества = Iran wa BRICS; čašmandazha bara-ye šarakat wa hamkari // Institute for Political and International Studies (IPIS). – 09.08.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.ipis.ir/portal/subjectview/726970/> (дата обращения: 20.08.2023).
33. Мохаджерани М. Иран и Никарагуа подписали план всеобъемлющего сотрудничества = Mohajerani M. Iran wa Nicaragua sanad-e barname-ye jame-ye

- hamkari emza kardand // Mehrnews.com. – 18.12.2022. – Персид. яз. – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5658833> (дата обращения: 14.08.2023).
34. Президент Республики отправился в Латиноамериканский регион – первым пунктом назначения в ходе его поездки стала Венесуэла = Rais-e jomhuri azem montaqa-e Amerikayi Latin šod – Venezuela avvalin moqsad-e safar // IRNA.ir. – 12.06.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.irna.ir/news/85137436> (дата обращения: 12.08.2023).
35. Президент Республики: отношения со странами латиноамериканского региона носят стратегический характер = Rais-e jomhuri: ravabet ba kešvarhaye mostaqel-e Amerikayi Latin yek ertebat-e rahbordi ast // IRNA.ir. – 12.06.2023. – Персид. яз. – URL: <https://www.irna.ir/news/85137479> (дата обращения: 13.08.2023).
36. Решение проблем иранско-кубинской торговли посредством создания судоходной линии = Hal-e moškel-e tojjar-e Iran wa Cuba barqarari-ye xatt-e kaštirani // Mana.ir. – 09.01.2023. – Персид. яз. – URL: mana.ir/fa/news/94743 (дата обращения: 15.08.2023).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.06
УДК 327

ТУРЦИЯ КАК СРЕДНЯЯ ДЕРЖАВА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ГУЗАЕРОВ Разиль Илшатович

младший научный сотрудник Отдела Ближнего
и Постсоветского Востока Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

E-mail: guzaerov99@bk.ru

ORCID: 0000-0003-0006-9975

Для цитирования: *Гузаеров Р.И.* Турция как средняя держава в системе международных отношений // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 97–112. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.06.

Аннотация. Статья посвящена анализу Турции как державы среднего уровня. Представлены различные теоретические подходы к определению державы среднего уровня, обозначены их основные критерии. Отмечается отсутствие единого мнения в определении держав среднего уровня. Анализируются различные аспекты внешней политики Турции, соответствующие критериям держав среднего уровня. Делается вывод о том, Турция является средней державой. Однако из-за восприятия турецкой элиты места своего государства в системе международных отношений амбиции Анкары не соответствуют данному статусу.

Ключевые слова: Турция, Анкара, держава среднего уровня, средние державы, активная внешняя политика, внешняя политика Турции.

Turkey as Middle Power in System of International Relations

Razil I. GUZAEROV

Junior Researcher of the Department of Middle
and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

E-mail: guzaerov99@bk.ru

ORCID: 0000-0003-0006-9975

For citation: Guzaerov R.I. (2023). Turkey as Middle Power in System of International Relations. *Middle & Post-Soviet East*, no. 3 (3), pp. 97–112. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.06.

Abstract. The article is devoted to the analysis of Turkey as a medium-level power. Various theoretical approaches to the definition of a mid-level power are presented, their main criteria are outlined. There is a lack of consensus in the definition of middle-level powers. Various aspects of Turkey's foreign policy that meet the criteria of middle-level powers are analyzed. It is concluded that Turkey is a middle power. However, due to the perception of the Turkish elite of the place of its state in the system of international relations, Ankara's ambitions do not correspond to this status.

Keywords: Turkey, Ankara, middle-level power, middle powers, active foreign policy, Turkish foreign policy.

Турецкая Республика на современном этапе позиционирует себя не только в качестве регионального игрока, но и мировой державы. Концепты, выдвигаемые Анкарой, затрагивают всю архитектуру современной системы международных отношений¹. С точки зрения турецкой политической элиты, Турция – это великая держава, однако международная система не позволяет ей раскрыть весь потенциал².

В подобных утверждениях представителей турецкой элиты наблюдается «имперский синдром», который стал одной из доминирующих характеристик современной внешней политики Турции³. Однако в исследовательской среде по отношению к Турции⁴ и ее

¹ Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 91–107. – DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107.

² Аватков В.А., Гузаеров Р.И. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки // Современная Европа. – 2023. – № 1. – С. 194–201. – DOI: 10.31857/S02011708323010163.

³ Ataç C.A. Pax Ottomanica no more! The “peace” discourse in Turkish foreign policy in the post-Davutoğlu era and the prolonged Syrian crisis // Digest of middle east studies. – N 1. – P. 48–69. – DOI: 10.1111/dome.12152.

⁴ Süssler B. Turkey: an emerging power in a changing world? // LSE Ideas strategic update. – 2019. – P. 3–15.

месту в системе международных отношений все чаще начинают применять определение «средняя держава»^{5,6}.

Средние державы: теоретический аспект

Сам термин «средняя держава» берет начало в XVI в., когда был впервые сформулирован в труде итальянского мыслителя Дж. Ботеро. По его мнению, государства делились на три типа: империи, средние державы и малые страны. Средние державы Дж. Ботеро определял как государства, имеющие достаточно силы и авторитета, чтобы существовать самостоятельно, без посторонней помощи⁷.

В политический лексикон термин «средняя держава» вошел после того как был озвучен на конференции в Сан-Франциско в 1945 г. Тогда под средними державами подразумевали государства, не являющиеся великими, но делающие вклад в поддержку мировой безопасности. Делегации Канады и Австралии использовали данный термин для обоснования своих притязаний на участие в мирорегулирующей деятельности после окончания войны⁸. По сути, держава среднего уровня была обозначена как государство, имеющее большее влияние и ресурсы чем малые государства, но не способное достичь влияния великих держав, что вынуждает их предпринимать усилия для поддержания глобальной безопасности.

Канадский исследователь Д. Глазбрук выделил ряд характеристик держав среднего уровня, среди которых стремление к

⁵ Onis Z., Kutlay M. The dynamics of emerging middle-power influence in regional governance: the paradoxical case of Turkey // SSRN. – 2016. – URL: https://www.researchgate.net/publication/304340222_The_dynamics_of_emerging_middle-power_influence_in_regional_and_global_governance_the_paradoxical_case_of_Turkey (дата обращения: 08.08.2023).

⁶ Parlar Dal E. Status-seeking policies of middle powers in status clubs: the case of Turkey in the G20 // Contemporary Politics. – 2019. – P. 1–17.

⁷ Жуковская Н.Ю. «Средние державы» как элемент современной мировой системы: к вопросу о теоретическом осмыслении концепта // Вестник ТГУ. – 2018. – № 1 (171). – С. 172–178.

⁸ Бодров А.С. Канада и Австралия на конференции в Сан-Франциско 1945 г.: на пути к лидерству среди Средних держав // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. – 2015. – № 4 (4). – С. 28–31.

ограничению влияния великих держав на международную систему; стремление к коллективным действиям; закрепление позиций отдельных стран в международной системе⁹.

Р.Д. Ридел, постоянный представитель Канады при ООН, также указывает на ограниченность ресурсной базы средних держав¹⁰. Однако в то же время данные державы демонстрируют готовность взять на себя ответственность и обладают влиянием сравнимым с таковым у великих держав, что подмечает и отечественный исследователь В.В. Вершинина¹¹.

Несмотря на то что средние державы имеют большую территорию, значительные запасы природных ресурсов и т.п., они не обладают высоким оборонным потенциалом, что вынуждает эти государства поддерживать собственную безопасность через участие в различных международных организациях. В отличие от великих держав, не заинтересованных в развитии таких организаций, средние державы проявляют особую активность в них, иногда играя более важную роль в их деятельности¹². Тем самым выделяется особая функциональная роль средних держав в рамках международных организаций¹³. Однако, как подмечает В.В. Вершинина, при создании ООН не произошло закрепления особого статуса средних держав, например Канады и Австралии¹⁴. Основной причиной неудачи стало отсутствие общего плана действий и единого взгляда на все процессы среди средних держав. Негатив-

⁹ Glazebrook G. The middle powers in the United Nations system // International Organization. – 1947. – N 1 (2). – P. 307–318.

¹⁰ Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // Сравнительная политика. – 2020. – № 3. – С. 29.

¹¹ Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // Сравнительная политика. – 2020. – № 3. – С. 36.

¹² Holbraad C. Middle powers in international politics. – London: Macmillan, 1984. – P. 68–69.

¹³ Вершинина В.В. Региональные интеграционные группировки во внешней политике держав среднего уровня (на примере Вьетнама): специальность 23.00.04: дис. ... канд. полит. наук / Вершинина Валерия Валерьевна; науч. рук. Е.В. Колдунова; Московский государственный университет международных отношений (университет). – Москва, 2021. – С. 48.

¹⁴ Там же.

ный эффект оказало также отсутствие какого-либо единого определения средней державы и общего списка этих держав¹⁵.

Новым этапом в изучении средних держав стал Карибский кризис 1962 г., который продемонстрировал, что членство в военнополитическом блоке (НАТО), не способно в полной мере гарантировать средним державам (например, Турецкой Республике) их безопасность. Противоречия и эскалация напряженности между великими державами могут втянуть средние державы в ненужные им конфликты и тем самым нанести государствам значительный урон. После Карибского кризиса средние державы начали стремиться к проведению более независимой политики, что могло расширить спектр возможностей для маневров на международной арене¹⁶.

Канадский исследователь Б. Вуд в своем исследовании «The middle powers and the general interest»¹⁷ описал пять ролей, которые выполняют средние державы.

1. *Региональный или субрегиональный лидер*. Это самая признаваемая за средними державами роль. Важность данной роли заключается в том, что региональный порядок является частью глобального порядка.

2. *Функциональный лидер*. Данная роль предполагает активную деятельность средних держав в областях, где они могут предложить собственный опыт или имеют повышенный потенциал для решения определенных проблем. Но в данном случае в мире не сформировался институт неформального лидерства, в рамках которого средние державы закрепляли бы за собой определенные сферы мирового развития.

3. *Стабилизатор конфликтов (в том числе потенциальных)*. В данном случае средняя держава использует разные сценарии либо вступая на стороне одного из участников конфликта для компенсации преобладания одной из сил как бы уравновешивая

¹⁵ MacKay R.A. The Canadian Doctrine of the Middle Powers // Empire and Nations: Essays in Honour of Frederic H. Soward, edited by Harvey L. Dyck and H. Peter Krosby. – Toronto: University of Toronto Press. – 1969. – P. 136.

¹⁶ Holbraad C. Middle Powers in International Politics. – London: Macmillan, 1984. – P. 70.

¹⁷ Wood B. The middle powers and the general interest. – Ottawa: North-South Institute, 1988. – P. 19–21.

две стороны конфликта, либо же применяя активное посредничество между сторонами конфликта.

4. *Безбилетник или искатель статуса*. Часть экспертов приписывают средним державам миролюбивый характер, а зачастую и моральное превосходство перед конфликтующими сторонами. Однако К. Холбраад оспаривает данный тезис, утверждая, что средние державы являются эгоцентричными и оппортунистическими акторами, которые стремятся лишь к незаслуженным выгодам от великих держав. Еще одной чертой подобных держав является беспричинное морализаторство по поводу поведения великих держав. Поэтому борьба за признание статуса средних держав мотивирована соображениями статуса и престижа.

5. *Мультилатералист*. Средняя держава стремится укрепить процесс многостороннего принятия решений для уменьшения непропорционального контроля мировых процессов со стороны великих держав.

Исследователи А.Ф. Купер, Р.А. Хиггот и К.Р. Носсал в труде «Relocating middle powers: Australia and Canada in a changing world order»¹⁸ выделили четыре подхода к определению средней державы.

1. *Позиционный*. Средняя держава – это государство, занимающее «среднее» положение в диапазоне маленький – великий, обычно измеряемом количественно по таким критериям, как площадь, население, мощность экономики, военный потенциал и др. Недостаток подхода заключается в большом значении количественных оценок, зачастую демонстрирующих неполную картину мира.

2. *Географический*. Средняя держава – это государство, которое расположено между великими державами или силовыми блоками. Здесь существует два подхода. Первый рассматривает в качестве средних держав государства могущественные в рамках своих географических регионов. Второй подход определяет средние державы как государства, которые занимают идеологически «срединное» положение между двумя полюсами.

¹⁸ Cooper A.F., Higgott R.A., Nossal K.R. Relocating middle powers: Australia and Canada in a changing world order. – Vancouver: UBC Press, 1993. – P. 16–19.

3. *Нормативный.* Средние державы рассматриваются как потенциально более мудрые и доброжелательные государства по сравнению с великими и малыми державами. Преимущество средних держав заключается в том, что они применяют дипломатию без угрозы дальнейшего перехода на силовое воздействие, что и определяет благонадежность этих держав. Именно потому средние державы чаще стараются выступать в роли посредников или доверенной стороны для решения региональных и глобальных кризисов;

4. *Поведенческий.* Определение средних держав в данном подходе происходит через анализ их поведения. Так, средние державы склонны добиваться выработки многостороннего решения глобальных проблем, придерживаться компромисса во время решения тех или иных споров, а также действовать с точки зрения «хорошей международной гражданской» позиции во время осуществления своей дипломатической деятельности.

Возвращаясь к количественным характеристикам средней державы, следует отметить, что ряд исследователей выражают скепсис по отношению к эмпирическим атрибутам средней державы. Невозможно сформулировать измеримые характеристики регионального или глобального лидерства. Исключительный упор на количественные индикаторы оказывается малоэффективным при прогнозировании и попытках объяснить поведение средних держав¹⁹.

Некоторые исследователи также отмечают, что средние державы, несмотря на ограниченность своего потенциала и неспособность в одиночку влиять на ключевые региональные и глобальные политические процессы, имеют возможность защитить себя от негативных воздействий со стороны других государств²⁰. Это значит, что мировая политика не ограничивается исключительно деятельностью великих держав. В постбиполярную эпоху у средних держав появляется все больше возможностей и инструментов для усиления собственной роли в международных процессах.

¹⁹ Patience A. Imagining middle powers // Australian Journal of International Affairs. – 2013. – N 68 (2). – P. 215.

²⁰ Wang H., French E. Middle range powers in global governance // Third world quarterly. – 2013. – N 6 (34). – P. 985–999.

При определении критериев держав среднего уровня возникло два подхода: реалистический и либеральный²¹. В реализме главную роль играют материальные возможности государства: экономическая мощь, военная мощь, количество населения и т.д., а также географическое положение. К. Холбраад в своей книге «*Middle powers in international politics*» предлагал сравнивать государства сначала на региональной основе, а в дальнейшем подмечать общие критерии этих государств. В целом данный подход позволяет отделить малые и средние державы друг от друга из-за особой важности в развитии государства выделяемых критериев.

Сторонники либерального подхода критикуют реалистов за использование исключительно количественных показателей. По их мнению, такие явления, как «мягкая сила», поведение государств на международной арене, также являются важными показателями при определении державы среднего уровня. Г. Эванс и Б. Грант выделили пять критериев для определения державы среднего уровня: потенциал (*capacity*)²², сотрудничество (*cooperation*), креативность (*creativity*), создание коалиций (*coalition building*), доверие (*credibility*).

Д. Равенхилл, профессор Университета Ватерлоо, дополнил эти критерии понятиями контекст (*context*), содержание (*content*), выбор (*choice*) для понимания того, как и когда средние державы используют свой потенциал для проведения активной дипломатии²³. Либеральный подход выводит ряд общих черт средних держав: стремление к посредничеству и урегулированию конфликтов, многовекторной дипломатии и т.д. Однако использование этого подхода в данном случае затрудняется измерением постоянных переменных. К тому же из вида упускаются материальные возможности государства, и любое государство может быть отнесено к категории средней державы только из-за своего поведения.

²¹ Yalçın H.B. The concept of “Middle power” and the recent Turkish foreign policy activism // *Afro Eurasian Studies*. – 2012. – N 1 (1). – P. 195–213.

²² Когда речь идет о потенциале, то имеется в виду дипломатический потенциал.

²³ Ravenhill J. Cycles of Middle Power Activism: Constraint and Choice in Australian and Canadian Foreign Policies // *Australian Journal of International Affairs*. – N 52 (3). – P. 309–327.

Отечественный исследователь В.В. Вершинина в своем труде²⁴ выделяет еще два подхода к определению средней державы – конструктивистский и оценка воздействия (impact approach). Конструктивисты исходят из того, что статус средней державы является конструктом, который создают руководители государств. То есть восприятие государства как средней державы исходит в первую очередь от ученых и политиков, которые конструируют эту идентичность. При этом первостепенными для государств являются их национальные интересы, которые могут не совпадать с общепризнанными нормами морали. Истоки поведения государств заключаются в том, чтобы оно обеспечивало их долгосрочные интересы²⁵.

Четвертый подход определяет влияние державы среднего уровня на международную систему. Сторонники данного подхода используют иное, чем в предыдущих подходах, значение понятия «мощь» (power). Мощь государства заключается не только в наличии у него ресурсов, но и способности использовать потенциал для влияния на другие государства. В целом державы среднего уровня – это государства, обладающие достаточным потенциалом для самообороны и защиты интересов, а также способные инициировать изменения в международной структуре²⁶.

Турция как средняя держава

Как уже обозначалось выше, подходя к анализу роли Турции в рамках международной системы, исследователи все чаще применяют по отношению к ней характеристику средней державы. В официальном дискурсе турецких политиков данное понятие не используется. «Синдром имперскости», обусловленный культурным и идейным наследием Османской империи, не позволяет турецким политикам справедливо оценить роль и место собствен-

²⁴ Вершинина В.В. Региональные интеграционные группировки во внешней политике держав среднего уровня (на примере Вьетнама): специальность 23.00.04: дис. ... канд. полит. наук / Вершинина Валерия Валерьевна; науч. рук. Е.В. Колдунова; Московский государственный университет международных отношений (университет). – Москва, 2021. – 247 с.

²⁵ Там же. С. 65–66.

²⁶ Там же. С. 67–68.

ного государства в системе международных отношений. Элиты с большей охотой приняли бы роль «восходящей державы» либо же «великой региональной державы». Однако, как отмечает Э. Парлар Дар, даже общие показатели демонстрируют, что Турция является лишь державой среднего уровня²⁷.

Профессор Университета Коч З. Онис и доцент Университета Анкары М. Кутлай в своей работе «The dynamics of emerging middle-power influence in regional governance: the paradoxical case of Turkey»²⁸ указывают на то, что у Турецкой Республики есть потенциал для обладания статусом средней державы: экономический рост, активная внешняя политика и др. Особо выделяется активность Турции в первое десятилетие правления Партии справедливости и развития, когда Анкара в рамках политики «ноль проблем с соседями» активно налаживала отношения с соседними государствами, пыталась стать медиатором в различных конфликтах (например, трехсторонний балканский саммит в 2010 г.), усилила деятельность на международных площадках. Турция благодаря реформам, которые проводились исходя из требований ЕС, смогла позиционировать себя как единственное демократическое мусульманское государство с работающей рыночной экономикой²⁹.

Турецкие институты (Турецкое агентство сотрудничества и координации (ТИКА), Красный полумесяц) в рамках нишевой дипломатии увеличивали роль Турции в глобальном управлении. Анкара тратит около 0,85% от уровня ВВП на гуманитарную помощь и является лидером в данной области³⁰.

²⁷ Parlar Dal E. Status-seeking policies of middle powers in status clubs: the case of Turkey in the G20 // *Contemporary Politics*. – 2019. – P. 1–17.

²⁸ Onis Z., Kutlay M. The dynamics of emerging middle-power influence in regional governance: the paradoxical case of Turkey // SSRN. – 2016. – URL: https://www.researchgate.net/publication/304340222_The_dynamics_of_emerging_middle-power_influence_in_regional_and_global_governance_the_paradoxical_case_of_Turkey (дата обращения: 08.08.2023).

²⁹ Ibid.

³⁰ Демиржи З., Булур С., Ализаде Д. Турция – лидер по оказанию гуманитарной помощи // *Anadolu Ajansi*. – 18.11.2018. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/турция-лидер-по-оказанию-гуманитарной-помощи/1235061> (дата обращения: 05.05.2023).

Однако З. Онис и М. Кутлай отмечают, что в первом десятилетии XXI в. становление Турции как державы среднего уровня шло в положительном ключе. Однако во втором десятилетии Анкара столкнулась с серьезными проблемами: снижение темпов экономического роста, события «арабской весны» и др. Ошибки правительства Р.Т. Эрдогана привели к снижению роли Турции в регионе и способности Анкары влиять на развитие региона; произошел авторитарный поворот в стране. Несмотря на это, Турция остается средней державой со всеми преимуществами и недостатками³¹.

Сандал А.Н., в свою очередь, пишет о том, что неудачные попытки Турции реализовать в первое десятилетие XXI в. собственные возможности лидерства в регионе, привели к пересмотру собственных приоритетов и поиску новых ниш для более успешной реализации потенциала. Турецкое руководство предпочло перейти к изменению своих внешнеполитических связей и инициатив. Возрождение османской идентичности и ее распространение в политической культуре, начало взаимодействия с большим числом государств в различных регионах, а также более наступательная внешняя политика – все это превратило Турцию в среднюю державу³².

Б. Суслер, доктор Лондонской школы экономики и политических наук, также отмечает, что термин «держава среднего уровня» самый подходящий для определения Турецкой Республики. Турция осуществляет независимую политику, способна противостоять давлению великих держав и влияет на региональные процессы, но сама не является великой державой. Свое поведение как средней державы Турция проявляет в стремлении повысить региональный вес через как двухсторонние, так и многосторонние механизмы. Например, Анкара активно участвует в деятельности

³¹ Onis Z., Kutlay M. The dynamics of emerging middle-power influence in regional governance: the paradoxical case of Turkey // SSRN. – 2016. – URL: https://www.researchgate.net/publication/304340222_The_dynamics_of_emerging_middle-power_influence_in_regional_and_global_governance_the_paradoxical_case_of_Turkey (дата обращения: 08.08.2023).

³² Sandal N.A. Middle powerhood as a legitimization strategy in the developing world: The cases of Brazil and Turkey // International politics. – 2015. – P. 701.

Организации исламского сотрудничества и продвигает свой образ в качестве модели развития для других мусульманских стран³³.

С другой стороны, подмечает автор, главная цель Турции, сформулированная А. Давутоглу, – достижение признания страны в качестве глобального актора³⁴. Поэтому становление державой среднего уровня – естественный процесс для Турции. Важно подметить использование Анкарой своего географического положения в качестве инструмента нишевой дипломатии. Турция создает образ моста, который объединяет не только запад и восток, но и север и юг, развитые и неразвитые государства. Б. Суслер особо выделяет гуманитарную дипломатию Турции, а также попытки посредничества и активность в международных организациях³⁵. Несмотря на все проблемы, с которыми столкнулась Анкара, ее амбиции сохраняются на высоком уровне и все факторы указывают на ее статус средней державы³⁶.

Отечественные исследователи И. Сафранчук, А. Несмашный в статье со своими коллегами А.Э. Суджу и К. Искандаровым подходят к анализу Турции как средней державы через иерархический, идеационный и поведенческий подходы³⁷. Согласно иерархическому подходу положение Турции в стратегии США в регионе, развитие независимой внешней политики и выполнение роли моста между Востоком и Западом определяют ее место в системе международных отношений. Если рассмотреть количественные показатели, то статус средней державы Турции определяется ее вхождением в топ-20 экономик мира³⁸, большой численностью населения (83,4 млн человек; 17-е место в мире), обладанием второй

³³ Süssler B. Turkey: an emerging power in a changing world? // LSE Ideas strategic update. – 2019. – P. 3–15.

³⁴ Ibid. P. 8.

³⁵ Ibid. P. 9–10.

³⁶ Bugra S. Turkey: an emerging middle power. Strategic Updates. – UK: LSE IDEAS, London School of Economics and Political Science, 2019. – P. 4–14.

³⁷ Sucu A.E., Safranчук I., Nesmashnyi A., Iskandarov Q. Transformation of Middle Powers with the Decline of World Hegemony: The Case of Turkey // Strategic Analysis. – 2021. – P. 1–14.

³⁸ Gross domestic product 2022, PPP // World Bank. – 2023. – URL: https://data-bankfiles.worldbank.org/public/ddpext_download/GDP_PPP.pdf (дата обращения: 12.06.2023).

по численности армией в НАТО и уникальным географическим положением.

Идеационный подход обращает внимание на доктрину «стратегическая глубина», разработанную А. Давутоглу³⁹, в которой указывается, что Турция при осуществлении своей политики должна проявлять осторожность и проводить внешнюю политику в рамках стратегических параметров, которые устанавливают великие державы. Несмотря на то что предписываемая Турции роль средней державы не была принята в рамках доктринальных документов, развитие ее политики соответствовало модели средней державы⁴⁰.

По традиционным поведенческим критериям действия Турции попадали под определение средней державы в период 2005–2015 гг. Во-первых, Анкара принимала активное участие в деятельности институтов глобального управления: непостоянное членство в Совете Безопасности ООН, получение статуса наблюдателя в Лиге Арабских государств, Ассоциации карибских государств, Африканского союза, деятельности G-20, МІКТА и т.д. Во-вторых, Турция стремилась увеличить свою роль в системе международных отношений путем участия в разрешении ряда кризисных ситуаций, в частности конфликта в Нагорном Карабахе, ядерного вопроса Ирана, сирийско-израильских противоречий и т.д.

Со временем Турция перешла к более наступательной политике, отойдя от принципов политики «ноль проблем с соседями». Турция проводила военные операции в Сирии и Ираке, стала участником ливийского конфликта, сыграла роль в эскалации конфликта в Нагорном Карабахе, повысила уровень напряженности в Восточном Средиземноморье и т.д. Однако в исследовательском плане необходимо отойти от идеи, что доброжелательность является постоянной характеристикой средних держав. В условиях трансформации системы международных отношений и малоэффективности международных организаций ревизионистская стратегия представляется самой жизнеспособной стратегией для средних держав⁴¹.

³⁹ Давутоглу А. Стратегическая глубина. Международное положение Турции. Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu. – İstanbul: küre yayınları, 2010. – 584 p. – Турец. яз.

⁴⁰ Там же. С. 5–6.

⁴¹ Там же. С. 10–11.

* * *

Таким образом, в рассмотренных трудах были предложены различные подходы к определению понятия державы среднего уровня. Экстраполяция данных подходов на Турцию показала, что она соответствует большинству критериев держав среднего уровня.

Проблемы, связанные с экономикой, вопросами безопасности и т.д., на данный момент не дают Турции возможности претендовать на более высокий статус. Проблемным для Анкары остается видение своей роли в рамках системы международных отношений. «Синдром имперскости» не позволяет турецкой элите в полной мере принять реальное положение государства в глобальной системе, что становится причиной объявления амбициозных задач, зачастую не соответствующих имеющимся ресурсам и возможностям.

Турция занимает уверенную позицию державы среднего уровня, при этом проводя активную региональную политику, проявляя особую инициативность в международных организациях и даже претендуя на роль архитектора нового миропорядка, предлагая собственные концепты развития системы международных отношений.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А., Гузаеров Р.И. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки // Современная Европа. – 2023. – № 1. – С. 194–201. – DOI: 10.31857/S02011708323010163.
2. Бодров А.С. Канада и Австралия на конференции в Сан-Франциско 1945 г.: на пути к лидерству среди Средних держав // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. – 2015. – № 4 (4). – С. 28–31.
3. Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // Сравнительная политика. – 2020. – № 3. – С. 25–40.
4. Вершинина В.В. Региональные интеграционные группировки во внешней политике держав среднего уровня (на примере Вьетнама): специальность 23.00.04: дис. ... канд. полит. наук / Вершинина Валерия Валерьевна; науч. рук.

- Е.В. Колдунова; Московский государственный университет международных отношений (университет). – Москва, 2021. – 247 с.
5. Демиржи З., Булур С., Ализаде Д. Турция – лидер по оказанию гуманитарной помощи // *Anadolu Ajansı*. – 18.11.2018. – URL: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/турция-лидер-по-оказанию-гуманитарной-помощи/1235061> (дата обращения: 05.05.2023).
 6. Жуковская Н.Ю. «Средние державы» как элемент современной мировой системы: к вопросу о теоретическом осмыслении концепта // *Вестник ТГУ*. – 2018. – № 1 (171). – С. 172–178.
 7. Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 91–107. – DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107.
 8. Ataç C.A. Pax Ottomanica no more! The “peace” discourse in Turkish foreign policy in the post-Davutoğlu era and the prolonged Syrian crisis // *Digest of middle east studies*. – N 1. – P. 48–69. – DOI: 10.1111/dome.12152.
 9. Bugra S. Turkey: an emerging middle power. Strategic Updates. – UK: LSE IDEAS, London School of Economics and Political Science, 2019. – P. 4–14.
 10. Cooper A.F., Higgott R.A., Nossal K.R. Relocating middle powers: Australia and Canada in a changing world order. – Vancouver: UBC Press, 1993. – 232 p.
 11. Glazebrook G. The middle powers in the United Nations system // *International Organization*. – 1947. – N 1 (2). – P. 307–318.
 12. Gross domestic product 2022, PPP // *World Bank*. – 2023. – URL: https://data-bankfiles.worldbank.org/public/ddpext_download/GDP_PPP.pdf (дата обращения: 12.06.2023).
 13. Holbraad C. Middle powers in international politics. – London: Macmillan, 1984. – 234 p.
 14. MacKay R.A. The Canadian Doctrine of the Middle Powers // *Empire and Nations: Essays in Honour of Frederic H. Soward*, edited by Harvey L. Dyck and H. Peter Krosby. – Toronto: University of Toronto Press. – 1969. – P. 133–143.
 15. Onis Z., Kutlay M. The dynamics of emerging middle-power influence in regional governance: the paradoxical case of Turkey // *SSRN*. – 2016. – URL: https://www.researchgate.net/publication/304340222_The_dynamics_of_emerging_middle-power_influence_in_regional_and_global_governance_the_paradoxical_case_of_Turkey (дата обращения: 08.08.2023)
 16. Parlar Dal E. Status-seeking policies of middle powers in status clubs: the case of Turkey in the G20 // *Contemporary Politics*. – 2019. – P. 1–17.

17. Patience A. Imagining middle powers // Australian Journal of International Affairs. – 2013. – N 68 (2). – P. 210–224.
18. Ravenhill J. Cycles of Middle Power Activism: Constraint and Choice in Australian and Canadian Foreign Policies // Australian Journal of International Affairs. – N 52 (3). – P. 309–327.
19. Sandal N.A. Middle powerhood as a legitimization strategy in the developing world: The cases of Brazil and Turkey // International politics. – 2015. – P. 693–708.
20. Sucu A.E., Safranchuk I., Nesmashnyi A., Iskandarov Q. Transformation of Middle Powers with the Decline of World Hegemony: The Case of Turkey // Strategic Analysis. – 2021. – P. 1–14.
21. Süssler B. Turkey: an emerging power in a changing world? // LSE Ideas strategic update. – 2019. – P. 3–15.
22. Wang H., French E. Middle range powers in global governance // Third world quarterly. – 2013. – N 6 (34). – P. 985–999.
23. Wood B. The middle powers and the general interest. – Ottawa: North-South Institute, 1988. – 32 p.
24. Yalçın H.B. The concept of “Middle power” and the recent Turkish foreign policy activism // Afro Eurasian Studies. – 2012. – N 1 (1). – P. 195–213.
25. Давутоглу А. Стратегическая глубина. Международное положение Турции. Davutoğlu A. Stratejik derinlik. Türkiye’nin uluslararası konumu. – İstanbul: küre yayınları, 2010. – 584 p. – Турец. яз.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.07

УДК 327+303.71+51–77

АНАЛИЗ ИДЕЙНО-ЦЕННОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОСУДАРСТВ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

КРЫЛОВ Данила Сергеевич

научный сотрудник Отдела Ближнего
и Постсоветского Востока Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

E-mail: danila-krylov@yandex.ru

SPIN-код: 5422-5163

ORCID: 0000-0003-1982-4678

Для цитирования: *Крылов Д.С.* Анализ идейно-ценностного потенциала государств Ближнего Востока на современном этапе // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 113–133. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.07.

Аннотация. В представленном исследовании рассмотрено идейно-ценностное пространство Ближнего Востока, определены ключевые характеристики данной подсистемы международных отношений в условиях глобальной трансформации современного миропорядка. Представлено авторское определение понятия «идеологема», которая представляет собой устойчивый концептуализированный идейно-ценностный конструкт, сформулированный государством с целью провозглашения или достижения определенных национальных интересов.

Также в рамках проведенного исследования была предложена экспериментальная математическая модель анализа и оценки потенциала реализации государствами идеологем. В основе модели лежит принцип минимально-максимальной нормализации четырех основных параметров-потенциалов государств – экономической и военной мощи, индекса «мягкой силы» и индекса человеческого развития. Предложенная модель была проверена на ближневосточной подсистеме международных отношений.

По результатам проведенных оценки и анализа потенциала государств логико-математическим путем была сформулирована система типологизации стран исходя из комбинации сильных и ослабленных потенциалов. Сделан вывод о важности изучения идейно-ценностного

потенциала государств в рамках отдельных подсистем международных отношений, поскольку для России это открывает новые горизонты стратегического планирования и дает возможность укреплять позиции на переломном треке.

Ключевые слова: Ближний Восток, идеологемы, идеи, ценности, интересы, Турция, Саудовская Аравия, Иран, экспериментальная модель, система международных отношений, полицентричный миропорядок.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 123091200078-3 «Россия и Незапад в условиях трансформации идейно-ценностной конфигурации мирового порядка» в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Analysis of Ideological and Value Potential of Middle East Powers at Present Stage

Danila S. KRYLOV

Research fellow of the Department of Middle
and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

E-mail: danila-krylov@yandex.ru

SPIN-code: 5422-5163

ORCID: 0000-0003-1982-4678

For citation: Krylov D.S. (2023). Analysis of Ideological and Value Potential of Middle East Powers at Present Stage. *Middle & Post-Soviet East*, no. 3 (3), pp. 113–133. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.07.

Abstract. The presented study examines the ideological and value space of the Middle East and identifies the key characteristics of this subsystem of international relations in the context of the global transformation of the modern world order. The author's definition of the concept "ideologeme" is presented, which is a stable conceptualized ideological and value construct formulated by the state with the aim of proclaiming or achieving certain national interests.

Also, as part of the study, an experimental mathematical model was proposed for analyzing and assessing the potential for states to implement ideologies. The model is based on the principle of minimum-maximum normalization of four main parameters-potentials of states – economic and military power, the soft power index and the human development index. The proposed model was tested in the Middle East subsystem of international relations.

Based on the results of the assessment and analysis of the potential of states, a system of typology of countries was formulated using a logical and mathematical method based on a combination of strong and weakened potentials. A conclusion is drawn about the importance of studying the ideological and value potential of states within the framework of individual subsystems of international relations, since for Russia this opens up new horizons for strategic planning and makes it possible to strengthen its position on the negotiation track.

Keywords: Middle East, ideologems, ideas, values, interests, Turkey, Saudi Arabia, Iran, experimental model, system of international relations, polycentric world order.

Acknowledgments. The article was prepared as part of the scientific project No. 123091200078-3 “Russia and the Non-West in conditions of transformation of ideological and value configuration of world order” at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

Ближневосточная подсистема международных отношений в условиях трансформации современного миропорядка

Трансформация современного миропорядка¹, ускорившаяся после начала Специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 г., интенсифицировала процесс формирования новых центров силы в рамках будущей модели международных отношений. Российская Федерация, проводя внешнеполитический курс, исходит из тезиса, что конструируемый миропорядок должен быть полицентричным². При этом Москва готова не только публично заявлять о своем видении будущего, но и прикладывать усилия для претворения данной модели в жизнь³. Вместе с тем, хотя поли-

¹ Ст. 6. Стратегия национальной безопасности России 2021 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400) // Сайт Президента России. – 02.07.2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 11.09.2023).

² Термины «полицентричность», «многополярность» и «многополюсность» в рамках данного исследования являются синонимами. Аналогичное относится к терминам «центр силы», «полос влияния» и т.п.

³ Гузенкова Т.С., Бюрюков Е.С. Российский взгляд на будущее мирового порядка и международных отношений // Российский институт стратегических исследо-

центричный миропорядок выглядит одним из наиболее «демократичных», поскольку предполагает одновременное существование нескольких центров силы, усложняющих и по-новому иерархизирующих современные международные отношения⁴, он также несет риски усиления конфронтации между государствами на региональном уровне⁵, в случае если попытки достичь компромисса интересов потерпят фиаско. Новый миропорядок, как можно видеть на современном этапе, вероятнее всего будет динамично изменяющимся, что может негативно сказаться на межакторных отношениях и на общем уровне стабильности системы⁶.

Что касается идеологической составляющей нового полицентричного миропорядка, то в настоящее время остается несформулированной на глобальном уровне⁷. Вместе с тем на уровне отдельных региональных подсистем государства, стремящиеся и становящиеся региональными или даже кросс-региональными лидерами, постепенно формируют идейно-ценностные конструкты, исходя из собственных моделей ценностей, идей и интересов.

Ближний Восток не стал исключением. Данное пространство, представляющее собой одну из подсистем современных международных отношений, всегда занимало важное положение в силу географических, политических, экономических и исторических особенностей, а также в целом богатства энергоресурсами. Следует отметить, что в рамках данного исследования под Ближним Востоком понимается не просто географический регион, но геополитическое пространство, т.е. синергия географических характеристик, политических интересов и государственных векторов,

ваний. – 23.10.2017. – URL: <https://riss.ru/analitica/rossiyskiy-vzglyad-na-budushcheyemirovogo-poryadka-i-mezhdunarodnykh-otnosheniy/> (дата обращения: 21.08.2023).

⁴ Аватков В.А. Россия и Турция: переход к полицентрической системе международных отношений // Обозреватель-Observer. – 2018. – № 11. – С. 39–40.

⁵ Пономарева Е.Г. Сумма методологии. Современная политическая наука // Международные процессы. – 2019. – Т. 17, № 2(57). – С. 179–184. – DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.10.

⁶ Барановский В.Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте // Пути к миру и безопасности. – 2017. – № 1. – С. 56–57. – DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-55-63.

⁷ Штоль В.В., Задохин А.Г. Соперничество великих держав в контексте цивилизационного развития // Обозреватель-Observer. – 2019. – № 1. – С. 14.

которые складываются в пространство⁸, включающее в себя государства Аравийского полуострова, Машрика (Иордания, Ирак, Ливан, Палестина, Сирия), Израиль, а также три государства, которые граничат с указанными выше – Турция на севере, Иран на востоке и Египет на западе.

Говоря о характерных особенностях Ближнего Востока, которые хотя и не являются исключительно присущими только данному пространству, но при этом оказывающими значительное воздействие на все формы межакторного взаимодействия (в первую очередь межгосударственного), следует отметить высокий уровень конфликтности, усугубляемый как внутригосударственными противоречиями, так и активным вовлечением внешних игроков в региональные процессы; ограниченность ресурсов (неравномерность их распределения); рост числа и потенциала региональных лидеров, а также стремление отдельных государств к ревизии мирового и регионального порядка. В совокупности данные факторы также усугубляются сложностями межгосударственного диалога и систематическими кризисами диалогового процесса и попыток поиска компромиссов. Постоянная угроза радикализации существующих противоречий и распространения фундаменталистских идейных концептов, также повышает общий конфликтный потенциал Ближнего Востока.

При этом современные процессы трансформации миропорядка все в большей степени приводят к постепенной регионализации и кластеризации международных отношений. В рамках ближневосточной подсистемы это ведет, с одной стороны, к интенсификации различных внутренних процессов по формированию лидеров, с другой – в определенной степени к возникновению новых и усилению существующих противоречий, а с третьей – все большее значение приобретают надгосударственные (и даже надрегиональные) формальные и неформальные объединения. Так, на Ближнем Востоке и в связанных с этим пространством процессах происходит постепенное увеличение значимости таких структур, как ОПЕК/ОПЕК+, Совет сотрудничества арабских государств

⁸ Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.

Персидского залива, Лиги арабских государств и других⁹. При этом под увеличением значимости понимается не столько результативность этих форм взаимодействия государств, сколько в целом их важность как площадок для участия в глобальной и региональной публичной дипломатии.

Однако следует учитывать, что за все время существования независимых ближневосточных государств, в регионе так и не сформировалась долгосрочная устойчивая и эффективная система обеспечения и поддержания безопасности. Вместо этого имеется ряд структур декларативного характера (определяющих цели и направления борьбы, но не предлагающие и не поддерживающие конкретные способы разрешения существующих вызовов и угрозы), например, «Щит полуострова» в рамках Совета сотрудничества арабских государств персидского залива^{10,11} или «Исламская военная коалиция по борьбе с терроризмом» во главе с Саудовской Аравией¹². В этой связи у государств региона существует определенный запрос на построение действенных архитектур безопасности, а страны Запада не оставляют попыток формирования «Ближневосточного стратегического альянса»^{13,14}. Россия имеет собственное видение региональных процессов в области

⁹ Наумкин В.В., Кузнецов В.А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2020. – Т. 64, № 6. – С. 107. – DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-104-113.

¹⁰ Беленькая М. Полуостров бурь: зачем Саудовская Аравия начала войну в Йемене // *РИА Новости*. – 26.03.2015. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1857491> (дата обращения: 10.09.2023).

¹¹ Guzansky Y. Defence Cooperation in the Arabian Gulf: The Peninsula Shield Force Put to the Test // *Middle Eastern Studies*. – 2014. – Vol. 5, Issue 4. – P. 640–654. – DOI: 10.1080/00263206.2014.901219.

¹² Islamic Military Counter Terrorism Coalition // Official Website (web-archive). – URL: <https://web.archive.org/web/20191017073915/https://www.imctc.org/Arabic/FocusAreas> (дата обращения: 12.09.2023).

¹³ Никитина Н., Алексеева Н. НАТО по-арабски: возможно ли создание анти-иранского военного альянса между США и ближневосточными странами // *RT на русском*. – 31.08.2018. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/549848-ssha-vostok-objedinenie> (дата обращения: 10.09.2023).

¹⁴ Kurtzer D., Seeley M. The Middle East's Evolving Security Landscape: Prospects for Regional Cooperation and US Engagement // *IAI Papers*. – May 2020. – URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip2010.pdf> (дата обращения: 11.09.2023).

безопасности и предлагает, в первую очередь ключевым ближневосточным кросс-региональным державам, задействованным в сирийском урегулировании, участие в инклюзивной архитектуре безопасности¹⁵. Данный формат предполагает вовлечение в диалог на равных условиях всех акторов, которые оказывают решающее влияние на региональные процессы в сфере поддержания мира и стабильности¹⁶.

Идеологема как система устойчивых интересов, ценностей и идей

Исходя из определения национального интереса и стратегических национальных приоритетов¹⁷, которые сформулированы в Стратегии национальной безопасности России 2021 г., можно выделить два основных направления государственных интересов: обеспечение безопасности и способствование устойчивому развитию. Другим аспектом национальных интересов является их уровень важности для существования государства, что напрямую влияет на вероятность возникновения конфликта. Существует много подходов к классификации интересов, однако в рамках данного исследования они разделены на три уровня: незначительные, значительные и жизненно-важные (экзистенциальные). При этом следует различать реальный уровень интереса и декларируемый на региональном или глобальном уровне.

Интересы движут государство «вперед» в политико-историческом пространстве, определяют цель существования и в общем смысле оказывают влияние на скорость реализации определенных

¹⁵ Аватков В.А. Новая система будущего Сирии: трехсторонний подход // Сайт Международного дискуссионного клуба «Валдай». – 06.04.2018. – URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sistema-budushchego-sirii/> (дата обращения: 11.09.2023).

¹⁶ Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке: особенности функционирования и перспективы расширения // Международные отношения. – 2021. – № 3. – С. 1–14. – DOI: 10.7256/2454-0641.2021.3.36184.

¹⁷ Ст. 5. Стратегия национальной безопасности России 2021 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400) // Сайт Президента России. – 02.07.2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 11.09.2023).

элементов политического курса государства. Говоря с позиции системного подхода, интересы будут определять формы и виды взаимодействия, связи между элементами системы. И для этого, помимо направленности и уровня важности, следует учитывать конструктивный, деструктивный, смешанный (конструктивный в одних аспектах и деструктивный по другим направлениям) или неопределенный формат реализации интереса.

Что касается региона Ближнего Востока, то указанные ранее характерные особенности этого пространства, в первую очередь связанные с высоким уровнем конфликтности, приводят к примату интереса обеспечения национальной безопасности (как от внутренних, так и от внешних угроз) над устойчивым развитием. При этом для большинства государств интересы данной направленности являются жизненно-важными. Это связано в том числе и с тем, что на Ближнем Востоке вооруженные конфликты воспринимаются не просто как потенциальная угроза, которая теоретически может возникнуть в будущем, но как составная часть реальности, среды, в которую погружены государства и в которой существуют межгосударственные отношения. Задача обеспечения соответствующего уровня безопасности, в свою очередь, приводит государства к необходимости наличия не только высокого военного потенциала, который в теории может оказать решающее значение на исход потенциального конфликта, но также сильной экономики и развитых инструментов публичной дипломатии, «мягкой силы» и иных способов непрямого (в том числе информационного) воздействия на третьи страны¹⁸. Кроме того, в рамках данного интереса повышается значимость приграничного (периферийного) пространства государств, что открывает новые горизонты для сотрудничества по широкому спектру вопросов, включая проблемы безопасности.

Что касается ценностей, то они включают в себя различные нарративы, тезисы и нематериальные ориентиры. Развиваясь внутри страны, ценности оказывают воздействие в том числе и на

¹⁸ Подберезкин А.И. Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Обзоратель-Observer. – 2016. – № 12 (323). – С. 24.

формирование внешнеполитических векторов государства¹⁹. Таким образом, идейные концепты обретают фундамент в виде традиций и имеют определенные рамки существования, которые соответствуют границам ценностей. Вместе с тем ценности не являются ресурсом, т.е. не могут быть получены или потрачены. Однако они могут трансформироваться со временем, без серьезных эволюционных изменений. Если говорить с точки зрения системного подхода, то ценности формируют среду, в которой находятся элементы системы и связи между элементами.

Наконец, создавая идейно-ценностные конструкты, государства также формируют идеи, т.е. концепты, которые предлагаются и продвигаются как во внутривнутриполитическом пространстве, так и на международной арене. В рамках системного подхода идеи формируют совокупность элементов, которые связаны между собой различными интересами-целями и погружены в среду ценностных ориентиров. Таким образом, когда происходит определенного рода синтез идей, интересов и ценностей государства, возникают **идеологемы** – устойчивые концептуализированные идейно-ценностные конструкты, стратегемы государства, тезисы и нарративы, сформулированные с целью провозглашения или достижения определенных национальных интересов²⁰. Идеологемы в рамках своего существования проходят три стадии: 1) стадия провозглашения, 2) стадия осуществления (реализации), 3) стадия достижения поставленных целей.

Важно отметить, что аналогично идеям и интересам, идеологемы могут быть как направлены на внутреннюю политику государства, так и определять внешнеполитическую стратегию и курс государств, равно как и совмещать обе направленности. При этом даже если идеологемы не прописаны в официальных документах, они все равно существуют у государств, которые претен-

¹⁹ Дегтерев Д.А. Содействие цивилизационному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 2. – С. 53.

²⁰ Аватков В.А., Крылов Д.С. Внешнеполитические идеологемы России и их актуальность для региона Ближнего Востока в контексте трансформации современной системы международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 1. – С. 163–174. – DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-163-174.

дуют на роль региональных лидеров и / или стремятся к ревизии мирового и регионального порядка. Отсутствие внешнеполитических прописанных принципов может означать, например, переходную форму внешней политики государства, незавершенный поиск своего места в рамках существующей глобальной системы международных отношений²¹.

Экспериментальная модель анализа и оценки потенциала реализации государствами идеологем

Поскольку идеологемы носят концептуальный характер, то они не обладают ресурсами, направленными на достижение интересов и реализацию поставленных идей. В этом случае государства должны в первую очередь исходить из оценки собственного потенциала в тех сферах (пространствах), которые наиболее подходят для достижения поставленных целей. В рамках данного исследования была выдвинута гипотеза, что с точки зрения реализации интересов безопасности и устойчивого развития, наиболее важными для государства-актора является экономическая и военная мощь, потенциал воздействия на другие страны в сфере «мягкой силы», а также общий уровень жизни, грамотности и образования в государстве (социально-гуманитарная сфера, способствующая развитию страны).

В рамках данного исследования была сформулирована и проверена **экспериментальная модель** анализа и оценки потенциала реализации государствами идеологем на примере стран Ближнего Востока. В рамках данной экспериментальной модели были взяты четыре параметра, каждый из которых был приведен к единой удобной форме анализа на основании метода минимально-максимальной нормализации, в рамках которой потенциал каждого государства по каждому параметру принимает значения от 0 до 1.

²¹ Аватков В.А. Идеологемы внешней политики России: 25 лет поиска // Свободная мысль. – 2016. – № 5 (1659). – С. 27–38.

Данный метод предполагает использование следующей формулы для оценки каждой переменной в массиве данных по каждому параметру в отдельности:

$$(X - N) / (M - N),$$

где X – нормализуемая переменная,

N – минимальное значение переменной в массиве данных,

M – максимальное значение переменной в массиве данных.

К параметрам, которые анализировались, относятся ВВП по паритету покупательной способности по данным Всемирного банка на конец 2022 г.²² (использован для оценки экономического потенциала государства), рейтинг совокупной военной мощи государства Global Firepower (PwrIndx)²³ по состоянию на 2023 г. (для оценки военного потенциала), индекс «мягкой силы» государства (Global Soft Power Index)²⁴ по состоянию на 2022 г. (для оценки потенциала «мягкой силы», а также Индекс человеческого развития (ИЧР)²⁵ по данным отчета Программы развития ООН 2021/2022 (для оценки социально-гуманитарного потенциала развития).

Среди представленных показателей отдельного внимания заслуживает индекс военной мощи государства PwrIndx, который ввиду методологического подхода автора является тем более высоким, чем ближе к нулю (т.е. 0 – это теоретический балл, достигнуть которого невозможно). В этой связи для удобства оценивания число PwrIndx было возведено в минус первую степень (иначе говоря $1 / \text{PwrIndx}$), что позволило провести прямую пропорцио-

²² GDP, PPP (current international \$) 2022 // The World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD> (дата обращения: 12.09.2023).

²³ Global Firepower 2023. – URL: <https://www.globalfirepower.com/> (дата обращения: 12.09.2023).

²⁴ Global Soft Power Index 2022. – URL: <https://brandirectory.com/softpower/map?region=1&metric=1&statement=0> (дата обращения: 12.09.2023).

²⁵ Human development report 2021/2022 // United Nations Development Programme. – 2022. – URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22pdf_1.pdf (дата обращения: 12.09.2023).

нальность между значением и потенциалом: чем выше число, тем выше потенциал. Кроме того, ВВП по ППС для всех стран измерялся в млрд долл. США.

После применения метода минимально-максимально нормализации были получены представленные в таблице 1 значения по четырем параметрам, при которых нормализованное значение «1» означает государство с самым высоким потенциалом среди всех ближневосточных акторов, а «0» – государство (одно или несколько) с самым низким потенциалом (при отсутствии информации по потенциалу государства ему также присваивалось значение «0»). Соответственно, чем выше значение нормализованного показателя, тем выше потенциал государства в рамках соответствующего параметра. При этом значение «1» может быть только у одного государства-лидера, а все остальные – представляют собой долю от единицы. Например, экономический потенциал Турции исходя из нормализации показателя ВВП по ППС равен «1» (т.е. Турция является экономическим лидером в регионе Ближнего Востока). А экономический потенциал Саудовской Аравии равен «0,6414», т.е. составляет 64,14% от потенциала Турции (в ближневосточной подсистеме это второе по величине значение среди нормализованных показателей экономической мощи).

Кроме того, на основании минимально-максимальной нормализации квадрата сумм нормализованных переменных по каждому параметру был определен сводный Интегральный индекс потенциала реализации идеологем:

$$E^2 + M^2 + S^2 + H^2,$$

где **E** – экономический потенциал,

M – потенциал военной мощи,

S – потенциал «мягкой силы»,

H – потенциал ИЧР.

Все значения округлены до четырех знаков после запятой.

Таблица 1

**Матрица нормализации четырех переменных
и интегрального индекса (отсортировано по убыванию
значения Интегрального индекса)**

Государство	ВВП по ППС	1 / PwrIndx	Global Soft Power Index	ИЧР	Интегральный индекс
Турция	1	1	0,913	0,8254	1
Саудовская Аравия	0,6414	0,556	0,9293	0,9052	0,6819
Израиль	0,1492	0,7312	0,8768	1	0,6596
ОАЭ	0,247	0,2245	1	0,9828	0,5885
Египет	0,4997	0,9065	0,779	0,5948	0,5756
Иран	0,4776	0,7434	0,6649	0,6875	0,4792
Катар	0,0922	0,1785	0,904	0,8621	0,4521
Бахрейн	0,0269	0,1389	0,7246	0,9052	0,3845
Кувейт	0,074	0,1396	0,8025	0,8103	0,3734
Оман	0,057	0,1432	0,7373	0,778	0,3296
Иордания	0,0373	0,1335	0,7156	0,5711	0,2394
Ливан	0	0,0901	0,6486	0,5409	0,2004
Ирак	0,1554	0,2737	0,6105	0,4978	0,1999
Палестина	0,0102	0	0	0,5603	0,0838
Сирия	0	0,1817	0	0,2629	0,0232
Йемен	0,0201	0,1442	0	0	0
Среднее значение параметра	0,218	0,3491	0,6441	0,674	0,3919

Помимо значения потенциала в диапазоне от 0 до 1 по каждому государству в таблице 1 также указано среднее значение нормализованной переменной по каждому параметру. Если потенциал государства превышает среднее значение, это означает, что государство находится в сильном положении (при осуществлении нормализации через стандартное отклонение данное значение было бы положительным). В то же время потенциал ниже среднего зна-

чения означает ослабленное положение государства в данном ресурсном пространстве (при нормализации через среднее квадратичное отклонение переменная имела бы отрицательный знак). В рамках таблицы 1 государства в ослабленной позиции выделены серым цветом.

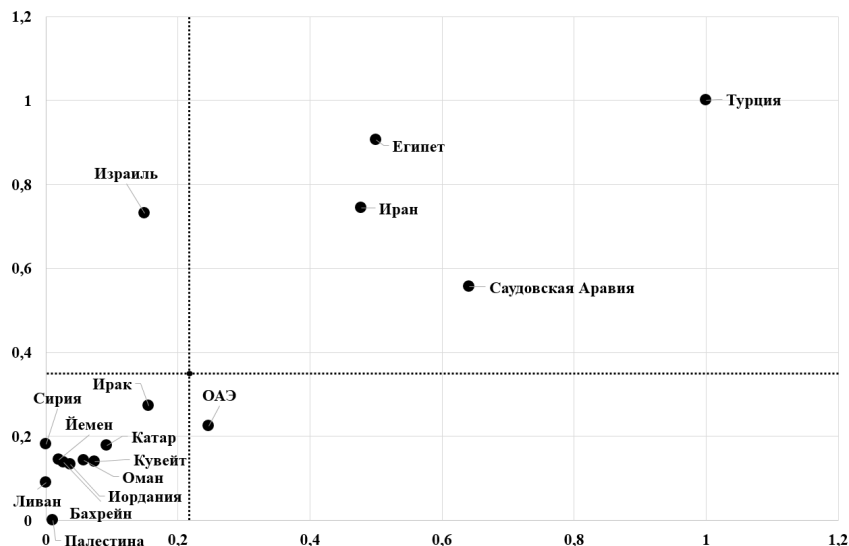

Схема 1. Сводная схема экономического (горизонтальная ось X) и военного (вертикальная ось Y) потенциала государств Ближнего Востока (пунктиром обозначены оси среднего значения по каждому показателю)

На основании схемы 1 может быть проведен сводный анализ потенциалов государств по двум векторам: экономическому (ось горизонтальных значений X) и военному (ось вертикальных значений Y). В рамках этих двух параметров четыре государства (Турция, Египет, Саудовская Аравия и Иран) находятся в сильном положении по обоим потенциалам. Еще два государства находятся в ослабленном положении по одному из двух параметров: Израиль по экономическому потенциалу, ОАЭ – по показателю военной мощи.

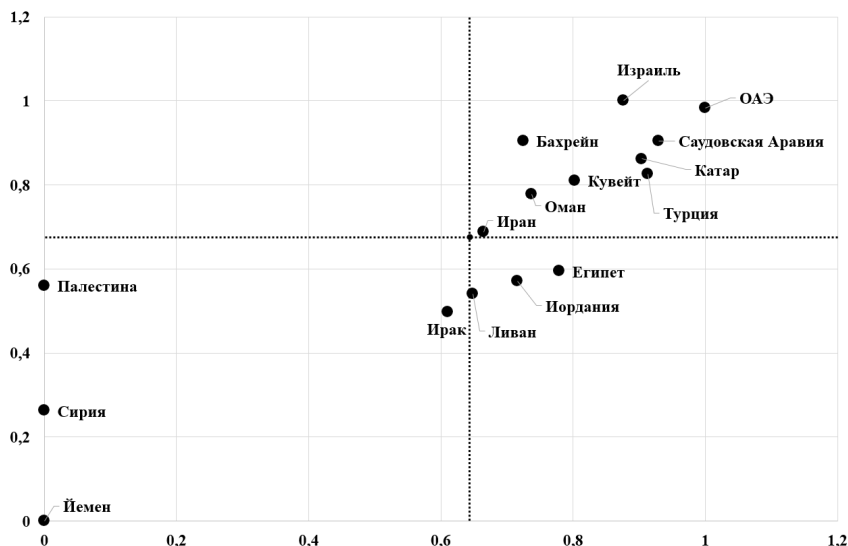

Схема 2. Сводная схема потенциала «мягкой силы» (горизонтальная ось X) и Индекса человеческого развития (вертикальная ось Y) государств Ближнего Востока (пунктиром обозначены оси среднего значения по каждому показателю)

Исходя из данных схемы 2 большая часть государств Ближнего Востока находится в сильном положении как по показателю потенциала «мягкой силы», так и по нормализованному значению Индекса человеческого развития. К таковым относятся Турция, Саудовская Аравия, Израиль, ОАЭ, Иран, Катар, Бахрейн, Кувейт, Оман.

Вместе с тем три государства находятся в ослабленном положении по показателю ИЧР (Египет, Иордания, Ливан), а еще у четырех государств (Ирак, Палестина, Сирия и Йемен) оба потенциала являются ослабленными (при этом у Йемена они оба равны «0»). Это связано в том числе с продолжающимися вооруженными конфликтами и общей нестабильной политической обстановкой в стране. Стоит также отметить, что по оси «мягкой силы» Ливан близко подошел к отметке, за которой находится ослабление этого показателя.

Классификация государств ближневосточной подсистемы

Оценивая показатели каждого из государств Ближнего Востока по каждому из четырех основных параметров, а также в рамках всей модели в целом, можно выделить четыре типа государств, исходя из соотношения их сильных и ослабленных положений.

1. Государства I типа (кроссрегиональные лидеры) по всем четырем базовым параметрам находятся в сильном положении. К таковым относятся Турция, Саудовская Аравия, Иран. Данные государства играют ключевую роль во всех региональных процессах и являются кросс-региональными лидерами, поскольку их внешняя политика и национальные интересы выходят за пределы региона Ближнего Востока.

2. Государства II типа (региональные лидеры) находятся в ослабленном состоянии только по одному из параметров. К данному типу государств относятся Израиль, ОАЭ, Египет. Эти государства являются региональными лидерами, которые стремятся стать кросс-региональными державами.

3. Государства III типа (средние или локальные державы) находятся в ослабленном состоянии по двум или трем параметрам, но при этом не имеют ни одного значения «0». К таковым относятся Катар, Бахрейн, Кувейт, Оман и Иордания. Государства данной группы играют важную (но не решающую) роль в региональных процессах и при этом могут стремиться к региональному лидерству, но пока не достигли его.

4. Государства IV типа (несостоявшиеся государства или находящиеся в затяжном кризисе) находятся в ослабленном состоянии по всем четырем параметрам или имеют значения «0» хотя бы у одной из переменных. К этой группе относятся Ливан, Ирак, Палестина, Сирия, Йемен. Данные государства охвачены войнами (вооруженными конфликтами) или находятся на грани своего существования как суверенных акторов международных отношений.

По итогам проведенного анализа потенциалов можно сделать вывод, что три государства I типа (Иран, Турция, Саудовская Аравия) в будущем потенциально могут стать центрами силы нового формирующегося полицентричного миропорядка. Важную роль в этом сыграют как сильные традиционные показатели военной

мощи или экономического потенциала, так и высокий потенциал «мягкой силы» и относительно высокие (в рамках Ближнего Востока) показатели Индекса человеческого развития. Кроме того, важную роль в этом сыграет способность формулировать, продвигать и реализовывать внутри- и внешнеполитические идеологии.

* * *

Как было выявлено по результатам анализа отклонения минимально-максимально нормализованных переменных от среднего значения, на Ближнем Востоке в настоящее время существуют и активно усиливают свое региональное влияние три кросс-региональных державы – Турецкая Республика^{26,27}, Королевство Саудовская Аравия^{28,29} и Исламская Республика Иран^{30,31}. При этом каждое из них активно продвигает как внутри-, так и внешнеполитические идеологии, стремясь достичь различных стратегических целей и задач. Изучение и понимание направленности, уровня важности и заложенных идей в идеологиях данных государств является крайне важным в контексте внешнеполитического курса Российской Федерации в первую очередь в регионе Ближнего Востока, а также в тех геополитических пространствах, в которых

²⁶ Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2022. – № 2. – С. 291–302. – DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302.

²⁷ Гузаеров Р.И. Новая эпоха политики добрососедства Турции // Международные отношения. – 2022. – № 2. – С. 1–17. – DOI: 10.7256/2454-0641.2022.2.37854.

²⁸ Останин-Головня В.Д. Нефтяной фактор в американско-саудовских отношениях на современном этапе // Геоэкономика энергетики. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 53–66. – DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_53.

²⁹ Косач Г.Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «арабской весны» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 131–161. – DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161.

³⁰ Дунаева Е.В., Сажин В.И. Исламская Республика Иран в условиях новых вызовов // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 5. – С. 12–20. – DOI: 10.31857/S032150750009542-8.

³¹ Мамедова Н.М. Ситуация в Иране в свете новых санкций // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и Мир. – 2020. – № 2 (24). – С. 159–175.

возможно столкновение интересов по линиям Москва – Анкара, Москва – Эр-Рияд, Москва – Тегеран.

Подводя итог по результатам исследования потенциала государств ближневосточной подсистемы международных отношений, можно сделать вывод, что в данном геополитическом пространстве одновременно сосуществуют государства, обладающие в значительной мере отличающимся потенциалом, включая кросс-региональные державы (Турция, Саудовская Аравия и Иран), региональных лидеров, а также локальные государства, потенциально имеющие шансы достичь регионального лидерства, а также государства, охваченные войной и политической нестабильностью.

России следует учитывать особенности построения и проведения идеологием обозначенными выше ближневосточными государствами с целью минимизации потенциальных точек конфронтации. Если же минимизация потенциального ущерба не представляется возможной, поскольку, например, противоречит стратегическим национальным интересам Российской Федерации, то анализ идеологием позволит Москве заранее подготовиться к возможным конфликтам и осуществить предварающие шаги, направленные на укрепление собственных позиций на переговорном треке в частности и в политическом пространстве в целом.

Таким образом, на современном этапе, с учетом происходящих глобальных процессов трансформации системы международных отношений, повышается значимость разнонаправленных исследований в идейно-ценностном пространстве межгосударственного взаимодействия, поскольку они открывают новые горизонты стратегического планирования и взаимодействия с ведущими мировыми державами и потенциальными центрами силы формирующегося нового мирового порядка.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А. Идеологемы внешней политики России: 25 лет поиска // Свободная мысль. – 2016. – № 5 (1659). – С. 27–38.
2. Аватков В.А. Новая система будущего Сирии: трехсторонний подход // Сайт Международного дискуссионного клуба «Валдай». – 06.04.2018. – URL:

- <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sistema-budushchego-sirii/> (дата обращения: 11.09.2023).
3. Аватков В.А. Россия и Турция: переход к полицентрической системе международных отношений // *Обозреватель-Observer*. – 2018. – № 11. – С. 38–52.
 4. Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // *Ближний и Постсоветский Восток*. – 2023. – № 1(1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.
 5. Аватков В.А., Крылов Д.С. Внешнеполитические идеологемы России и их актуальность для региона Ближнего Востока в контексте трансформации современной системы международных отношений // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. – 2023. – Т. 25, № 1. – С. 163–174. – DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-163-174.
 6. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. – 2022. – № 2. – С. 291–302. – DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302.
 7. Барановский В.Г. Изменения в глобальном политическом ландшафте // *Пути к миру и безопасности*. – 2017. – № 1. – С. 55–63. – DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-55-63.
 8. Бельнская М. Полуостров бурь: зачем Саудовская Аравия начала войну в Йемене // *РИА Новости*. – 26.03.2015. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1857491> (дата обращения: 10.09.2023).
 9. Гузаеров Р.И. Новая эпоха политики добрососедства Турции // *Международные отношения*. – 2022. – № 2. – С. 1–17. – DOI: 10.7256/2454-0641.2022.2.37854.
 10. Гузенкова Т.С., Бюрюков Е.С. Российский взгляд на будущее мирового порядка и международных отношений // *Российский институт стратегических исследований*. – 23.10.2017. – URL: <https://riss.ru/analitica/rossiyskiy-vzglyad-na-budushcheye-mirovogo-poryadka-i-mezhdunarodnykh-otnosheniy/> (дата обращения: 21.08.2023).
 11. Дегтерев Д.А. Содействие цивилизационному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2012. – № 2. – С. 47–58.
 12. Дунаева Е.В., Сажин В.И. Исламская Республика Иран в условиях новых вызовов // *Азия и Африка сегодня*. – 2020. – № 5. – С. 12–20. – DOI: 10.31857/S032150750009542-8.
 13. Косач Г.Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «арабской весны» // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 131–161. – DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161.

14. Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке: особенности функционирования и перспективы расширения // Международные отношения. – 2021. – № 3. – С. 1–14. – DOI: 10.7256/2454-0641.2021.3.36184.
15. Мамедова Н.М. Ситуация в Иране в свете новых санкций // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и Мир. – 2020. – № 2 (24). – С. 159–175.
16. Наумкин В.В., Кузнецов В.А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 6. – С. 104–113. – DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-104-113.
17. Никитина Н., Алексеева Н. НАТО по-арабски: возможно ли создание анти-иранского военного альянса между США и ближневосточными странами // RT на русском. – 31.08.2018. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/549848-ssha-vostok-objedinenie> (дата обращения: 10.09.2023).
18. Останин-Головня В.Д. Нефтяной фактор в американо-саудовских отношениях на современном этапе // Геоэкономика энергетики. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 53–66. – DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_53.
19. Подберезкин А.И. Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Обозреватель-Observer. – 2016. – № 12 (323). – С. 15–25.
20. Пономарева Е.Г. Сумма методологии. Современная политическая наука // Международные процессы. – 2019. – Т. 17, № 2 (57). – С. 179–184. – DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.10.
21. Стратегия национальной безопасности России 2021 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400) // Сайт Президента России. – 02.07.2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 11.09.2023).
22. Штоль В.В., Задохин А.Г. Соперничество великих держав в контексте цивилизационного развития // Обозреватель-Observer. – 2019. – № 1. – С. 5–20.
23. GDP, PPP (current international \$) 2022 // The World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD> (дата обращения: 12.09.2023).
24. Global Firepower 2023. – URL: <https://www.globalfirepower.com/> (дата обращения: 12.09.2023).
25. Global Soft Power Index 2022. – URL: <https://brandirectory.com/softpower/map?region=1&metric=1&statement=0> (дата обращения: 12.09.2023).
26. Guzansky Y. Defence Cooperation in the Arabian Gulf: The Peninsula Shield Force Put to the Test // Middle Eastern Studies. – 2014. – Vol. 5, Issue 4. – P. 640–654. – DOI: 10.1080/00263206.2014.901219.

27. Human development report 2021/2022 // United Nations Development Programme. – 2022. – URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22pdf_1.pdf (дата обращения: 12.09.2023).
28. Islamic Military Counter Terrorism Coalition // Official Website (web-archive). – URL: <https://web.archive.org/web/20191017073915/https://www.imctc.org/Arabic/FocusAreas> (дата обращения: 12.09.2023).
29. Kurtzer D., Seeley M. The Middle East's Evolving Security Landscape: Prospects for Regional Cooperation and US Engagement // IAI Papers. – May 2020. – URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip2010.pdf> (дата обращения: 11.09.2023).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.08
УДК 327.8

ПОЛИТИКА ЕС ПО СТАБИЛИЗАЦИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

КУДРЯШОВА Дарья Андреевна

младший научный сотрудник Отдела Ближнего
и Постсоветского Востока Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

Email: kudryashova.daria1003@mail.ru

ORCID: 0009-0005-7566-8042

Для цитирования: *Кудряшова Д.А.* Политика ЕС по стабилизации Средней Азии // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 134–144. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.08.

Аннотация. В данной статье исследуется взаимодействие между Европейским союзом и странами Средней Азии в контексте обеспечения стабильности и последующего развития региона. Автор рассматривает аспект безопасности с точки зрения безопасности внешних и внутренних границ государств, а также через призму обеспечения водной безопасности. Особое внимание уделено программам и форумам, созданным для поддержания диалога между ЕС и Средней Азией. Автор приходит к выводу, что усилия ЕС по стабилизации региона необходимы для того, чтобы Европейский союз мог и дальше использовать энергетические и транзитные ресурсы стран Средней Азии для получения собственных выгод: диверсификации поставщиков энергоресурсов, выгодных проектов по производству «зеленой» энергии и дешевых транзитных услуг.

Ключевые слова: Средняя Азия, ЕС, процесс нормализации, усилия по стабилизации, безопасность границ, водные ресурсы.

EU Policy on Central Asia Stabilization

Daria A. KUDRYASHOVA

Junior Researcher of the Department of Middle
and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

Email: kudryashova.daria1003@mail.ru

ORCID: 0009-0005-7566-8042

For citation: Kudryashova D.A. (2023). EU Policy on Central Asia Stabilization. *Middle & Post-Soviet East*, no. 3 (3), pp. 134–144. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.08.

Abstract. The article examines the interaction between the European Union and the countries of Central Asia in the context of ensuring stability and subsequent development of the region. The author considers the security aspect from the point of view of the security of external and internal borders of states, as well as through the prism of ensuring water security. Special attention is paid to the programs and forums created to support the dialogue between the EU and Central Asia. The author comes to the conclusion that the EU's efforts to stabilize the region are necessary so that the European Union can continue to use the energy and transit resources of the Central Asian countries to obtain its own benefits: diversification of energy suppliers, profitable projects for the production of green energy and cheap transit services.

Keywords: Central Asia, the EU, stabilization efforts, border security, water resources.

Страны Средней Азии представляли значительный интерес для Европейского союза вскоре после получения независимости. Однако первоначально регион Средней Азии не выделяли в качестве самостоятельного – ЕС рассматривал все постсоветское пространство как единое и неделимое целое¹.

Тем не менее уже в 2000-е годы с переходом Евросоюза к дифференцированному и индивидуальному подходу, в европейских документах появилась первая Стратегия ЕС в регионе Средней Азии. Обновленная стратегия была разработана в 2019 г. Примечательно, что в обеих версиях стратегии претерпел изменение подход и формат взаимодействия с регионом, но не сферы сотрудничества – энергетика и транспорт². Однако ни одно из приоритетных направлений не получится реализовать качественно без обеспечения безопасности региона.

¹ Кудряшова Д.А. Влияние Запада на постсоветское пространство: поступательное движение по смене культурного кода // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 113–128.

² Колесникова Л.С. Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии и ее влияние на евроазиатскую интеграцию // Постсоветские исследования. – Т. 3, № 2. – 2020. – С. 136–144.

Обеспечение безопасности границ Средней Азии

Обеспечение безопасности региона фигурирует в двух документах в качестве одной из основных точек пересечения интересов стран ЕС и стран Средней Азии.

В последние десятилетия изменилась ситуация с очагами нестабильности в близлежащих странах. В 2007 г., во время создания и принятия первой стратегии, точкой конфликтогенности выступал Афганистан, впоследствии дуга нестабильности добралась до Сирии. Из-за непосредственной близости к двум социально нестабильным странам регион Средней Азии оказался под возможной террористической угрозой, поскольку Сирия и Афганистан – лидеры по показателям присоединения населения к террористическим группировкам.

К тому же проблема границ стран Средней Азии имеет не только внешний уровень, но и внутренний. Демаркация границ между Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном является сложной задачей, вызванной историческими, этническими и геополитическими факторами³. Границы между Казахстаном и Узбекистаном и между Казахстаном и Киргизией стали предметом разговоров и переговоров после распада Советского Союза. Основные разногласия связаны с определением точных границ и контролем над приграничными территориями, водными ресурсами и природными богатствами.

Таким образом, и ЕС и страны Средней Азии заинтересованы в сохранении стабильности в регионе и предотвращении возникновения новой точки напряженности или повышения террористической активности в регионе.

Обеспечение безопасности границ выступает одним из основных столпов архитектуры безопасности всего региона Средней Азии. Для достижения этой цели ЕС разработал программу БОМКА (BOMCA)⁴. С 2003 г. программа и ее фазы были направ-

³ Дмитриева Е.Л. Постсоветская Центральная Азия: этнотерриториальные споры и пограничные конфликты. (Обзор) // Россия и мусульманский мир. – 2018. – № 4 (310). – С. 45–55.

⁴ БОМКА. Программа содействия управлению границами в Средней Азии. – URL: <https://www.bomca-eu.org/ru/home-ru> (дата обращения: 27.08.2023).

лены на модернизацию систем управления границами и предотвращение торговли наркотиками в регионе.

Во время начальных фаз БОМКА была нацелена на полноценное оснащение системы управления границами. Спустя время функционал программы распространился не только на пограничные службы, но и на другие ведомства, работающие в области таможенного оформления, миграции, контроля над наркотиками.

Для большей эффективности программы, а именно для своевременного обмена информацией и полноразмерного сотрудничества между пограничными пунктами, Евросоюз представил Концепцию и принципы комплексного управления границами (КУГ). Примечательно, что с этого момента ЕС ставил перед собой задачу повышения общего уровня квалификации сотрудников, причем обучение проходило именно на основе европейских стандартов: несколько сотен представителей центральноазиатских пограничных ведомств прошли обучение по широкому спектру тем, включая: «КУГ», «Безопасность документов», «Скрытое наблюдение и анализ», «Процедуры пограничного контроля», «Безопасность цепи поставок», «Международные перевозки стратегических товаров», «Контроль после таможенного оформления», «Нерегулируемая миграция и торговля людьми», «Борьба с терроризмом и организованной преступностью».

Обучение по европейским лекалам создало фундамент для новой инициативы в рамках БОМКА: создание консорциума учебных центров, в рамках которого учреждения пограничных и таможенных ведомств устанавливали партнерство с профильными учебными заведениями ЕС. В целях инициативы указано, что это необходимо для гармонизации работы учебных модулей, поддержки и укрепления потенциала соседних стран, а также комплексного партнерства.

На данном этапе реализовано восемь фаз программы БОМКА. На официальном сайте сообщается, что БОМКА 9 продолжит работу по следующим направлениям: институциональное развитие, управление миграционными потоками и содействие торговле.

Наряду с программой БОМКА, в 2003 г. Европейским союзом была внедрена программа КАДАП (CADAP)⁵, цель которой – предотвращение распространения наркотиков в Средней Азии. В данный момент реализуется седьмая фаза программы.

Программа ЕС по борьбе с наркотиками и наркоторговлей запускалась в качестве основной инициативы по поддержке стран Средней Азии в решении проблем, связанных с наркотиками. В качестве основных целей программы выступают:

- развитие международного сотрудничества: укрепление сотрудничества между странами Средней Азии и ЕС в борьбе с транснациональной наркоторговлей;
- поддержка правительственных и неправительственных структур: предоставление технической помощи, обучение и финансирование проектов для улучшения деятельности правоохранительных органов, таможни, медицинских организаций и других институтов, связанных с борьбой с наркотрафиком и наркоторговлей;
- профилактика наркозависимости: создание и реализация программ по профилактике наркозависимости среди населения;
- развитие альтернативных источников доходов для населения в регионе с целью уменьшить зависимость от незаконного наркобизнеса;
- улучшение легальных механизмов борьбы с наркотиками: укрепление законодательства и судебных практик в данной области.

Однако ЕС не ограничивается программами, проверенными временем. В 2020 г. Евросоюз запустил новую инициативу – LEICA (ЛЕЙКА), сроком на четыре года. Проект направлен на повышение потенциала ключевых государственных учреждений Центральной Азии в борьбе с терроризмом путем предоставления технической помощи на национальном уровне на основе углубленного анализа потребностей каждой страны, а также тематических тренингов на региональном уровне⁶.

⁵ CADAP. Central Asia Drug-Action Programme. – URL: <https://www.eu-cadap.org/> (дата обращения: 27.08.2023).

⁶ LEICA. Law enforcement in Central Asia. – URL: <https://www.project-leica.eu/> (дата обращения: 27.08.2023).

Данную цель планируют достичь за счет реализации следующих задач: укрепление региональной и международной анти-террористической сети и потенциала в борьбе с джихадистами и боевиками в Средней Азии; рост национального потенциала по предотвращению радикализации в тюрьмах и безопасному возвращению детей и женщин иностранных боевиков-террористов; разработка региональной рамочной программы по смягчению террористических угроз; рост эффективности обмена разведывательными данными и информацией между судебными и правоохранительными органами; расширение возможностей для проведения расследований в интернете; укрепление существующей практики проведения расследований, связанных с финансированием терроризма.

Поскольку мирный и процветающий Афганистан, свободный от терроризма, является краеугольным камнем для развития всего региона и за его пределами, участники подчеркнули необходимость активизации сотрудничества для содействия всеобщему мирному процессу и устойчивому развитию в Афганистане⁷. Они обсудили возможности для более тесной мирной связи Средней Азии и Афганистана, в том числе за счет проектов в области управления границами и энергетики, и приветствовали участие Казахстана, Узбекистана и Кыргызской Республики в трехсторонней программе по поддержке расширения экономических прав и возможностей афганских женщин посредством образования и обучения.

Водная безопасность стран Средней Азии

Вопрос распределения водных ресурсов прописан в стратегических документах всех среднеазиатских республик: в Стратегии национальной безопасности Казахстана водная безопасность

⁷ На встрече министров ЕС и Центральной Азии обсуждались возможности для расширения сотрудничества // The diplomatic service of the European Union – 17.11.2020 – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/na-министров-ес-и-центральной-азии-обсуждались-возможности-для-расширения-сотрудничества_ru (дата обращения: 27.08.2020).

страны включена в список основных приоритетов⁸; в Стратегии развития нового Узбекистана 2022–2026 борьба с экологическими проблемами и защита водных ресурсов находится в шестом направлении – «Подход к глобальным проблемам исходя из национальных интересов»⁹; в Концепции национальной безопасности Киргизии водной и энергетической безопасности отведен раздел 6.6.2, а рациональное использование водных ресурсов считается одной из целей устойчивого развития страны¹⁰.

Особое внимание вопросу распределения водных ресурсов связано с тем, что в регионе существует определенная конкуренция за использование воды и противоречия между государствами. В Казахстане, Узбекистане и Туркменистане вода потребляется в сельском хозяйстве в летнее время, в Кыргызстане и Таджикистане вода используется для выработки электроэнергии в зимнее время. При этом если Казахстан, Узбекистан и Туркменистан располагают достаточными запасами нефти, газа и угля и могут самостоятельно удовлетворять свои энергетические потребности, то Кыргызстан и Таджикистан вынуждены их импортировать.

Важно отметить, что истоки проблемы были заложены еще во времена Советского Союза, поскольку энергетическая система была общей, а после обретения независимости каждая из республик взяла курс на самостоятельную политику в отношении водопользования. Соответственно, страны региона не учитывают общие интересы, стремясь обставить ситуацию более выигрышным для себя способом. Текущее положение осложняется тем, что водные ресурсы контролируются по большому счету двумя стра-

⁸ Глава государства подписал Указ «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Республики Казахстан на 2021–2025 годы» // Официальный сайт президента Республики Казахстан. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-podpisal-ukaz-ob-utverzhenii-strategii-nacionalnoy-bezopasnosti-respubliki-kazahstan-na-2021-2025-gody-215354> (дата обращения: 27.08.2023).

⁹ Стратегия развития нового Узбекистана 2022–2026 // Центр устойчивого развития. – URL: <https://brmnn.uz/ru/newid/86> (дата обращения: 27.08.2023).

¹⁰ Концепция национальной безопасности Киргизии // Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430815?ysclid=lluq3nf64m791445925> (дата обращения: 27.08.2023).

нами – Киргизией и Узбекистаном, остальные страны региона зависят от выделенных ими поставок¹¹.

Контроль над водными ресурсами становится причиной межгосударственных конфликтов, которые усугубляются тем, что одна из сторон располагает возможностью ограничить подачу воды. Ограничение и прекращение подачи воды или же, наоборот, сброс огромного количества воды из водохранилища – это способ одной из сторон конфликта оказывать давление на своего оппонента. Поэтому вопросы обеспечения населения и экономики пресной водой в условиях дефицита водных ресурсов рассматриваются руководством стран региона как компонент стратегии национальной безопасности.

С тем чтобы предотвратить дестабилизацию в регионе на фоне борьбы за водораздел, ЕС запустил специальный проект – в 2009 г. была создана платформа по сотрудничеству в области окружающей среды и водных ресурсов (WECOOP)¹². Задача платформы – поддерживать политический диалог по устойчивому развитию и расширять сотрудничество по линии ЕС – Средняя Азия в области изменения климата. В рамках проекта проходили следующие мероприятия: заседания Межведомственного координационного совета Национального диалога по водной политике (НДВП), учебные поездки для ознакомления с экологической политикой и примерами передовой практики ЕС, семинары по возобновляемым источникам энергии и обмену опытом, вебинары и тренинги на тему создания инвестиционных проектов, содействие в процессе подготовки «зеленых» инвестиционных проектов для их представления на рассмотрение международным финансовым учреждениям.

Заседания координационного совета по большей части были посвящены вопросам охраны и использования подземных вод, загрязнения Сырдарьи и трансграничного сотрудничества. В 2019 г. проект был продлен и в апреле 2023 г. завершил свою работу. На основе ключевых направлений деятельности и итогов, представ-

¹¹ Мубаракшин Б.Н. Гидроэнергетика Киргизии в контексте решения водно-энергетических проблем Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 1 (28). – С. 113–117.

¹² WECOOP. Central Asia Cooperation on Water – Environment – Climate Change. – URL: <https://wecoop.eu/ru/about/> (дата обращения: 27.08.2023).

ленных на сайте проекта, можно сказать о том, что WECOOP был больше направлен на приближение республик региона к стандартам ЕС и продвижение зеленых инвестиций.

В 2022 г. по инициативе ЕС возник еще один проект, затрагивающий вопросы водных ресурсов и борьбы с изменением климата в Средней Азии – Team Europe¹³ («Команда Европы») в рамках стратегии Global Gateway – инициатива, направленная на поддержку регионального сотрудничества, управление в целях устойчивого развития и на увеличение инвестиций в интегрированный «голубой» и «зеленый» переход в регионе.

На Седьмой конференции высокого уровня ЕС – Средняя Азия, прошедшей в феврале 2023 г. в Риме, глава по сотрудничеству представительства ЕС в Казахстане Й. Баур сообщил, что лишь первоначальный финансовый вклад в данный проект составляет 50 миллионов евро. В дальнейшем страны – участницы ЕС должны предоставить вклады на сумму 150 млн евро. Данная инициатива призвана объединить в себе все предыдущие и ныне действующие программы ЕС в Средней Азии в области водной безопасности и борьбы с изменением климата¹⁴.

* * *

На основе вышеперечисленных аргументов можно сделать вывод, что в Средней Азии особо остро стоит вопрос безопасности. С начала 2000-х годов Европейский союз создал достаточно много программ, имеющих своей целью поспособствовать стабилизации Средней Азии. ЕС уделил внимание и безопасности границ в контексте близости региона к Афганистану и Сирии (БОМКА). Впоследствии появилась программа (КАДАП), обусловленная близостью республик к очагам нестабильности, но посвя-

¹³ Team Europe initiatives // European Commission. – URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/policies/team-europe-initiatives_en (дата обращения: 27.08.2023).

¹⁴ Поддержка зеленой энергетики и эффективного распределения водно-энергетических ресурсов – приоритеты Евросоюза в Центральной Азии // News Central Asia. – 25.01.2023. – URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/01/25/podderzhka-zelenoy-energetiki-i-effektivnogo-raspredeleniya-vodno-energeticheskikh-resursov-prioritet-yevrosoyuza-v-tsentralnaya-aziya/> (дата обращения: 27.08.2023).

щенная уже предотвращению развития наркоторговли и борьбой с последствиями неконтролируемого наркотрафика. Помимо этого, ЕС не упустил и то, что под угрозой находится безопасность не только внешних границ, но и внутренних, на фоне исторических трудностей с демаркацией границ между республиками. Отдельной сферой сотрудничества стала водная безопасность, также исторически обусловленная неравномерным распределением водных ресурсов в регионе.

В связи с этим программы, реализуемые ЕС, стали чем-то вроде открытой платформы по безопасности в Средней Азии, которая дает возможность странам рассматривать существующие региональные проблемы. Примечательно, что Европейский союз позиционирует данные инициативы не как внедрение в устоявшуюся систему и ее последующую адаптацию к новой системе ценностей, а как взаимодействие и совместные со среднеазиатскими республиками усилия по стабилизации региона.

В заключение стоит сказать о том, что весомая помощь, направленная на поддержание безопасности, была продиктована двумя причинами: во-первых, это стало возможностью для ЕС, чтобы закрепиться в регионе – за счет оказываемой помощи Евро-союз укреплял свое присутствие в регионе и расширял свой функционал; во-вторых, в нестабильной Средней Азии у стран Европейского союза не было бы возможности развивать приоритетные проекты, связанные с энергоресурсами, транспортом и транзитом.

Список источников и литературы

1. БОМКА. Программа содействия управлению границами в Средней Азии. – URL: <https://www.bomca-eu.org/ru/home-ru> (дата обращения: 27.08.2023).
2. Глава государства подписал Указ «Об утверждении Стратегии национальной безопасности Республики Казахстан на 2021–2025 годы» // Официальный сайт президента Республики Казахстан. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-podpisal-ukaz-ob-utverzhdenii-strategii-nacionalnoy-bezopasnosti-respubliki-kazahstan-na-2021-2025-gody-215354> (дата обращения: 27.08.2023).
3. Дмитриева Е.Л. Постсоветская Центральная Азия: этнотерриториальные споры и пограничные конфликты. (Обзор) // Россия и мусульманский мир. – 2018. – № 4 (310). – С. 45–55.

4. Колесникова Л.С. Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии и ее влияние на евроазиатскую интеграцию // Постсоветские исследования. – 2020. – Т. 3, № 2. – С. 136–144.
5. Концепция национальной безопасности Киргизии // Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430815?ysclid=lluq3nf64m791445925> (дата обращения: 27.08.2023).
6. Кудряшова Д.А. Влияние Запада на постсоветское пространство: поступательное движение по смене культурного кода // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 113–128.
7. Мубаракшин Б.Н. Гидроэнергетика Киргизии в контексте решения водно-энергетических проблем Центральной Азии. – 2013. – № 1 (28). – С. 113–117.
8. На встрече министров ЕС и Центральной Азии обсуждались возможности для расширения сотрудничества // The diplomatic service of the European Union – 17.11.2020. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/на-министров-ес-и-центральной-азии-обсуждались-возможности-для-расширения-сотрудничества_ru (дата обращения: 27.08.2023).
9. Поддержка зеленой энергетики и эффективного распределения водно-энергетических ресурсов – приоритеты Евросоюза в Центральной Азии // News Central Asia. – 25.01.2023. – URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/01/25/podderzhka-zelenoy-energetiki-i-effektivnogo-raspredeleniya-vodno-energeticheskikh-resursov-prioritety-yevrosoyuza-v-tsentrlnaya-aziya/> (дата обращения: 27.08.2023).
10. Стратегия развития нового Узбекистана 2022–2026 // Центр устойчивого развития. – URL: <https://brmnnt.uz/ru/newid/86> (дата обращения: 27.08.2023).
11. CADAP. Central Asia Drug-Action Programme. – URL: <https://www.eu-cadap.org/> (дата обращения: 27.08.2023).
12. LEICA. Law enforcement in Central Asia. – URL: <https://www.project-leica.eu/> (дата обращения: 27.08.2023).
13. Team Europe initiatives // European Commission. – URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/policies/team-europe-initiatives_en (дата обращения: 27.08.2023).
14. WECCOOP. Central Asia Cooperation on Water – Environment – Climate Change. – URL: <https://wecoop.eu/ru/about/> (дата обращения: 27.08.2023).

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.09

УДК 327

**ОТСТАИВАЯ СОБСТВЕННОЕ «Я»:
ФАКТОР ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ.
ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ
ТОГРУЛОМ ИСМАИЛОМ**

АВАТКОВ Владимир Алексеевич

доктор политических наук, доцент, заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

E-mail: v.avatkov@gmail.com

SPIN-код: 7909-2304

ORCID: 0000-0002-6345-3782

Для цитирования: *Аватков В.А.* Отстаивая собственное «я»: фактор онтологической безопасности во внешней политике современной Турции. Интервью с профессором Тогрулом Исмаилом // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 3 (3). – С. 145–155. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.09.

Аннотация. Интервью турецкого политолога, профессора Тогрула Исмаила из Университета Сютчу Имам, Кахраманмараш о развитии современной турецкой идентичности и особенностях политики в сфере безопасности Турецкой Республики. Интервью подготовлено в рамках исследовательского проекта № 22-28-00726, реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН при поддержке Российского научного фонда.

Ключевые слова: Турция, современная внешняя политика Турции, политика идентичности, политика безопасности, Тогрул Исмаил, интервью.

Благодарности. Интервью подготовлено в рамках исследовательского проекта № 22-28-00726 «Онтологическая безопасность как детерминанта поведения государственных акторов на международной арене (Россия, Сербия, Турция)», реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН при поддержке Российского научного фонда.

**Defending Own Identity: Factor of Ontological Security
in Foreign Policy of Modern Turkey.
Interview with Professor Togrul Ismail**

Vladimir A. AVATKOV

DSc in Political Science, Associate Professor, Head of Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

E-mail: v.avatkov@gmail.com

SPIN-code: 7909-2304

ORCID: 0000-0002-6345-3782

For citation: Avatkov V.A. (2023). Defending Own Identity: Factor of Ontological Security in Foreign Policy of Modern Turkey. Interview with Professor Togrul Ismail. *Middle & Post-Soviet East*, no. 3 (3), pp. 145–155. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.09.

Abstract. Interview with a Turkish political scientist, professor at the Kahramanmaraş Sütçüimam University Togrul Ismail on the development of modern Turkish identity and the peculiarities of the security policy of the Turkish Republic.

Keywords: Turkey, modern Turkish foreign policy, identity politics, security policy, Togrul Ismail, interview.

Acknowledgments. The interview was prepared as part of research project No. 22-28-00726 “Ontological security as determinant of behavior of state actors in international arena (Russia, Serbia, Turkey)”, implemented at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation.

Турецкий профессор Тогрул Исмаил – выпускник МГУ им. М.В. Ломоносова. В настоящее время преподает на кафедре политологии и международных отношений в Университете Сютчю Имам, Кахраманмараш. В 1991 г. защитил диссертацию на кафедре социальной структуры и социальных изменений Бакинского государственного университета. С 2010 по 2018 г. работал на кафедре международных отношений ТОВВ ЕТУ. Автор большого количества научных статей и книг по политическим наукам, истории, экономике Турции, постсоветского пространства и российско-турецких отношений.

– Что такое в Вашем понимании «онтологическая безопасность» современной Турции? Есть ли понимание того, что современная внешняя политика Турции определяется не только балансом интересов и угроз, но также общим представлением турецкого общества и политических элит о «биографии своей нации», об особенностях исторического пути, который сегодня диктует те или иные действия Анкары на международной арене?

– Современное понятие онтологической безопасности Турции восходит еще к 1920-м годам, когда Турция начала национально-освободительное движение под руководством Мустафы Кемаля Ататюрка. После Лозаннской конференции Турция активно отстаивала свое «я». И в отличие от других государств Турция была создана на основе трех логик. Первой являлась логика создания нового турецкого общества в рамках национально-освободительного движения, естественно, с границами, национальными территориями и понятием *milli* – т.е. «национального». Второй логикой стало определение внешней политики не только через баланс интересов и угроз, но и, естественно, с учетом интересов созданного нового турецкого общества и политических элит. Третьей логикой стало создание новой биографии нации.

Эти возможности, особенно после Лозаннской конференции, сформировали особенности исторического пути, которые долгое время определяли действия Анкары на международной арене. В целом взгляды Мустафы Кемаля Ататюрка составляют основу современного турецкого государства, хотя последние 20 лет – может быть, более – когда к власти пришла Партия справедливости и развития, появились новые элементы как во внутренней, так и во внешней политике Турции.

К таковому относится, например, понятие исламизма. Партия справедливости и развития на протяжении всей своей политической истории тем или иным образом продвигала и развивала тезис политического ислама. В целом если взять даже самый сильный период, который, как вы знаете, продолжается более 20 лет (поскольку президент Р.Т. Эрдоган снова выиграл выборы), то можно сказать, что тезисы ислама не противоречат осевой линии политики Турецкой Республики. То есть на фоне того, что было

заложено Ататюрком, – просто возникло новое, так скажем, новый колорит или новый вид современной внешней политики.

Но одновременно с этим надо сказать, что последнее время само понятие Турции – собственно «я» – начало выходить на передний план. И Турция как государство, которое находится в очень интересном регионе, именно учитывая свое «я», может противостоять ключевым угрозам Ближнего Востока, Средиземноморского региона, Черноморского региона, Кавказа и так далее. Вот этим и отличаются современные действия Анкары на международной арене.

– Если такого единого подхода в обществе нет, то каковы основные разделительные линии в отношении исторического пути турецкой нации?

– В целом единый подход в обществе есть. Это, еще раз повторю, взгляды Ататюрка, ататюркизм, который до сих пор задает основы государства. Но есть определенный колорит, или определенные... я бы не сказал, что разделительные линии в отношении исторического пути турецкой нации, но это «*добавленный колорит*».

То есть Партия справедливости и развития на первом этапе, например, для того, чтобы показать себя еще более сильным и крупным игроком на политической арене, основывалась на истории османского периода – значительное число «оттенков» *османизма* проявлялось в действиях руководства страны, в высказываниях и так далее, и, естественно, эти вопросы нашли отражение также в культурном восприятии общества.

Но если внимательно посмотреть, сама внешняя политика, скорее всего, исходит из интересов не только турецкого общества и политических элит, но и реального баланса интересов, сил, угроз – на том, как они взаимосвязаны.

Если посмотреть с такой позиции, то отсутствует серьезное разделение турецкой нации по линии исторического пути. Отдельные определенные взгляды, подходы – очень «маргинальны». Естественно, руководящая сила государства, т.е. правительство – исходит из общей линии развития страны – никак невозможно

отойти от той позиции или тех взглядов Ататюрка, которые создали основу внешней и внутренней политики турецкого государства.

– Существует ли сегодня разрыв в представлениях об османском периоде и о «столетии Ататюрка»? Складывается ли целостный образ турецкого исторического пути («биографии нации»)?

– Очень маргинально... конечно, есть попытка создания разрыва в представлениях об Османской империи, о столетии Турции, Ататюрке. Честно говоря, надо сказать, что вообще сама система не только среднего, но и высшего образования – формирует целостное представление, начиная не только с Османской империи, но и в целом с тюркской истории в соединении с нынешним столетием. Конечно, в последнее время осуществляются попытки как-то вывести вперед османский период, есть и некоторые маргинальные попытки противопоставить эти взгляды, но в целом надо сказать, что образ турецкого исторического пути, или биография нации имеет целостный характер, еще раз повторю. Но все зависит, конечно, от баланса внутренних сил и т.д.

Ситуация показывает, что на настоящий момент этот баланс сил невозможно изменить, турецкое общество современно, и оно уверенно исходит из принципов, которые были учреждены 100 лет тому назад. Еще раз повторю, в последнее время «колорит» есть, но он создает лишь минимальные отличия в подходе. При этом целостность и взаимопонимание общества существует, хотя в политическом плане – в контексте выборов и выборной системы иногда мы видим очень резкие высказывания. Но эти высказывания сразу же после выборов утихают, и общество опять возвращается в то русло, которое является основным вектором развития государства.

Целостность исторического пути как раз исходит из основ – создания турецкого государства, самого понятия турецкой нации. При этом в последнее время дают о себе знать проявления сепаратизма, попытки внешнего давления и т.п., чтобы разрушить эту основу. Тем не менее в целом мы видим, что подобные попытки пока безрезультатны.

– Видите ли Вы отличия в подходах Турции и других крупных (великих) держав в плане восприятия собственного исторического пути и его влияния на внешнюю политику? В чем особенность турецкого подхода?

– Конечно, отличия Турции от других крупных держав в плане восприятия собственного исторического пути есть, и это влияет на внешнюю политику не только Турецкой Республики. Турция исходит из восприятия национальных интересов – это экономическая основа, культурные связи, связи с тюркским миром и теми странами, которые имели османский период в своей истории, общие интересы и т.д. Политика на Балканах очень явно это демонстрирует. На Ближнем Востоке немного сложнее, конечно. Также есть сложности на Южном Кавказе, в Средней Азии или в отношениях с Россией и Украиной в евразийском регионе.

На самом деле турецкое государство, когда создавалось, имело очень много общего и с советской Россией. На протяжении десяти лет оба государства имели очень серьезные отношения, и внешняя политика строилась на основе дружеских связей. В середине 1930-х годов, после территориальных притязаний Сталина, конечно, отношения испортились, и Турция вынуждена была, особенно после Второй мировой войны, искать новые направления сотрудничества, что привело ее в итоге к присоединению к Североатлантическому альянсу (НАТО).

Но, несмотря на это, мы видим, что на современном этапе, начиная с 1990-х годов, у Турции проявились собственные интересы и, в отличие от западных стран, Турция после распада СССР и окончания Холодной войны, начала воспринимать новый мир и новый евразийский регион в ином ракурсе. И здесь самым главным было взаимопонимание и общность экономических интересов, конечно, учитывая трудности политического взаимопонимания в начале 1990-х годов.

Но, к сожалению, не все всегда удается. Нужно взаимное понимание между обществами, и я думаю, что здесь начали проявляться определенные проблемы. С течением времени в региональном смысле Турция, конечно, добилась определенных успехов. Современная Турецкая Республика, несмотря на то что является членом НАТО и демонстрирует стремление к европейской инте-

грации, своей внешней политикой продолжает подходы, основанные в первую очередь на собственных национальных интересах, которые связаны и с историей Турции и ее политическими традициями. Это, я думаю, адекватный подход, который, опять же, – как раз в плане восприятия собственного исторического пути турецкой нации – влияет на определение внешнеполитических приоритетов.

– Сейчас отмечается столетие Турецкой республики. Насколько значимы различия между Турцией Ататюрка и Турцией Эрдогана в плане определения национальной идентичности, образов прошлого, геополитического выбора?

– Да, в этом году отмечается столетие Турецкой Республики. Я бы не сказал, что есть значимые различия между Турцией Ататюрка и Турцией Эрдогана в плане определения национальной идентичности, образов прошлого и геополитического выбора. Серьезных изменений нет. Основы турецкого государства, как я уже говорил, были заложены Ататюрком. Я думаю, в этом смысле данная основа настолько значима и серьезна, что имеет фундаментальный характер, который сегодня определяет национальную идентичность, создает образы прошлого и влияет на геополитический выбор.

Современная политика Эрдогана немного добавила «колорита» во внешнюю политику Турции и, естественно, восприятие национальной идентичности. То есть серьезного разделения нет – может быть, это требование анатолийской части Турции, где ислам воспринимается иначе, нежели в крупных городах развитой части Турции, и Эрдоган прекрасно это знает. Но серьезных изменений, серьезных отходов от основных моментов нет. Я думаю, что политика Эрдогана – как прагматика и реалиста – связана не с общим геополитическим выбором, а как раз с конкретной ситуацией, которая происходила в регионе и, естественно, Эрдоган пытался учитывать, как собственные интересы, так и политические взгляды. То есть не всегда политические взгляды могут совпадать в общем и целом с интересами общества, но все же серьезного отхода от общих национальных интересов, я думаю, не было. Есть актуальные изменения, и даже сейчас мы видим, что политика Эрдогана вновь изменилась после выборов. Однако стратегически президент

Эрдоган продолжает курс, который был в начале его политического пути. Он реалист и исходит из той ситуации, которая существует сейчас и которая отвечает национальным интересам.

– Насколько влияет курс на европеизацию и его нынешняя ревизия, отражающая восприятие национальных ценностей и исторического пути Турции.

– Конечно, европеизация и нынешняя ситуация серьезно влияют на восприятие национальных ценностей Турции, которая еще начиная с середины XIX в., выбрала курс на сближение с Европой. Это отношение к Западу, понятие *Batılazma* – оно в турецком обществе всегда воспринималось по-разному. Конечно, в период Ататюрка дело ограничивалось только восприятием тех ценностей – европейских культурных ценностей, – которые не мешают развитию национальных интересов. Во времена Ататюрка и после него турецкое общество исходило из собственных ценностей и национальных интересов. При этом исторический путь Турции основывался на развитии национальных культурных традиций и их восприятии во всем мире.

Проблемы с Европой есть, особенно в политическом смысле этого слова. Конечно, раз политика выходит вперед, значит, идет процесс рассмотрения определенных вещей, восприятия различных ценностей, которые не всегда совпадают с ценностями национальными, что особенно проявилось в период правления Партии справедливости и развития, чье представление о ценностях не всегда совпадает с представлениями и интересами европейцев. Поэтому мы видим различные высказывания в адрес Турции и ее подходов – это касается проблематики «демократии», отдельных ценностей и т.д. Конечно, есть вещи в Европе, которые там принимаются нормально, а для турецкого общества это уму непостижимо. В Турции большинством ее населения эти вещи рассматриваются как удар по не только национальным интересам, развитию национальных ценностей, но и вообще – как факторы, которые могут нарушить состав или баланс турецкого общества.

Поэтому в этих вопросах чувствительность есть, восприятие мира – оно отличается, но попытка понимать или искать подход к созданию совместных проектов существует. В целом можно

сказать, что турецкий путь развития, и особенно его историко-культурные основания, своеобразны и определяются ценностями, которые не всегда совпадают с европейскими.

– Можно ли рассматривать милитаризацию страны как своеобразный ответ на ощущение неуверенности общества в своей онтологической безопасности? Или же это специфика, связанная с политическими амбициями конкретного лидера?

– Не думаю, что милитаризация страны является своеобразным ответом на ощущение неуверенности общества в своей онтологической безопасности. Здесь надо помнить, что турецкое государство было создано военным путем: во главе национально-освободительного движения долгое время стояли военные. То есть особое восприятие армии и ее роли в национальном развитии, опять же, является составной частью самовосприятия турецкого общества.

Конечно, в последнее время происходит, так скажем, отход от милитаризации страны. На первый план выходят более гражданские подходы и идея гражданского общества. Но в целом, учитывая активность региона, в котором постоянно идут боевые действия и существуют различные террористические группировки, а также учитывая тот факт, что в современном мире вооружение и усиление вооруженных сил имеют особое значение, Турция для обеспечения своей безопасности, – не только онтологической, но и в ее более общем контексте – создает новые структуры, которые в технологическом смысле дают возможность для укрепления обороноспособности страны и для обеспечения ведения войны XXI в. Это сверхтехнологическое вооружение, которое не только приносит успех стране, но и создает возможность для обеспечения уверенности в собственной безопасности и безопасности региона в целом.

Не думаю, что нынешняя специфика связана с политическими амбициями какого-либо конкретного лидера. Эта политика всегда была и активно (притом успешно) развивалась в последнее время.

– Как гражданин Турции, ощущаете ли Вы себя в безопасности с точки зрения угроз традициям, национальной идентичности, представлениям об особом историческом пути, отношений с соседями?

– Как гражданин Турции могу сказать, что восприятие лозунга «Мир в стране – мир в мире» (*yurtta sulh barışta sulh*) – оно, вообще-то, с точки зрения безопасности было очень важным и серьезным. То есть вот такое высказывание Ататюрка, я думаю, создавало определенную позицию или точку зрения по отношению к угрозам традициям, национальной идентичности или отношениям с соседями. То есть Турция как государство, несмотря на то что создано было в начале 1920-х годов, именно первые десятилетия вела себя настолько уверенно, что вот эти понятия находились в особенном русле. Турецкое государство в течение 100 лет всегда пыталось отойти от конфликтов, в том числе с соседями, предоставляло возможность развития дружественных и мирных отношений.

Конечно, сегодня определенные угрозы есть, но это не связано с внутренней политикой, это, скорее, связано с геополитическими изменениями и ошибочными действиями политических сил страны – это проблема беженцев, ошибки в борьбе с террором и т.д. Исходя из этого и турецкое общество, и руководство страны, и политические партии, независимо от того, где они находятся, видят эти угрозы и проблемы и предлагают свои пути их решения.

Нынешняя ситуация сложна, конечно, но еще раз повторю: это не только беженцы, не только борьба с террором, но, естественно, это и современное технологическое развитие, в частности социальные сети, в которых иногда появляется и полная чушь. Это особенно влияет на молодежь, на их мировосприятие, на взгляды некоторой части общества. Думаю, что в этом, в отличие от других обществ, турецкое общество немного сильнее. У Турции есть и национальные традиции, и образование, и, конечно, подходы в этом вопросе имеют особое значение. Такой устойчивый фундамент, несомненно, имеет положительный эффект.

– Назовите три плюса и три минуса политики безопасности Турции (имеется в виду не только онтологическая безопасность, но ее традиционное и комплексное понимание во всех значимых аспектах), а также пять первых ассоциаций со словосочетанием «безопасность Турции».

– Три плюса – это *единый подход во внешней политике*, учитывая общие национальные интересы; второй плюс – *борьба с терроризмом*, который практически побежден; третий плюс – это *восприятие армии и нации*. Здесь также есть серьезный подход, который лежит в основе защиты национальных интересов.

Три минуса политики безопасности – это, прежде всего, *ошибочное ведение ближневосточной политики*, которая привела к потоку беженцев; *внутриполитическая ситуация* в связи с борьбой с террором и, естественно, *экономический момент*. Это те три минуса, которые могут создать серьезные сложности для Турции.

Пять первых ассоциаций со словосочетанием «безопасность Турции»: *единство общества*, т.е. турецкое общество сильно и восприятие его в целом едино; *государство*, защита государства, национально-патриотические чувства сильны, в этом смысле Турция тоже отличается от других. Конечно, это способствует безопасности Турции. Такие моменты, как *армия или вооружения* и т.д. – очень важны, и они тоже основываются на общих интересах. *Демократическое общество* – тоже имеет особое значение. И, наконец, я полагаю, самое важное – *понимание региональных интересов*. То есть турецкое общество смотрит на безопасность Турции через призму хороших условий развития отношений с соседями тоже.

БЛИЖНИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ВОСТОК

№ 3 (3) – 2023

Научный журнал

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор Л.Н. Казиминова

Подписано к печати 16/XI-2023 г. Формат 60×84/16

Бум. офсетная № 1 Печать офсетная

Усл. печ. л. 10,0 Уч.-изд. л. 8,0

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Заказ № 203

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий

Тел.: +7 (925) 517-36-91

e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов,

ул. Чернышевского, д. 88, литера У